БИБЛИОТЕКА ПО ИСТОРИИ ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Н. Д. ФЛИТТНЕР

В СТРАНЕ ПИРАМИД

Утверждено
Наркомпросом РСФСР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1936 — ЛЕНИНГРАД

Цена 1 р. 25 к., пер. 30 к.

Ответственный редактор *П. И. Пронин*
Технические редакторы: *Р. А. Пок* и *Л. Н. Никольская*
Художник *П. Н. Григорьевский*

Книга сдана в набор 1/VI 1936 г. Подписана к печати 23/VIII—1936 г. Учпедгиз № 3963. Ленгорлит № 19018. У-2. Тираж 35000. Зак. № 698. Формат бумаги 82×110 см. Печ. л. $11^{1}/_{2}$. Авт. л. 8,43. Бум. л. $2^{7}/_{8}$. (133.632 тип. зн. в 1 бум. л.).
Бумага Горьковской фабрики.

2-я типография ОГИЗ'а РСФСР треста «Полиграфкнига» «Печатный Двор» имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует*	*По вине*
37	14 сверху	большого сфинкса	большой сфинкс	корректора Носилова
38	10	семинария	семинарии	редактора
72	Подпись под рисунком	Кремневой	Кремневый	корректора Носилова
86		Ступеньчатая	Ступенчатая	то же
111	4 снизу	имен	имени	редактора
169	Сноска	Мейе	Мейс	корректора Поляковой

Флиттнер. В стране пирамид.

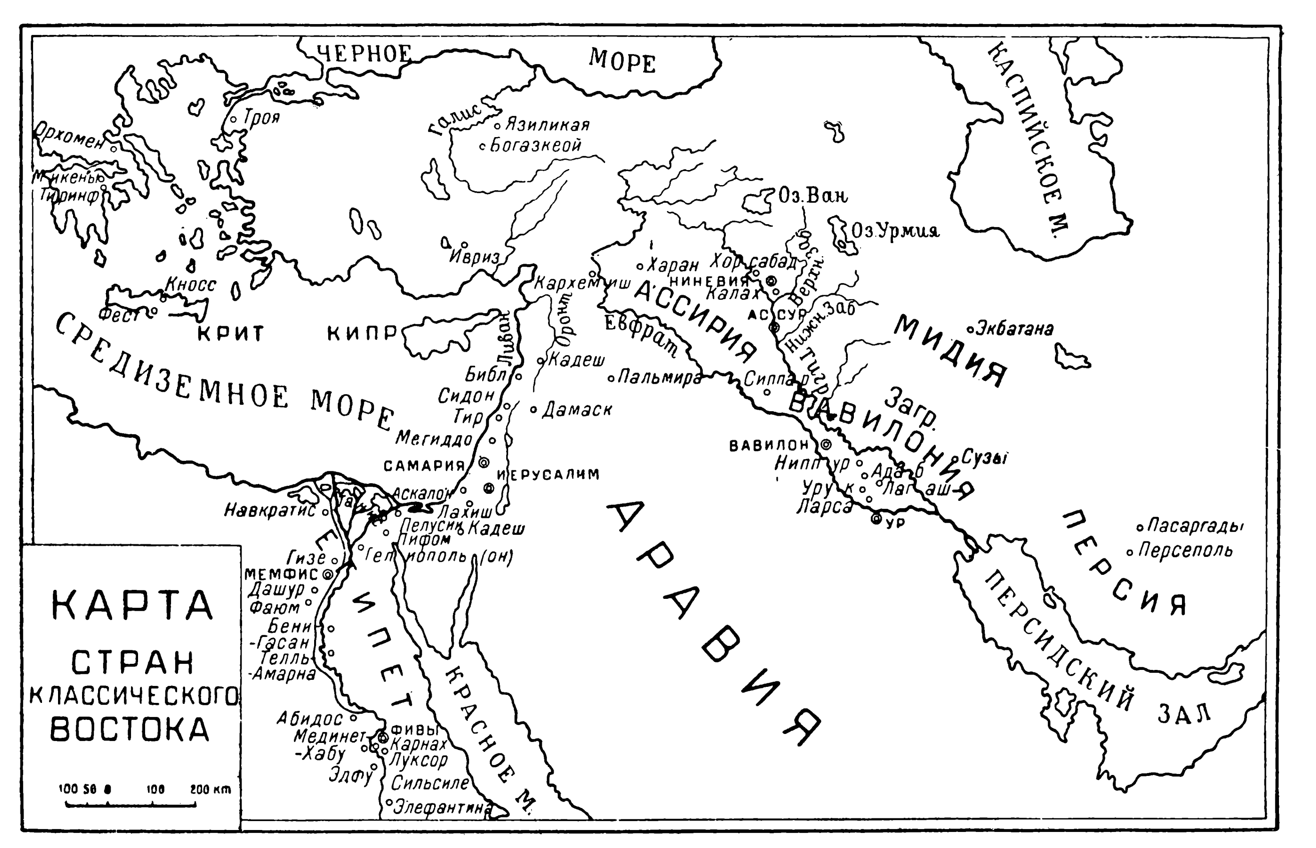
I. КАК НАЧАЛОСЬ ЗНАКОМСТВО С ДРЕВНИМ ЕГИПТОМ.

Как попасть в Египет? Каким путем доехать туда проще всего, если отправиться, скажем, из Ленинграда?

Надо по железной дороге доехать до Одессы, там сесть на пароход, который идет по Черному морю, через Босфор и Дарданельский пролив по Эгейскому морю, мимо большого острова Крита, к югу, через открытое Средиземное море до города Александрии. А город Александрия находится уже в самом Египте.

Переезд в Египет займет несколько дней и тем, кто ожидает в море интересных приключений, покажется даже скучным. К назначенному часу приходит пароход к местам стоянок, спускает одних пассажиров на берег, принимает на борт других, грузит уголь и товары, в назначенный час отваливает он по направлению к месту следующей стоянки. Катит синее море свои пенистые валы, играет лазурью и золотом, пеной взлетая у скалистых берегов островов Эгейского моря; скроются за горизонтом одни, — на их место встают другие.

Потом пароход выходит на широкий простор, архипелаг Эгейского моря остается позади, и только дельфины ныряют и кувыркаются в синих волнах, провожая судно, обгоняя его и снова возвращаясь к нему. Потом на горизонте вырисовывается полоска низкого берега, вырастают здания, набережные. Суета, толкотня, крики, восклицания на всевозможных языках шум большого города охватывают путешественника. Это — Александрия, богатейший торговый порт современного Египта.

Карта стран древнего Восток

В несколько дней мы очутились в Египте. Так же быстро можем мы проехать вдоль всей страны, до самой ее южной границы в древности — до городка Ассуана, у первых порогов Нила. Железная дорога проложена параллельно течению Нила.

Железная дорога доставляет путешественника быстро, но пользоваться ею не всегда приятно. Надо быть очень выносливым, чтобы решиться ехать этим путем в марте-апреле месяце. В это время в Египте наступает самое тяжелое время года. Из пустыни дует знойный, сухой ветер «хамсин». Тучи мелкой пыли летят и забираются в вагон даже сквозь щели закрытых ставен. Пыль хрустит на зубах, густым слоем покрывает все, забирается даже под стеклышко карманных часов.

«Хамсин» по счастью дует недолго; на это указывает даже его имя — «хамсин», что значит по арабски «пятьдесят» — так как он дует не более пятидесяти дней.

По Нилу можно проехать и на пароходе. И опять-таки путешественник, который думает, что стоит ему отвалить от пристани, и он увидит густые заросли папирусов по берегам, крокодилов, греющих свою чешуйчатую спину под палящим южным солнцем, гиппопотамов, выставляющих гигантские головы из зарослей белых, розовых и голубых лотосов, — будет очень разочарован. Чтобы увидеть папирусы и лотосы, крокодилов и гиппопотамов, ему придется ехать гораздо дальше на юг, к верховьям Нила, так как в пределах Египта они вообще не водятся.

Зато всюду в городах, даже в маленьком Ассуане у первых порогов Нила, он встретит в гостиницах электричество, телефоны, телеграф.

Конечно, все эти удобства доступны только богатым туристам, а в глинобитных хижинах земледельцев-феллахов нет ни электричества, ни тем более телефонов.

Вот в каких условиях попадает в наши дни в Египет путешественник. Давно ли однако наступили эти условия? И что влечет к себе туристов и ученых в Египет?.. Попро-

буем ответить на этот вопрос, заглянем в старые книги, которые расскажут нам, как еще недавно путешествовали в Египет; обратимся к ученым, пусть они объяснят нам, что интересного в древней стране пирамид, и почему они, ученые, не жалея ни сил, ни времени, собирают сведения о ней годами, — пусть расскажут, где и как ищут, где и как находят эти сведения.

Поход Наполеона в Египет; ученые и художники отправляются с армией для исследования и описания страны пирамид. Братья Шампольоны.

Наступил 1798 год, шестой год существования молодой французской буржуазной республики.

Шестой год шел с тех пор, как французский народ низложил короля, а вся остальная Европа все еще не хотела признать нового государства. Со всех сторон грозили Франции враги, на всех фронтах должна была страна охранять свой новый порядок. Одним из самых упорных врагов была Англия. Она держала в страхе население берегов Франции, не впускала и не выпускала товары во французские гавани и обратно: английский флот был гораздо сильнее французского. Но было одно слабое место у Англии, это — ее колонии, ее величайшее богатство. А среди них на первом месте стояла Индия. Вот куда надо было направить удар против нее, чтобы ослабить самого сильного врага молодой французской республики. Таков был план 27-летнего генерала Наполеона Бонапарта, впоследствии консула и императора.

Англия свои суда посылала кругом Африки. Это был долгий и опасный путь, — бури у мыса Доброй Надежды часто жестоко трепали парусные суда.

Но был и другой путь в Индию, гораздо более короткий. Этот путь пролегал через Египет и был хорошо известен в древности. Да, собственно говоря это был даже не один путь, а целый узел дорог, связывавших Европу, Азию и Африку. Египет был точно огромная станция для караванов,

направлявшихся вверх по Нилу, к югу, к тому месту, где в древности стояли Фивы, столица фараонов. Немного севернее Фив, через Аравийскую пустыню, вела дорога к побережью Красного моря, к выходу в Индийский океан. Из Египта шли тропы и дороги также в Палестину, Сирию, к реке Евфрату, а оттуда — к Персидскому заливу.

В 1798 году, когда начинается наш рассказ, Египет находился в руках турецких султанов. Наполеон решил завоевать его и оттуда нанести решительный удар Англии, подорвав ее торговлю на Востоке.

В величайшем секрете готовилась экспедиция. В Тулоне, [1] военной гавани, стоял наготове французский флот, войска шли по дорогам. Никто не знал наверное, каково назначение флота и армии, и только смутные слухи носились, что поход будет необычайный, что отправляются в страну пирамид и мумий — в Египет, о котором столько интересного и странного рассказывали те путешественники, которым удавалось там побывать.

Поход был, действительно, необычайный еще и в другом отношении. Наполеон вел с собою не только войско. По его приглашению с ним вместе должна была ехать большая экспедиция ученых и художников: геологи должны были изучить строение гор, породы камней Египта; зоологи и ботаники должны были заняться животным и растительным миром страны; историки должны были собирать и описывать древности; художники — рисовать, чертить, так как фотографический аппарат в то время еще не был изобретен.

Поехать в Египет! В страну, о которой так много рассказал Геродот, греческий историк, побывавший там еще в V веке до нашей эры. В страну, которая со средних веков, с того времени как ее завоевали арабы, стала недоступной для европейцев. А те немногие счастливцы, которым удавалось сюда проникнуть, торопились уехать, боясь ежеминутно, что их ограбят, убьют.

«Всю жизнь мечтал я совершить путешествие в Египет», пишет Денон, художник, сопровождавший Наполеона: «я, так

сказать, открою новую страну; я первый увижу ее и увижу без предвзятой мысли; я смогу рыться в этой земле, столько времени находившейся под покровом тайны, две тысячи лет уже недоступной для европейца.»

Ведь теперь, под защитой армии, можно было спокойно рисовать, описывать, рассматривать...

С нетерпением ждали отплытия участники экспедиции. С нетерпением, надеждой и страхом мечтал о ней 19-летний сын книгопродавца Жак-Жозеф Шампольон. Его родственник отправлялся с Наполеоном в Египет и обещал похлопотать и за Жак-Жозефа. Но даже поделиться-то своей надеждой, своим страхом нельзя было молодому Шампольону, — ведь надо было соблюдать строжайшую тайну.

Только дома, потихоньку, отводит он душу, рассказывая про Египет и пирамиды маленькому восьмилетнему братишке Франсуа. Мальчуган привязан к брату больше, чем к кому бы то ни было в семье. Брат учит его, возится с ним, играет ему по вечерам на скрипке. Франсуа — мальчик на редкость способный. Ему не было еще и пяти лет, когда он сам, без посторонней помощи, выучился писать и читать. Он знает хорошо историю своего родного городка Фижака, но больше всего любит древнюю историю и пристает, чтобы ему позволили наконец учиться греческому и латинскому языку. Он даже задумывает написать свои первые «научные» труды: «Историю знаменитых собак» и «Хронологию от Адама до Шампольона Младшего». Вот только арифметика плохо дается ему, и он терпеть ее не может.

Жаль расстаться с братом, но зато как много интересного сможет рассказать Жак-Жозеф, когда вернется из Египта.

Молодому Шампольону не удалось поехать с экспедицией, и все блестящие надежды братьев разлетелись. Однако Франсуа крепко запомнил рассказы своего «старшего», как он называл впоследствии брата, — ровно через тридцать лет ему удалось побывать там, куда тщетно стремился Жак-Жозеф.

В Тулоне ждал отплытия военный флот. Участники научной экспедиции спешили быть на месте к сроку. «Не выходя из кареты» мчался Денон из Парижа в Лион, оттуда по Роне, через города Авиньон, Экс, через Марсель — в Тулон.

25 флореаля, в год шестой великой французской революции, военный фрегат «Юнона», головное судно французского флота, вышел в море. Переход по Средиземному морю длился долго, гораздо дольше, чем мог бы длиться наш переезд на современном пароходе. Были в дороге и приключения: едва фрегат вышел в море, на горизонте показались паруса. Объявлена была тревога, ночью потушили все огни, приготовились к бою; в жуткой тишине забили глухую дробь барабаны, — на утро оказалось, что флот повстречался не с англичанами, а с мирными испанскими рыбаками.

16 прериаля на судах стали иссякать и портиться запасы пресной воды. Мудрено ли? Ведь флот уже три недели был в пути, а, благодаря штилям, дальше острова Корсики двинуться не мог... Наконец дождались попутного ветра, и вскоре на горизонте показались берега острова Крита.

В наше время там ведутся большие раскопки, найдены развалины огромного дворца и много интересных вещей.

А Денон в своем дневнике отмечает с грустью, что смотреть на остров приходится издали, высадиться нельзя. У Крита флот был захвачен густым туманом. Высадиться не удалось, но благодаря туману французам удалось избежать встречи с английскими военными судами.

Как непохоже это путешествие на современные быстрые переезды по морю!

Наконец фрегат «Юнона» завидел низкие, плоские берега пустыни, подходящие к самому морю.

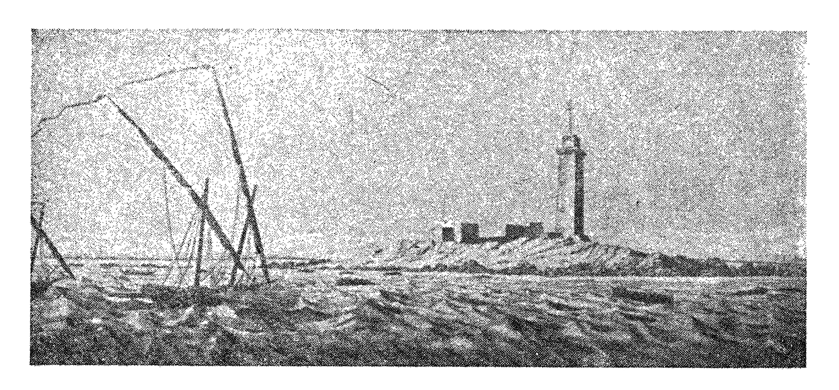
Французы в Египте; осмотр пирамид и других памятников.

Началась высадка войск. Под их прикрытием высадились и ученые.

Ярко и живо описывает Денон день за днем все, что пришлось ему видеть в Египте. В обычное время высадка в этом

месте была бы опасна: бедуины захватывали таких смельчаков и убивали их или продавали в рабство в Александрии или в Каире. Но хорошо вооруженной французской армии бедуины не были страшны.

Начались сражения После осады взята была Александрия, и Денон пишет, как поразило его смешение племен и народов, живущих, работающих, торгующих здесь: турки, арабы, копты, как называли себя потомки древних египтян,

Высадка французских войск у берегов Египта. По рисунку Денона.

живущие в городах торговлей и промыслом, греки, евреи, армяне, нубийцы из далекой страны по ту сторону порогов у Ассуана. Нубийцы ему очень понравились.

«Чем живут эти люди? спрашивает он себя, природа дала им так мало; ни мяса, ни жира нет на них — сплошь нервы, крепкие мускулы, сухожилия; темная кожа блестит, как бронза древних статуй, глаза искрятся; лица живые, веселые приветливые; вся одежда — белая повязка на бедрах; много работают, зарабатывают мало, едва едят.»

С интересом следит Денон за тем, как наступает разлив Нила. Мощная река несет огромную массу воды в море. Течение — сильное, и в часы отлива пресные воды выносятся далеко за пределы дельты. Но когда начинается прилив, море вступает в борьбу с рекой, отбрасывая назад ее волны.

Огромные намывы песка отлагаются постепенно в русле, разделяя его на два рукава, засоряя их. Где была река, там возникает болото, а река роет новое русло меняет из года в год свое течение, разбиваясь на массу рукавов.

После взятия Александрии армия Наполеона выступила по направлению к Каиру. В черте пустыни Денон увидел вдруг, будто на горизонте разлилось тихое озеро, и в нем

Нил во время разлива. По фотографии Каирского музе.

отражаются перистые верхушки пальм. Не успел он однако налюбоваться красивой картиной, как она внезапно исчезла — это был мираж.

Ближе к Нилу внимание путешественников привлекает другая картина: куда ни глянь — всюду вода. Торчат финиковые пальмы из сплошного озера, деревни расположены на холмах, точно острова среди безбрежной водной глади. От деревни к деревне дороги идут по дамбам, по насыпи плотин. Еще в середине июня вода стала выступать из берегов; Нил разлился и затопил все поля. До сентября будет стоять вода и только в октябре она спадет опять. Об этом явлении ученые много слышали; наблюдать его им удалось в первый раз.

Армия быстро подвигается к югу, осматривать страну приходится бегло, ученые делают наблюдения, пишут заметки, художники рисуют. А солдаты посмеиваются над этим отрядом штатских. По поручению Бонапарта Денон скачет к головной колонне войск. По дороге солдат нечаянно выбивает его из седла, и Денон на полном скаку летит прямо в песок:

«Вот и одним ученым меньше!» — хохочут солдаты над неловким художником.

Недалеко от Каира на горизонте показались, наконец, и пирамиды. Голубоватые, цвета неба, они издали казались легкими и прозрачными, как облако.

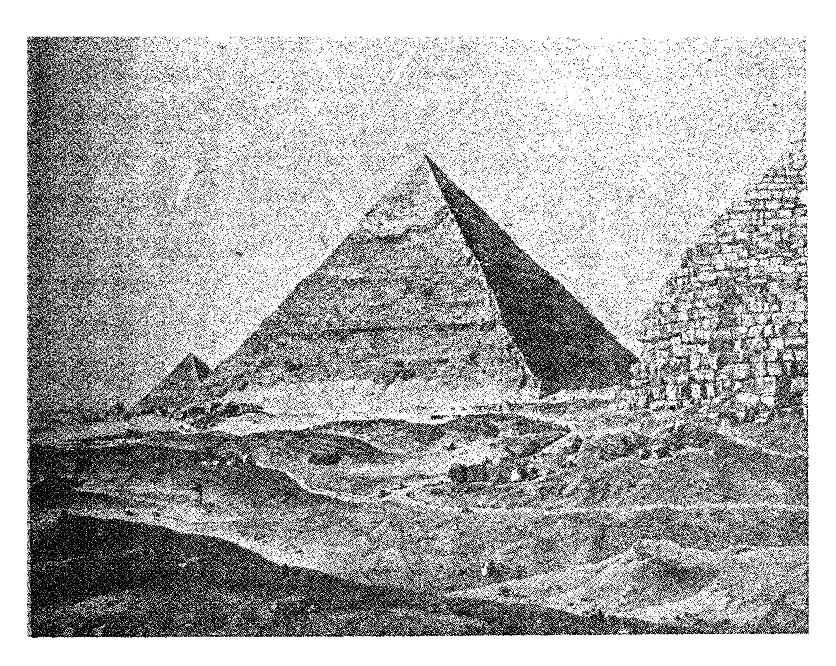
Под эскортом военного отряда в 200 человек участники экспедиции отправились на осмотр их. Ученые припоминали рассказ Геродота:

«Царь египетский Хеопс поверг Египет во всевозможные беды — он заставил всех египтян работать на него. Одни были обязаны таскать камни из каменоломен, что в Аравийском хребте, к Нилу; по перевозке камней через реку на судах их должны были принимать другие египтяне и тащить к хребту, называемому Ливийским. Таким образом работало непрерывно в течение каждых трех месяцев по сто тысяч человек. Народ томился десять лет над проведением дороги, по которой таскали камни, — работа, как мне кажется, только немного легче сооружения пирамид. Десять лет продолжалась постройка дороги и подземных покоев в том холме, на котором стоят пирамиды... Самое сооружение пирамид длилось 20 лет.

В египетской надписи, начертанной на пирамиде, обозначено, сколько издержано было для рабочих на редьку, лук и чеснок; как я хорошо помню, переводчик при чтении надписи сказал мне, что всего было выдано 600 талантов» (на наши деньги 600 талантов равняются приблизительно 1440 000 рублей золотом).

Геродот так прямо и говорит, что подземные покои и пирамиду над ними Хеопс строил, как усыпальницу для себя.

Но некоторые все еще повторяли старую басню, будто пирамиды — не гробницы, а житницы для хранения огромных запасов зерна, которые делали фараоны на случай неурожая. Поэтому ученые решили на месте исследовать, кто прав. Тем более, что по всему западному берегу Нила они видели то группы небольших пирамид в развалинах, то отдельные пирамиды, возвышающиеся из песков.

Пирамиды Хеопса, Хефрена и Микерина. По рисунку Денона.

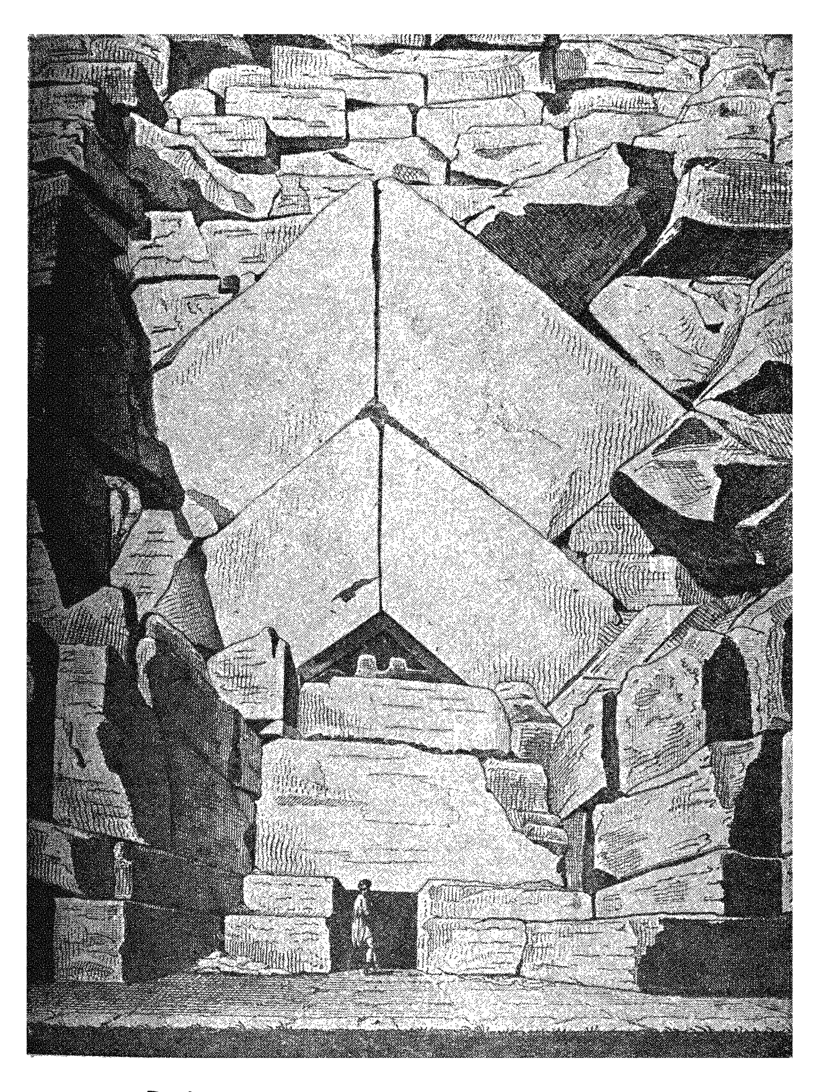
А самые высокие, счетом три, медленно приближались теперь к ним, вырастали из песков пустыни. За ними до самого горизонта расстилалась она, бескрайная, безбрежная; синее небо дышало зноем. И на этом фоне безбрежной пустыни и необъятного неба три каменные гиганта сперва казались вовсе небольшими. Только, когда около них закопошились люди и кони, смогли путешественники оценить всю грандиоз-

ность этих сооружений, да и то трудно было сразу освоиться с их невероятными размерами, особенно когда они подошли к самой подошве пирамиды Хеопса: каменная стена наклонно уходила вверх, так что верхушки пирамиды не было видно, ребра ее уходили из поля зрения, потому что каждая сторона этой громады равна почти четверти километра, и, чтобы обойти ее кругом, надо сделать почти километр пешком. «Не восхищение охватывает вас, а глубокое удивление и чувство подавленности, пишет один из участников этой поездки, ученый Жомар, стараешься понять, какие силы сдвинули эти камни, привезли, нагромоздили в порядке, сколько человек работало, сколько времени понадобилось, какие приспособления служили им...»

Нам, никогда не видавшим пирамид, только цифры смогут помочь уяснить себе, как они велики. Пирамида Хеопса сложена из 2 300 000 каменных глыб, и каждая из них весит приблизительно $2^1/_2$ тонны.

С северной стороны большой пирамиды ученые нашли ход в ее внутренность.

Захватили с собой факелы и решили проникнуть в этот ход. Трудное это было предприятие, хотя, очевидно, и до французов многие проникали уже туда. Сперва ход круто спускался вниз. Приходилось ползти согнувшись, потому что высота в этом месте не больше метра. Ноги скользили по отлично полированному камню. Около 19 метров ползли участники экспедиции буквально на четвереньках. Дышать становилось все труднее, невыносимое зловоние летучих мышей и 30-градусная жара делали прогулку совсем мало приятной. Потом ход разветвлялся: одна его часть вела вниз к небольшой подземной комнатке, другая подымалась наклонно вверх и приводила в галерею в 8 метров высоты. Казалось, что вся она высечена из целой глыбы камня; полированные стены блестели, отражая свет факелов. Напрасно старались ученые разглядеть места спайки отдельных каменных глыб, — только кое-где видны были едва заметные скважины в тех местах, где одна глыба была плотно прите-

Вход в пирамиду Хеопса. По рисунку Денон

сана к другой. Кто-то из них вспомнил, как один арабский писатель, побывавший в пирамиде, писал, что в эти скважины не то, что иглы, — волоса нельзя просунуть.

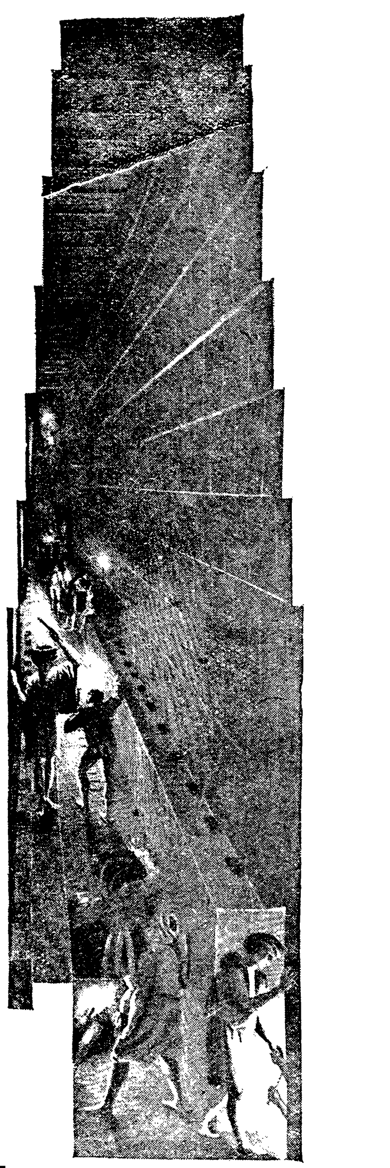
Из галереи участники экспедиции проникли в соседнюю маленькую комнатку. У стены стоял каменный ящик, без крышки, метра в $2^1/_2$ длиною. Он был пуст. Ни единой надписи не было на нем видно, да если бы и было, прочесть ее они не смогли бы, — в то время никто еще не умел читать древнеегипетских надписей.

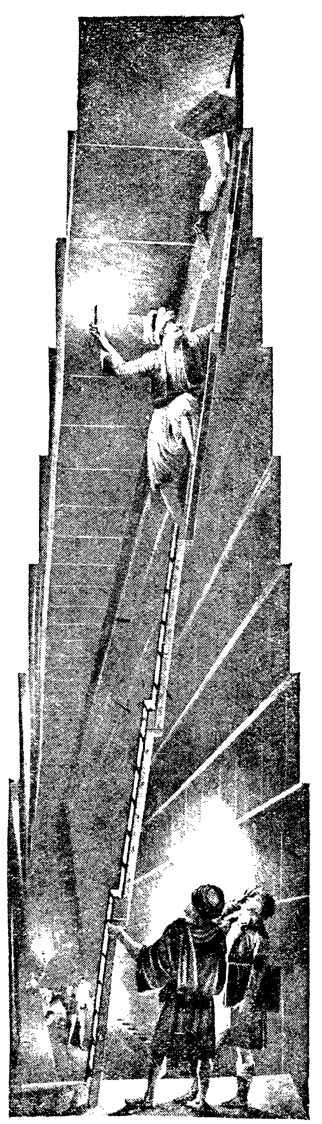
Зато путешественникам стало совершенно ясно, что Геродот был прав — пирамида является не житницей, а местом погребения фараона, а найденный ими гранитный ящик — его гроб.

Войска Наполеона двинулись дальше, к югу; солдаты сражались, ученые собирали и описывали. Войску неоткуда было получать провиант, потому что подвоз из Франции был невозможен. И вот в местах стоянок солдаты грабят жителей, феллахи мстят за это, нападают из-за угла на тех, кого застают врасплох, французы отвечают расстрелами.

— О, война! Как ты отвратительна, когда видишь тебя вблизи! — восклицает Денон. С еще бо́льшим правом могли бы сказать это несчастные феллахи, земледельцы, потомки древних египтян; их поля вытаптывали и французы и мамлюки, [2] их грабили и те и другие, а они даже не знали, из-за чего ведется война, и почему французам и мамлюкам надо сражаться на их полях.

За два года, что французы владели Египтом, экспедиция ученых успела проделать огромную работу. Такое большое количество зарисовок было сделано художниками, столько важных исследований было написано учеными, что когда через несколько лет приступили к печатанию всего этого материала, понадобилось 12 томов одних таблиц и 24 тома текста, целая маленькая библиотека, чтобы уместить его. Несколько лет пришлось разбирать весь большой вещественный материал, привезенный с собой экспедицией: древности, минералы, надписи и т. д.

Спутники Денона осматривают внутренность большой пирамиды.
По рисунку Денона.

Розеттский камень. Франсуа Шампольон. Иероглифы, иератический и демотический шрифты, коптское письмо. Попытки ученых прочесть иероглифы; работы Кирхера, Юнга и других. Шампольон находит разгадку чтения иероглифов.

Один древний памятник, не попавший однако во Францию, должен был сыграть впоследствии самую важную роль: неподалеку от города Розетты, в устье Нила, при рытье окопов был добыт из земли большой, черный камень. Вся его лицевая сторона была покрыта надписями, ясными, четкими, прекрасно сохранившимися. Камень был несколько обломан по краям, но греческая надпись читалась легко. Она содержала постановление жрецов в честь Птолемея Епифана, египетского царя, по происхождению грека, который правил в Египте в 196 году до нашей эры. Птолемей оказал жрецам ряд «милостей». И они в благодарность за это постановили поставить его статую рядом со статуей верховного божества и объявить день его рождения и восшествия на престол днями храмовых праздников.

Кроме греческой надписи, на этом камне были еще две другие, которых никто прочесть не мог, хотя верхняя была написана красивыми знаками, изображавшими разные предметы или части их.

Что это — «иероглифы», знали все со слов греческих писателей; да и в греческой части розеттского камня говорилось ясно, что то же содержание повторено еще дважды по-египетски, демотическим (народным) и иероглифическим (священным) шрифтами.

Большую ценность этого камня поняли сразу, но заняться им не было еще времени. Его только выставили в Каире, в помещении Египетского института. Этот институт был основан Наполеоном для руководства исследованием страны: надо же было знать ее естественные богатства, ее историю и т. д., если она должна была стать снова узлом торговых дорог между Западом и Востоком. Но вскоре английский флот нанес поражение французскому и грозил отрезать французские войска от Франции. Армия Наполеона вернулась

Розеттский камень. Хранится в Британском музее. Фотография.

обратно, англичане захватили влияние в Египте, а по договору 1801 года они заставили Францию отдать и розеттский камень. Его увезли в Англию, и кто хочет его теперь видеть в подлиннике, найдет его в Британском музее.

А как складывалась за это время жизнь маленького Франсуа Шампольона?

Ему было девять лет, когда родители разрешили ему начать учиться латинскому и греческому языкам. В это время его старший брат получил место в городе Гренобле и, с разрешения родителей, взял Франсуа к себе. В Гренобле в это время существовала прекрасная школа, одна из тех, которые были созданы во Франции революцией. В школе разрешали по собственному выбору заниматься больше любимыми предметами, и Франсуа, который не любил математики, получил разрешение заниматься древнееврейским языком — не в школе, конечно, а у частного учителя.

Зачем 11-летнему мальчику древнееврейский язык? Да ведь любимым предметом его в школе была древняя история, а древнееврейский язык, думал он, старше и греческого и латинского. Целым событием в его жизни было, когда брат взял его однажды с собой посмотреть коллекции египетских вещей, которые вывез с собою знаменитый ученый, физик и математик Жозеф Фурье, стоявший во главе научной экспедиции Наполеона. Снова зазвучало для маленького Франсуа заветное слово «Египет», но теперь Египет становится чем-то осязаемым. Вот перед ним вещи, вывезенные оттуда, а вот и надписи, «иероглифы», которых никто не читает.

— Отчего не читают?

— Забыли, как это надо делать.

— А я прочитаю — смело решает про себя мальчуган.

Но когда знаменитый математик предлагает ему посмотреть вещи поближе, взять их в руки, маленький смельчак застенчиво прячется за спину старшего брата.

Тяжелые годы пришлось вскоре пережить мальчику. Брат отдал его во вновь открывшийся лицей, школу военного образца. Пришлось бросить любимое занятие, пришлось жить в обстановке суровой военной муштры, заниматься главным образом физикой и математикой, а не древними языками.

В 1807 году он кончил лицей. Что делать дальше? Ехать в Париж, учиться дальше! План занятий ясен: во-первых

надо основательно изучить арабский язык, на котором говорят в современном Египте, потом надо научиться коптскому языку, то есть языку египтян христианского Египта. На нем никто больше не говорит, — это «мертвый» язык. Но ведь греческий и латинский языки мертвые тоже; а коптский ему важен, так как он все-таки — египетский, и с его помощью можно проникнуть в понимание более древнего языка. Надо овладеть еще языками персидским, санскритским, научиться читать китайские письмена...

Занятия молодого ученого идут блестяще, но вот в остальных отношениях ему живется плохо. Нет средств даже на сапоги; по грязи и сырости ходит он в дырявой обуви, живет впроголодь.

«У меня нет ни единого су, пишет он брату. Я едва могу позволить себе роскошь вычистить сапоги, уплатить за письма, которые я получаю. Хозяйка ежедневно требует уплаты за квартиру. Я беден, как поэт, я, пожалуй, немножко беднее еще, чем очень беден. Умоляю тебя, вышли мне немножко денег.»

Всего 19 лет минуло Франсуа, когда его огромные знания восточных языков обратили на себя внимание ученых, и университет в Гренобле предложил молодому ученому кафедру профессора этих языков.

Шампольон за новую работу берется серьезно, но и читая лекции, он продолжает учиться сам, настойчиво преследуя свою цель — найти секрет чтения иероглифов.

Чтобы понять всю трудность задачи, которую ставил перед собой Шампольон, попробуем уяснить себе, что же такое представляет собой египетское письмо, как оно возникло, и что о нем было известно до Шампольона.

Возьмем для примера изображения на страницах 76 и 77, на так называемой «палетке Нармера». Кто такой был Нармер, и каково было значение этой палетки в древности, об этом речь будет дальше. Нам пока важно обратить внимание только на ту группу, которая изображена на одной стороне этой палетки. Человек в высокой шапке странной формы повалил

на колени другого и, держа его за волосы, собирается ударить его по голове дубинкой с круглым набалдашником. Изображение вполне понятно и без всякого знания египетского языка: какой-то вождь или царь убивает своего врага. Но над этой группой, несколько выше, мы видим другое изображение, смысл которого понять уже труднее, хотя каждая часть его в отдельности и понятна и ясна. Из овала, изображающего болото, бассейн воды, вырастают шесть листьев водяной кувшинки — лотоса. С одной стороны из бассейна торчит голова бородатого человека с веревкой, продернутой через верхнюю губу. Веревку тянет сокол, сидящий на листьях лотоса.

Чтобы понять правильно смысл этого изображения, уже недостаточно просто посмотреть на него, как мы это сделали в первом случае.

Там мы имели художественное изображение, рисунок ясный и понятный всякому без объяснения, а чтобы понять это изображение, надо уже кое-что знать предварительно: сокол в Египте означал царя, фараона, голова с веревкой в губе изображает здесь уже не одного человека, а, вероятно, шесть тысяч поверженных врагов, так как в более позднее время лист кувшинки означал цифру 1000. Да кроме того, мы знаем, что кувшинки особенно пышно цвели в болотах северного Египта. Следовательно, можно догадаться, что в данном случае мы имеем более подробный рассказ о том же событии, о котором говорит наш рисунок ниже: вождь (сокол) убил (или взял в плен) шесть тысяч жителей северного Египта.

Если в первом случае мы имели просто художественное изображение, *рисунок*, то во втором случае перед нами — рисунок, означающий мысль и, в данном случае, довольно сложную, рисунок *символический*.

Неудобство таких символических рисунков заключается во-первых в том, что они могут быть понятны только при некотором предварительном знании об изображенных предметах, а во-вторых мы все-таки не всегда можем твердо поручиться, что правильно поняли весь их смысл. И, кроме

того, они мало удобны там, где надо передать более сложное содержание, где надо записать, например, длинное повествование.

Рисунок был не только художественным изображением, он стал родоначальником *письма*, потому что человек научился в нем не только *видеть* изображенный предмет, но и *слышать*, так сказать, *внутренним ухом* звук того слова, которое означает этот предмет. Мы знаем, например, что рисунок означает «дерево», что означает «сидящего человека», — эти рисунки *звучат* для нас по-русски, для египтянина — по-египетски. Вот этот-то способ передавать свою мысль не просто уже образными изображениями, понятными всякому, и не символическими рисунками, допускающими разное толкование (иероглиф , то есть две ноги, мог ведь означать «ходить», «бегать», «шагать» и т. д.), а знаками, передающими звуки слов, был в IV тысячелетии до н. э. изобретен и в Египте. Подметили, что каждое слово может быть в свою очередь разложено на звуки, что писать значками, означающими звуки, а не целые слова, гораздо удобнее. Наше современное письмо основано, как мы выражаемся, на звуковой системе. Звуковой была система древних финикийцев, евреев, греков; все эти народы имели свой алфавит, свою азбуку, т. е. ряд знаков, означающих звуки, но египтянин, поняв звуковой характер слова, не порвал однако, со старым способом писать и, создав знаки для слогов (силлабические) и знаки для отдельных звуков (буквы, фонетические знаки), он сохранил начертания, изображающие целые слова, означающие целые понятия.

В египетском языке во все времена продолжали существовать одновременно знаки «фонетические», звуковые, и знаки для целых слов, для целых понятий, так называемые *идеограммы*. Наряду с ними мы знаем еще ряд знаков, которые,

собственно, не читались, но которые ближе, точнее, определяли смысл написанного слова, и которые современные ученые так и называют знаками-определителями, *детерминативами.* Объяснить их значение проще всего на близком нам примере. Возьмем, например, слово «лук». Оно может означать и лук — оружие, из которого стреляют, и лук — растение. Чтобы «определить» его смысл, мы можем рядом с ним нарисовать предмет, который это слово означает, — этот рисунок и будет знаком-определителем.

И одновременно для египтянина его письмо сохранило еще старинное значение способа не только выразить мысль, но и украсить собою предмет, на котором оно начертано. Египтянин обычно пишет справа налево, но, если ему надо строками надписи украсить какой-нибудь предмет, он, не задумываясь, пишет слева направо, в вертикальном или горизонтальном направлении, как это ему кажется удобнее в целях художественности.

Геродот, греческий историк V века до нашей эры, побывавший в Египте, сравнивая обычаи Греции с обычаями Египта, удивлялся тому, что в Египте все делается наоборот, что например, «у них женщины посещают площадь и торгуют, а мужчины сидят дома и ткут», что «тесто они месят ногами, глину — руками». Сильнее всего его поразил египетский способ письма: «Эллины пишут и считают, говорит он, от левой руки к правой, а египтяне от правой к левой, хотя и утверждают, что они пишут к правой руке, а эллины к левой. Египтяне употребляют двоякое письмо: одно называется священным, другое — народным, простым».

Другой ученый грек, Диодор, подтверждает слова Геродота, говоря, что «жрецы обучают детей двоякого рода буквам — священным, известным одним жрецам, и тем, которые служат для выражения обыденных вещей.»

Во втором тысячелетии в Египте для переписки с другими странами стали употреблять вместо иероглифов вавилонскую клинопись, но в обиход эта система письма не проникла — она была мало чем проще египетской.

Зато с момента появления греков в Египте, особенно после того, как он был завоеван Александром Македонским, система письма греков-завоевателей вытесняет постепенно иероглифическую, настолько их чисто-звуковое письмо было легче и проще сложной иероглифической грамоты.

Для повседневного употребления, для того чтобы писать на папирусе, египтяне, правда, изобрели еще в отдаленные времена упрощенный, сокращенный способ писать иероглифы, так называемое «иератическое» письмо, как его называли греки. А в позднее время они, как об этом говорит и Геродот, пользовались и еще более упрощенным шрифтом, «народным», «демотическим», как он назывался по-гречески. Но и тот и другой шрифт были только некоторым упрощением иероглифов, а система знаков оставалась та же, и грамотному египтянину надо было знать не менее 700 знаков, да еще уметь их красиво вырисовывать *иероглифами*, выписывать четко *иератикой*, или писать беглой, курсивной *демотикой*. Поэтому в последние века до нашей эры египтяне, продолжая писать на родном языке, стали употреблять уже греческий шрифт, греческий алфавит. Для некоторых звуков египетского языка в греческом нехватало, однако, букв; поэтому пришлось воспользоваться демотическими знаками для них.

Этот позднеегипетский язык мы называем *коптским*, а надписи греческим шрифтом на египетском языке называем тоже *коптскими*.

Древними египетскими иероглифами некоторое время продолжали еще пользоваться в храмах но и там они удержались недолго: государственной религией Египта стало христианство. Новая религия начала страшное гонение против старой: разрушали древние египетские храмы, замазывали на их стенах изображения и надписи, христианское духовенство преследовало последних египетских жрецов. Иероглифы как «священное письмо» потеряли всякое значение, — некому и не для чего было учиться им. Последняя надпись иероглифическим шрифтом была сделана при византийском императоре Феодосии I, в конце IV века нашей эры. Ученый

египтянин Гораполлон, написавший в это же время большой труд об иероглифах, очевидно, знал хорошо только очень поздние надписи. Он не был уже знаком с письменами тех времен, когда они были в общем употреблении, когда иероглифами (или иератическими письменами) записывались повествования об исторических событиях, деловые документы, повести, сказки и путешествия, словом, когда египетская письменность и литература была еще в полном расцвете. Поэтому, хотя книга Гораполлона и дошла до наших времен, но она не внесла никакой ясности в дело и только запутала понимание древних надписей.

Немногим дольше просуществовало и «народное», демотическое письмо: оно было совершенно вытеснено коптским шрифтом. В VII веке нашей эры арабы завоевали Египет, арабский язык стал господствующим в стране. Позднеегипетский — коптский язык продолжал еще держаться некоторое время в качестве разговорного. Еще в 1673 г. один путешественник видел в городе Сиуте 80-летнего старика, последнего, как он уверяет, который говорил еще по-коптски. Египет постепенно забыл свой язык, стал говорить по-арабски. Коптский язык удержался только еще в церковном обиходе, он стал таким же «мертвым» языком, как древнегреческий, как латинский, как церковнославянский, т. е. древнерусский язык.

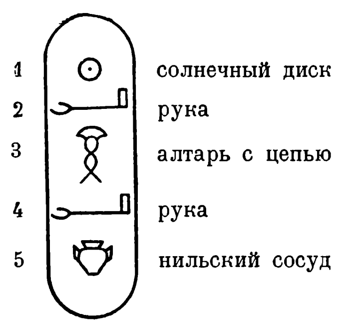
Казалось, язык древнего Египта не только «умер», как латинский, древнееврейский, греческий, знание которых не было забыто, хотя на них больше не говорили, казалось, что самый ключ к пониманию египетского языка навеки утерян. И странно, — как раз теперь все связанное с древней письменностью вдруг приобрело особенный интерес. Арабское завоевание надолго сделало Египет недоступным для западно-европейских путешественников. Память о его тысячелетней культуре сохранилась, но по существу о нем знали мало, а то, что рассказывалось, носило характер сказки, баснословия. Привозились иногда в Европу тысячелетние мумии; в настоящее время нет ни одного сколько-нибудь

крупного музея, где бы не хранились одна-две мумии; в средние века музеев не было, и не для научных целей покупали их аптеки на вес золота; мумии толкли в порошок, считавшийся особенно целебным.

Не было в распоряжении европейских ученых и достаточного количества надписей, которые могли бы им помочь правильно разобраться в иероглифах. Все, что было в Европе, восходило к тем поздним временам, когда Египтом владела Римская империя; это были короткие надписи на обелисках [3] времен римских императоров, с упоминанием имен и титулов их. Европейские ученые исходили из ложного толкования, будто каждый иероглиф означает целое слово. Мало того, не простое слово, — *тайное* слово, в глубокую премудрость которого надо глубоко вдуматься, чтобы понять его. За те полторы тысячи лет, которые прошли с момента окончательной утери знания иероглифов, делалось много попыток чтения их. Самой любопытной была попытка Афанасия Кирхера, молодого немецкого ученого, иезуита, хорошего знатока восточных языков.

В руки Кирхера попал арабско-коптский словарь. Его поразило в нем название города *Коптоса*, совпадавшего с названием *коптов*, поздних египтян. Разбираясь дальше в своем словаре, он установил, что вообще большинство египетских имен, упомянутых у греческих и римских писателей, может быть объяснено из коптского языка. А раз это так, значит коптский и египетский язык одно и то же. Так оно и есть на самом деле, и до сих пор работа Кирхера шла совершенно правильным путем. Но тут он допустил небольшую, казалось бы, ошибку, последствием которой была полная путаница в его дальнейших построениях: Кирхер решил, что коптский шрифт и есть то, что Геродот называл «народным», «демотическим» шрифтом и с его помощью решил приступить к расшифровке иероглифов, все время продолжая упорно думать, что каждый иероглиф означает целое слово, целое понятие. Мало того — ведь мы в самом начале говорили о том, что на первых порах многие египетские изображения

были *символическими* — означали не только то, что было изображено, но имели еще какой-то иной смысл: сокол и голова, вырастающая из болота с шестью листами кувшинки, означали, например фараона, победившего шесть тысяч северян. В самое позднее время существования Египта там снова вернулись к таким символическим написаниям; они были уже мало кому понятны, пользовались ими лишь немногие любители старины, а все остальные писали или демотическим, скорописным шрифтом или греческим алфавитом. Говорили мы также о том, какую близость красивые египетские письмена сохранили с рисунками. А смысл рисунков, особенно очень древних, часто бывал забыт, и толковали их тоже по-разному. И вот Афанасий Кирхер, один из ученейших людей XVII века, пробует с помощью неправильных толкований своих предшественников и своих собственных ошибочных домыслов читать иероглифы. На одном обелиске он списывает надписи, заключенные в овальные обрамления. Об этих «картушах» нам придется еще говорить дальше. Он считает их «священными скрижалями», надписи которых хранят глубочайшие тайны. В наше время выучиться древнеегипетскому языку не труднее, чем французскому или китайскому, и потому мы можем проверить чтение Кирхера. Посмотрим же хотя бы на одном примере, как он читал иероглифы, и как ту же надпись читаем мы...

расшифровал он отдельные знаки, придавая им символическое значение, и читал: «Благодеяния божественного

Осириса должны быть добыты с помощью священных церемоний и цепи гениев, чтобы благодеяния Нила (т. е. разлив его) были достигнуты.» А мы в настоящее время знаем, что вся эта группа знаков должна читаться фонетически, и что она означает просто имя одного из фараонов 26 династии, которого по-египетски звали «Уах-йеб-ра», а по-гречески «Априес».

После Кирхера делались еще неоднократные попытки читать египетские надписи. Ученый арабист [4] Сильвестр де-Саси в 1802 году обратил внимание на демотическую часть розеттского камня, которая напоминала ему несколько арабские письмена. Он высказал предположение, что она написана звуковыми знаками и указал примерно те группы знаков, которые, по его мнению, должны были означать те же царские имена, которые встречались в греческой части розеттской надписи. В том же 1802 году догадка Сильвестра де-Саси была высказана и шведом Акербладом, который считал повторяющуюся в демотической надписи группу знаков именем Птолемея, что впоследствии вполне оправдалось.

В 1814 году за расшифровку иероглифической части розеттского камня взялся английский врач и физик, прославившийся своими открытиями в области оптики, Томас Юнг. Он не сомневался в том, что иероглифическое письмо вообще является, собственно, символическим, но он думал, что царские имена в розеттской надписи должны были быть написаны звуковыми фонетическими знаками, так как ведь они — греческие. Верхняя часть розеттского камня обломана, но он обратил внимание на то, что в нижней части несколько раз повторяется одна и та же группа знаков, заключенная в овальную рамку — «картуш», которую Кирхер считал когда-то «священной скрижалью». Эта группа встречалась в египетской надписи примерно столько же раз, сколько раз в греческой повторяется имя Птолемея.

Основываясь на этом, он прочел группу знаков таким образом:

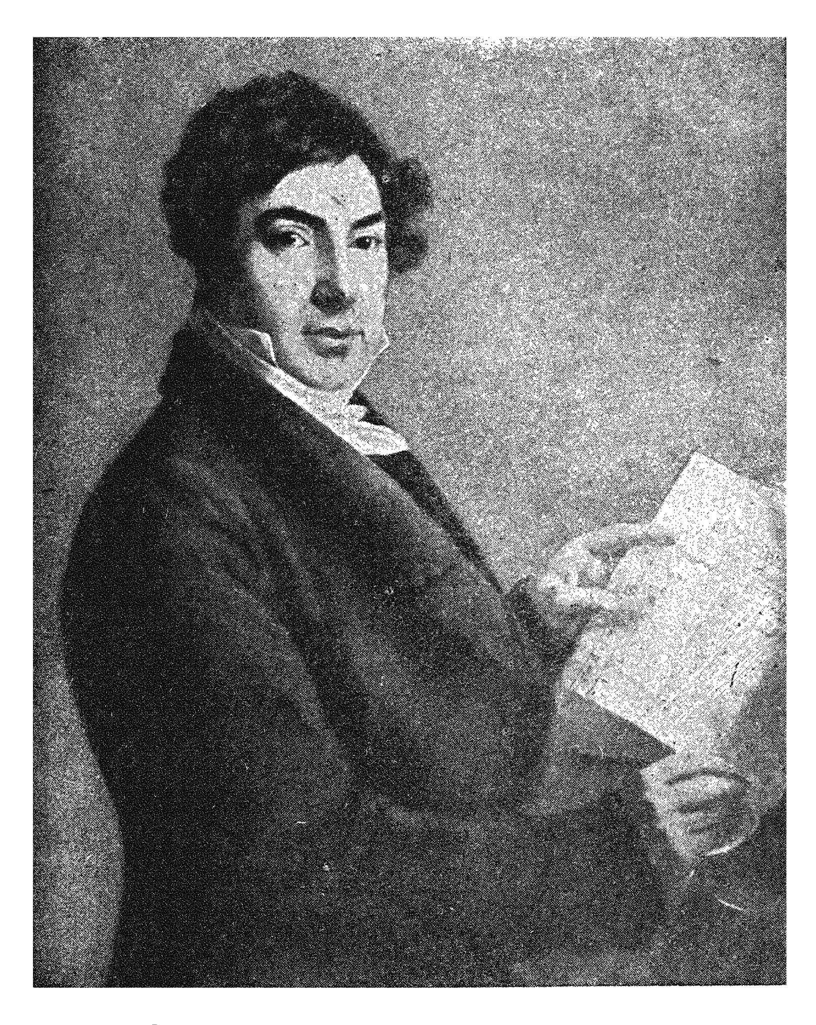
Ptolemaios

(Птолемей), причем отдельные знаки им были разобраны следующим образом: = P = T; знак он считал излишним, не читающимся;

= ole = ma = i = os

Догадка Юнга была вполне правильная, хотя он далеко не все звуки определил одинаково верно. Дальше догадки Юнг, однако, не пошел и, если бы не упорная, настойчивая работа Франсуа Шампольона, то, может быть, прошло бы еще много времени, пока была бы расшифрована первая египетская надпись.

Каким же путем шла работа молодого француза? Как он пришел к своему открытию? Так же как и Томас Юнг, он был убежден, что имена чужестранных для Египта царей должны писаться *фонетически*, что каждому *знаку* здесь должен соответствовать *звук*. Шампольон, однако, не остановился на разборе одних картушей, — его привлекала задача прочесть *всю* надпись. Без конца прорисовывает он ее, без устали старается разобраться в сложных знаках. Он сперва склонен был считать иероглифы силлабическими, слоговыми знаками. Но не надо забывать, что Шампольон отлично знал коптский язык, позднеегипетский, а там встречаются такие частицы (префиксы и суффиксы), которые состоят из одного только звука, а следовательно и из одной буквы. Значит, в египетских надписях наряду со знаками для целых слов и для отдельных слогов были также знаки для отдельных звуков. Не умея еще прочесть ни одного

Франсуа Шампольон. По портрету 1822 года.

слова, он по догадке правильно определяет такие иероглифы, как звук «ф», служивший суффиксом третьего лица единственного числа мужского рода. Он одновременно указывает, какие формы этот иероглиф принимал в иератическом и демотическом письме и, наконец, в коптском.

Шампольон подсчитывает все количество знаков в египетской части надписи, — их оказывается 1419 на 486 букв греческой надписи. Значит, и думать нельзя, чтобы иероглифы были знаками, передающими целое понятие, так называемыми *идеограммами*. Он снова считает иероглифы розеттского камня, выбирая только основные, — их оказывается 166, т. е. иными словами, приходится отказаться и от другой мысли, что это чисто звуковые знаки, что это азбука, алфавит.

Шампольон собирает все известные ему греко-египетские имена, пробует писать иероглифическим, иератическим, демотическим и коптским шрифтами. В 1822 году он получил копию надписи на одном памятнике в Египте. С радостью прочел он в картуше имя царицы Клеопатры. Ведь если он так сразу смог его разобрать, значит подтвердилась правильность прочтения имени «Птолемея», а во-вторых он в этом имени нашел еще несколько новых знаков: △ = К = Д (d) = r. И тут же он понял и еще новую для него вещь: египтяне не выписывали гласных звуков, как не выписывают их арабы и евреи, — вспомним, что молодой ученый был одновременно отличным знатоком и арабского и древнееврейского языка. Семьдесят девять картушей с именами царей-Птолемеев, с титулами и именами римских императоров успел он разобрать. Но это все поздние имена. Приложима ли его система чтения к более древним надписям? Много раз он, верно, задавал себе такой вопрос, ответ пришел внезапно.

14 сентября 1822 года, рано утром, Шампольон, приводя в порядок свои бумаги, грудами покрывавшие его письмен-

ный стол, заглянул в недавно присланную ему копию с нескольких очень древних, как он думал, надписей. В одной из них он увидел знакомый картуш и машинально, не отдавая еще себе отчета в том, что случилось, он вдруг совершенно свободно прочел имя фараона Рамзеса (II) и его титул. Точно пелена спала у него с глаз. Да ведь он прочел свободно имя фараона, правившего в Египте больше трех тысяч лет тому назад! Вот знак повторяемый дважды; в имени Ptolemaios он стоял в конце царского имени и означал звук «с»; вот кружочек с точкой, знак солнца, который греки читали как «Ра»; а вот этот значок в середине картуша Шампольон уже видел в розеттской надписи, и он там соответствовал греческому слову «рождаться», а по-коптски оно звучит как «МЕС» и означает тоже «рождаться». Мало того, что он *прочел* имя Рамзеса, он *понял* его, он знает его значение — «рожденный Ра»!

Шампольон сам себе не поверил. Судорожно роясь в бумагах, он хватал один список за другим. Да, сомнений нет! Вот еще то же имя, написанное только несколько иначе, и он его свободно читает, вот оно же опять и еще раз. А вот что-то другое: «Тутмос» — читает он. Тутмос — фараон, который жил на триста лет раньше Рамзеса. Что случилось? Ведь он, Франсуа Шампольон, читает, свободно читает надписи древнего Египта! Верна его система чтения! И при древних египетских фараонах писали так же и теми же тремя шрифтами, что и при Птолемеях. Открыт секрет чтения иероглифов, иератических и демотических надписей!

До полудня сидел Шампольон за письменным столом, лихорадочно перебирая свои копии, читая надписи, приходя в восторг и снова пугаясь того, что вдруг он ошибся. Нет, все верно, и каждый шаг он может подтвердить вескими

доказательствами. Это — не случайный фокус, годный, чтобы понять пару легких надписей, это — ключ к прочтению всех, — система, новая наука, это — *египтология*.

Похватав свои бумаги со стола, он бежит через улицу к брату. Первым должен знать об его открытии Жак-Жозеф. Франсуа бурей влетает к нему: «Понял! Дело сделано!» — кричит он, размахивая своей связкой бумаг. И вслед затем, он, к ужасу брата, падает во весь рост тут же у стола, в глубоком обмороке.

Брат понял сразу, в чем дело, — недаром он с ранних лет был другом, товарищем и поверенным Франсуа.

Прошло несколько дней, пока молодой ученый смог оправиться от своего радостного потрясения.

27 сентября он уже выступил с докладом о своем открытии в заседании парижской Академии наук.

Случилось так, что в этот темный и дождливый день в заседании Академии присутствовали в качестве гостей знаменитый немецкий ученый и путешественник Александр Гумбольдт и английский физик Томас Юнг, занимавшийся, как мы это уже видели, также египетскими иероглифами. «Говорят, будто он (Шампольон) воспользовался английским ключом, сказал Юнг, отвечая тем, кто указывал, будто картуши начал читать первый он, Юнг, англичанин, но ведь замок так заржавел, что нужна была необычной силы рука, чтобы этот ключ повернуть»,

Правильность своей системы чтения Шампольону пришлось энергично отстаивать, потому что его открытие казалось чересчур необычным, и многие ученые выражали сомнение в нем.

Но фундамент египтологии, новой науки, был заложен. В наше время мы не только свободно читаем древние египетские надписи, переводим их, понимаем свободно. Благодаря энергичной коллективной работе ученых-египтологов всего мира мы имеем теперь словарь древнеегипетского языка, грамматику. Мало того, мы можем иногда разобрать, что вот такая-то надпись была сделана, верно, новичком-

писцом, не совсем твердым еще в сложной египетской грамоте (в египетском языке, повторим, около 700 знаков); писец наделал ошибок, на них в то время, три тысячи лет тому назад, не обратили почему-то внимания, а мы их теперь видим и можем даже исправить. Мы можем по почерку, по форме букв определить, к какому времени данная надпись относится.

«Глазами истории являются хронология и география», говорил Шампольон. Мы в настоящее время добавляем, что для полного знания истории прошлого важна еще наука о вещах, о материальной культуре прошедших эпох. Важна *археология*, наука ведения раскопок.

И в этой области Франсуа Шампольон сыграл такую же роль первого серьезного ученого. Но как при дешифровке иероглифов у него были предшественники, так и здесь были люди, пролагавшие пути, нащупывавшие почву.

●

II. КАК ВЕЛИСЬ ПЕРВЫЕ РАСКОПКИ В ЕГИПТЕ.

Соперничество Франции и Англии за первенство в Египте после похода Наполеона привлекло к стране пирамид внимание всей Европы. Каждое государство стремилось теперь иметь в Александрии и Каире своих консулов. Рассказы участников экспедиции Наполеона, вещи, вывезенные ими, возбуждают всеобщее удивление и подражание. Начинают делать мебель в египетском стиле, посуду разрисовывают египетскими видами, ткут материи с узором в виде лотосов и папирусов. В Ленинграде через Фонтанку был даже построен мост в египетском стиле, со сфинксами у въездов на него.

Все, кто имеет хоть какую-нибудь возможность, бросаются теперь собирать египетские древности. Вслед за войсками и консулами в Египет двинулись путешественники, искатели приключений, люди, стремившиеся в этой вновь открытой стране найти заработок, устроить свою жизнь. Египетское правительство не мешало консулам и путешественникам собирать большие коллекции древностей и увозить их в Европу. Невежественные наместники городов и областей не понимали ценности вековых надписей или произведений искусства. Суеверные до крайности, они боялись, чтобы в древние статуи не вселились африты, злые духи, и потому портили их, отбивали им носы, чтобы африты не могли дышать, ломали их, продавали за гроши европейцам. А европейские консулы, часто дельцы и спекулянты, наживались, перепродавая большие коллекции европейским правительствам. Так, из частных, перекупленных коллекций созданы

были такие большие музеи, как египетские отделы Лувра в Париже, Берлинского музея в Германии, Туринского музея в Италии, Государственного Эрмитажа в Ленинграде.

Странные люди брались иногда за поиски древностей! В окрестностях Каира поселился в те времена итальянец, генуэзец по происхождению, бывший моряк, по фамилии Кавилия (Caviglia). Он построил себе здесь даже дом, но не жил в нем, а все время проводил в окрестностях пирамид, ночуя в древних гробницах. Арабы хорошо его знали и хорошо к нему относились, видя в нем чудака. Кавилия почему то охотнее всего для своих раскопок выбирал яркие лунные ночи, когда в пустыне светло, как днем, и только от пирамид и гробниц далеко ложатся резкие тени. С помощью арабов он очистил от песка большого сфинкса. Который раз! Еще в древности фараон Тутмос IV рассказывал, как он велел проделать ту же работу, и снова пески пустыни засыпали сфинкс.

Кавилия тщательно исследовал, изучил каждый вершок ходов и покоев большой пирамиды. Чего он искал? — «Подземного хода между большой пирамидой и храмом бога Птаха [5] в Мемфисе, а также и другого подземного хода между пирамидами в Саккара и в Гизе».

Неизвестно, откуда Кавилия услышал про какие-то подземные ходы,—никому они и до сих пор неизвестны. Конечно, очень ценны были некоторые указания Кавилии, которые он позже давал Шампольону, так как местность вокруг древнего Мемфиса этот чудак, живший как какой-нибудь пустынник, знал, как свои пять пальцев. Но сколько древних памятников погибло, было испорчено во время его беспорядочных поисков по ночам!..

Путешествия, приключения и работы Бельцони.

В день, когда Шампольон читал доклад о своем открытии в Академии наук, в Париж приехал итальянец Бельцони и привез с собой большую, великолепно сделанную модель одной из гробниц египетских фараонов. Кто был этот

Бельцони? Его имя было хорошо известно во многих городах Европы. Если бы мы стали в то время расспрашивать о нем в Падуе, где он родился, или в Риме, где он учился, — потому что Бельцони был итальянец, — знавшие его люди покачали бы головой.

— «Джиованни Бельцони? Да, его хорошо знают... способный был мальчик. Его отдали в семинарию в Риме, чтобы он потом стал ученым патером. Жаловались на него учителя, что он все какие-то машины изобретает, вместо того, чтобы требником заниматься. Так и не кончил семинария, убежал. Говорят, путешествует теперь где-то.»

Действительно, молодой Бельцони не выдержал скуки на занятиях в семинарии и в один прекрасный день уехал в Англию. Здесь он жил в страшной бедности, пока не нашел работу в цирке. Бельцони был человек очень высокого роста, силач, ловкий, отличный гимнаст. В цирке он стал выступать, показывая фокусы, требовавшие силы. Побывал в Португалии и в Испании. Всюду его сопровождала его жена. Цирк кормил их, но Бельцони совсем не собирался всю жизнь выступать в роли атлета. Его влекли новые страны, хотелось заняться снова механикой, усовершенствовать свое изобретение — машину для подъема воды. А в Европе эта машина никому не была интересна.

— Поезжайте в Египет, советует Бельцони англичанин Сальт, там вы сможете применить свое изобретение.

И вот Бельцони с женой укладывают свой скудный багаж и в 1815 году отправляются в далекое путешествие — пытать счастья у Мохаммеда-Али, турецкого паши, наместника Египта. Новый правитель был энергичный, храбрый и жестокий человек. Таким он показал себя, сражаясь сперва с французами, а потом с англичанами.

Хотя новый паша и должен был по-прежнему выплачивать турецким султанам около 4 миллионов рублей ежегодно, но правил он на самом деле совершенно самостоятельно. Невыгодно было, однако, «править» так, как это делали его предшественники мамлюки, грабившие население непомер-

ными поборами. Мохаммед-Али понял, как важно было взять в свои руки земледелие в стране: ведь земля — основное богатство Египта. Важно на этой земле завести такие культуры, которые дадут доход казне паши: хлопок, который можно будет продавать, сахарный тростник. А чтобы и то и другое хорошо росло, надо позаботиться о правильном орошении земли.

Когда наступает разлив Нила, он заливает не все поля с одинаковой силой; те, которые лежат высоко, остаются часто вовсе без воды, особенно, если разлив был недостаточно сильный. Сбежит вода с полей в октябре, обмелеет постепенно река до нового разлива, и, если не позаботится земледелец об орошении и в сухое время года, урожай его погибнет без возврата. Ведь в Египте почти совсем не бывает дождей, а когда они и бывают, их недостаточно для настоящей поливки. Потому жители и в наше время, как и в древнем Египте, запасают воду, задерживают ее в водоемах плотинами, до наступления засухи, а когда она наступает, черпают ее особыми приспособлениями, подымают на более высокие места, орошая поля, сады, огороды, или выливая в другие водоемы, откуда ее подымают еще выше, и т. д.

Приспособление, при помощи которого черпают вручную, называется «шадуф» по-арабски, а приспособление в форме колеса, которое вращают ослы или волы, называется «сакиэ»; конечно, такую «сакиэ» можно было завести только в больших хозяйствах, а бедные крестьяне пользовались шадуфом, как это делали их предки, древние египтяне, три-четыре тысячи лет тому назад.

Хлопок и сахарный тростник растут только на очень хорошо удобренной и орошенной земле. Такие плантации могут сажать только очень богатые землевладельцы. Так оно и было при Мохаммеде-Али. Он сам и его приближенные стали разводить хлопок, строить сахароваренные заводы, благо под рукой были дешевые камни для постройки таких заводов — развалины древних зданий, которые безжалостно разрушались.

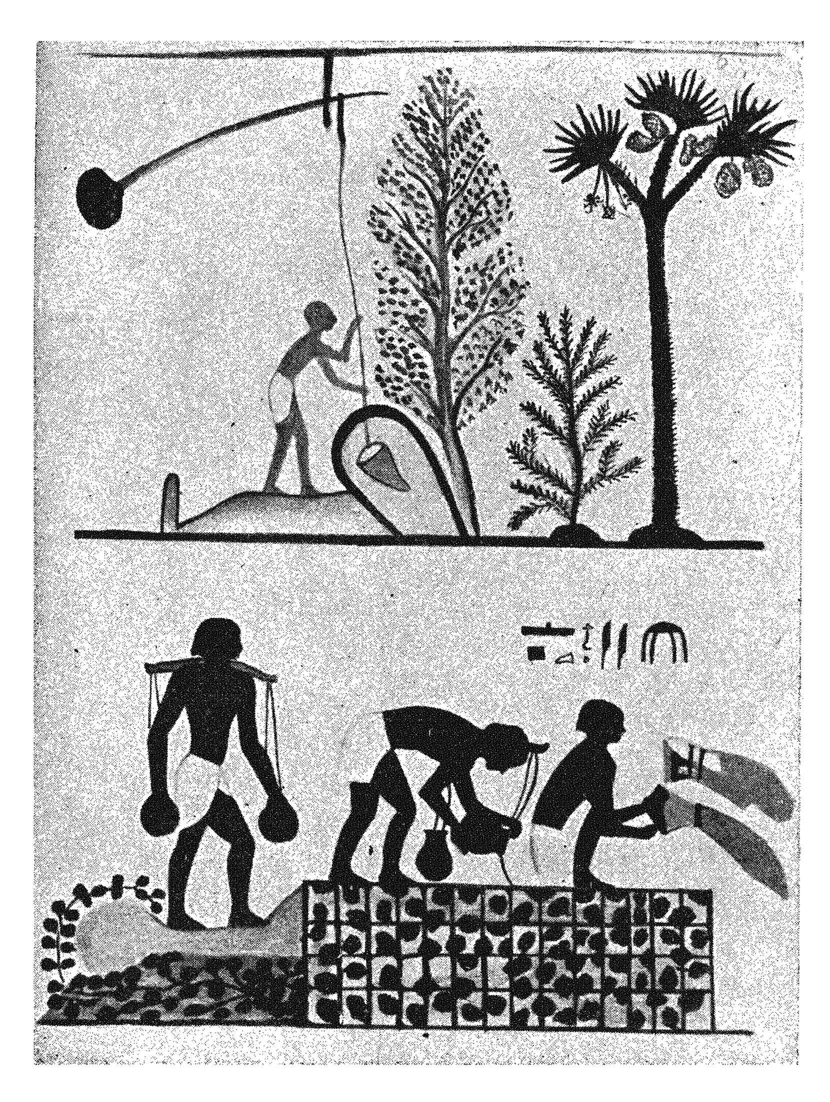
Паша очень заботился об орошении, и Бельцони надеялся, что он купит его изобретение.

Трудно пришлось бы на первых порах бедному итальянцу в стране, языка которой он не знал. Но на помощь ему пришел английский консул Сальт. Благодаря Сальту ему удалось в свое время устроиться в цирк. Здесь, в Египте, Сальт собирался поручить ему важную работу. Французский консул Дроветти скупает по всей стране древности для Европы, — и Франция и Италия охотно перекупают их для своих новых музеев. Англия дает своему консулу поручение собирать древние вещи для Британского музея, а консулу нехватает времени заняться еще и этим делом. Да и с Дроветти надо ладить. А Бельцони — мастер на все руки, отважный и ловкий, отличный механик, достаточно образованный. Он и рисовальщик хороший, и лепить умеет мастерски. А что он был вместе с тем талантливым писателем, знаем и мы в наше время, потому что Бельцони оставил два тома записок, напечатанных уже после его смерти; эти записки — одна из самых живых и увлекательных книг. Вот потому-то Сальт и решает сделать Бельцони своим агентом. Сальт даст ему денег на путешествие и поиски, а Бельцони будет для него разыскивать и добывать древние вещи.

Но к этой работе Бельцони собирался приступить после того, как покажет свою оросительную машину Мохаммеду-Али, — паша любит новшества и очень заботится о повышении своих доходов: устраивает сахароваренные заводы, плантации хлопка, индиго, дающего синюю краску, вводит в Египте выделку шелка, фабрикует пушечный порох, торгует.

Оросительные машины в Египте в большинстве случаев требуют упряжку в четыре вола, а машина Бельцони требует всего одного вола. Какая экономия! Ведь в Египте рогатый скот не бьют и мясо его не употребляют в пищу, потому что скот чересчур дорог и нужен в хозяйстве. А машина Бельцони сразу даст возможность разводить его и для мяса.

Как случилось, что машина Бельцони не была принята, после того как Мохаммед-Али осмотрел ее — трудно

Поливка сада и огорода шадуфом. Роспись Нового царства.

сказать. Бельцони уверяет, что введение ее было невыгодно для тех, кто поставлял свой рогатый скот для оросительных колес старого образца.

Во всяком случае личное знакомство с пашой могло оказаться впоследствии полезным, и Бельцони не очень горевал, что его изобретение не было оценено по достоинству, тем более, что его очень позабавило, как суровый паша, гроза мамлюков, первый раз в жизни познакомился с электрической машиной, которую Бельцони для него соорудил. Паша ни за что не хотел верить, что может что-нибудь произойти, если он будет сидеть в кресле на большом расстоянии от машины, держа в руке конец цепочки, соединенной с машиной. Бельцони пустил ток, паша судорожно подпрыгнул, рассмеялся, потребовал, чтобы опыт был повторен. Новый поворот машины, новый прыжок паши. Всех своих придворных заставил он испытать странную силу машины.

В конце июня Бельцони, не добившись ничего от Мохаммеда-Али, нанимает большую парусную лодку, четырех матросов, юнгу и капитана («реиса») и, заручившись письменным полномочием от британского консула Сальта на приобретение древностей и на доставку их в Каир, выезжает с женой и слугой-ирландцем, всюду сопровождавшим его, к югу, — вверх по Нилу.

Бельцони не собирался еще вести какие-нибудь раскопки. Он хотел ознакомиться со страной, разузнать сперва, где и что можно найти. Его интересовало все в этой новой для него стране, не одни только древности, но и та живая жизнь, которая кипела на берегах Нила. Его, например, приводят в ужас караваны рабов, которых гнали из центральной Африки на продажу—на рынки египетских городов; он перечисляет тюки страусовых перьев, слоновых клыков, льна, шелка, хлопка, грузы зерна, кофе, которые перебрасываются из тропической Африки в Аравию, в Индию, а из Индии на рынки Каира. Ему мешает сильно незнание местного языка, но у него хороший переводчик. Правда, этого переводчика чуть не отняли у него по дороге: в одном селе, где

Бельцони остановился, переводчик проговорился жителям, что он оттого умеет так хорошо говорить «по франкски», что он был долгое время во французской армии. Поднялся всеобщий шум и крик: в те годы, когда французы воевали с мамлюками, из села убежал с ними мальчик. То-то плакала о нем семья! А вот теперь он вернулся и знать не хочет своих односельчан. Напрасно несчастный переводчик пытался объяснить, что он в этом селе первый раз в жизни, что многие мальчики и из многих сел уходили с французской армией в поисках лучшей жизни.

Бельцони проездом расспрашивал жителей о том, какие древности есть у них поблизости, нет ли надписей на камнях.

— Камни? — спросил его собеседник, важный Халиль-Бей, зять и наместник Мохаммеда-Али на юге Египта, а что, правду говорят, будто у вас в Европе неурожай в этом году был?

— Правда, — ответил Бельцони, удивленный таким внезапным переходом разговора.

— А в будущем году у вас тоже будет неурожай?

— Нет, не думаю, — после неурожая обыкновенно бывает хороший сбор.

— Но, скажите пожалуйста, что у вас и на камни неурожай? Почему вы приезжаете в Египет за камнями?

— У нас камней достаточно, но мы предпочитаем египетские... — ответил Бельцони.

— Ах да, понимаю. Вероятно, вы их потому предпочитаете, что находите в них золото... — сказал Халиль-бей, поглаживая бороду.

И не один Халиль-бей, все жители были уверены, что чужеземцы ищут у них в земле зарытых и заклятых кладов. Не могли они понять ценности тех каменных глыб, покрытых иероглифами и изображениями, которые собирали и увозили «франки». Для них развалины древних зданий были ценными строительными материалами. Вереницы ослов нагружались этим камнем, его свозили для постройки сахароварен. В углах древних египетских храмов ютились дере-

вушки феллахов, бедные, грязные. Попробовал Бельцони опять где-то задать свой вопрос о древностях, — его даже не поняли, решили, что «франк» говорит о кладах:

— Как-же, много их, только достать нельзя, они заколдованы, и никто не сможет взять их оттуда, где они находятся. Вот неподалеку, в горах торчало из скалы толстое золотое кольцо. Пушкой пробовали солдаты выбить его — не удалось! Но случайно на него попала шкурка огурца, который ел один из бывших там людей, заклятие было снято, и кольцо выпало.

Бельцони ужаснулся невежеству рассказчика, — ведь это был губернатор города! Но что мудреного, если эти губернаторы, притесняя и грабя население, сами только и мечтали о кладах, — ведь их в свою очередь грабили и притесняли другие чиновники — паши, чином повыше.

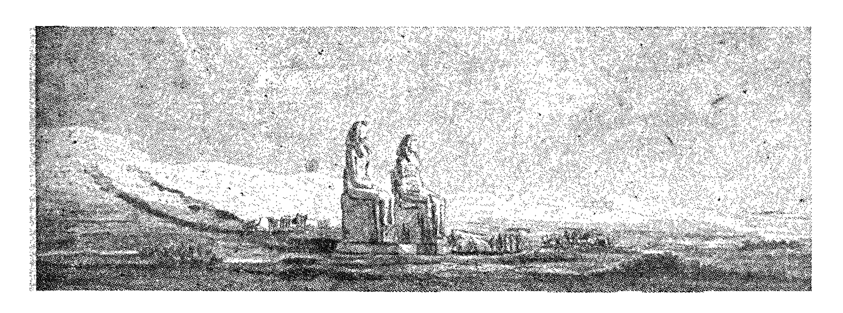
22 июля, почти через месяц после выхода из Каира, Бельцони завидел Фивы. «Точно развалины города гигантов», пишет он, «леса колоссальных колонн, обелиски, залы, остатки огромных ворот, как башни вздымающиеся над лесом финиковых пальм на севере города.»

Но он не стал подробно осматривать город, как ни тянуло его. Надо было сперва исполнить поручение Сальта и подготовить к перевозке гигантскую статую, лежавшую на другом берегу Нила, которую Сальт хотел доставить в Британский Музей. Бельцони хотел заодно осмотреть саркофаг, [6] который находился, по словам Дроветти, в какой-то древней гробнице, и который Дроветти разрешил ему оттуда взять. Здесь, на западном берегу Нила, в горах местечка Курны находились гробницы с бесчисленными мумиями, и Бельцони решил осмотреть и эти гробницы.

Пришлось снять часть платья, — феллахи предупреждали, что в склепах жарко и очень пыльно. Взяли факелы, проникли в какую-то темную галерею, пробитую в скалах. Потолок местами был так низок, что пришлось «ползти, как крокодилам». Дошли до места, где скрещивалось много ходов, шедших в разных направлениях; посовещавшись, ре-

шили пойти по одной из боковых, узких галерей. Снова разветвилась галерея, — по которой же итти теперь?

— Вот, про это место говорили, — сказал один из феллахов. Что эта часть подземелья была уже местом погребения, было ясно, — Бельцони и его спутники все время шагали по валявшимся в беспорядке костям и обломкам мумий. Но как можно было ухитриться пронести здесь саркофаг, — Бельцони не мог понять: проход был так узок, что он и сам, при своем гигантском росте, не мог итти дальше и решил

«Колоссы Мемнона», т. е. гигантские статуи фараона Аменхотепа III. На заднем плане, в горах, входы в древние египетские склепы. Рисунок Ценона.

подождать здесь, послав вперед своего переводчика с феллахами-проводниками.

Замолкли вдали шаги, потухли отблески факелов на стенах, Бельцони стоял, прислушиваясь. Вдруг издали доносится крик переводчика: — Боже, боже, я погиб! Бельцони рванулся вперед, на помощь. Снова галерея зияет на него черными дырами ходов, — по которому итти? Феллах, оставшийся при нем, отрицательно качает головой, разводит руками: — Не знаю дороги. Вернулись к перекрестку. Факелы догорают уже, а потушить нельзя ни одного ради экономии, как думал сперва сделать Бельцони, — что если и второй внезапно потухнет? Ведь спички в те времена еще не употреблялись... Не могут они найти выхода, как ни пытаются искать его, а итти надо, пока есть еще свет. Вспо-

мнились, вероятно, Бельцони рассказы о том, как в таких подземных галереях находили погибших там людей. По счастью, проходя мимо отверстия одного узкого входа, он услышал шум и звуки голосов. Свернули в этот вход, неожиданно очутились на воздухе и увидели и переводчика и остальных феллахов.

Оказывается, что переводчик со своим проводником нечаянно наткнулись на глубокий колодезь подземной шахты, проводник оступился и упал в колодезь, переводчик закричал от испуга, но вслед затем увидел тонкую полоску света и через минуту выбрался на солнечный свет. Феллахи живо расширили эту щель и проболтались при этом, что вход именно здесь и был, что они его заделали, чтобы подороже продать Бельцони секрет этой удобной дороги для извлечения саркофага. Они не думали, что товарищ их забудет о колодце и так неосторожно упадет в него.

Приключение в подземелье заставило Бельцони на некоторое время отложить работу здесь, тем более, что надо было дождаться дальнейших указаний Сальта. Чтобы не терять времени, Бельцони поплыл дальше, к Нильским порогам, осматривая развалины древних строений, знакомясь с жизнью Верхнего Египта.

Он пробрался вплоть до вторых порогов. Недалеко от них он осмотрел великолепный храм в скалах, так называемый Абу-Симбельский храм. Гигантские статуи, высеченные в скале, изображали фараона-строителя этого храма, Рамзеса II. Но храм был засыпан песком, и Бельцони решил вернуться сюда еще раз и тогда откопать его.

Недолго оставался он в Каире, по возвращении туда. Поручение Сальта он исполнил — привез ему статую Рамзеса II для Британского музея, осмотрел и наметил места будущих раскопок. Теперь он решил вернуться в Фивы и заняться ими.

На половине пути до Фив его вдруг настигает весть, что впереди него уже торопятся туда же французские агенты. У них — деньги, у них — полномочия от паши египетского,

они приедут раньше, станут копать в его местах, и все его труды пойдут прахом. Надо торопиться. Бельцони решает скакать верхом, оставив багаж в лодке.

Не обращая внимания на зной и песок, несется он из села в село, то на коне, то на верблюде, то на осле, как придется. В $5^1/_2$ дней он доскакал, не досыпая на стоянках, и застал французов уже за работой и как раз в его местах.

Это было досадно, но что же делать? Бельцони решает заняться, вместо фиванских развалин, раскопками в гробницах на западном берегу, в Курне, где он уже пережил приключение в подземелье, и в так называемой «Долине царей», о которой нам еще придется говорить дальше.

Жители Курны очень гордились тем, что французская армия не смогла их подчинить, что даже турецкие беи не всегда могли с ними справиться. Взять у них было нечего, так как даже домов они не строили, а ютились в пещерах и склепах Ливийских гор. А как трудно проникать в эти склепы, мы уже видели.

Нет ничего более картинного в книге Бельцони, как описание этих склепов и работы в них.

Невыносимая жара стоит в подземельях. Воздух отравлен испарениями миллионов трупов, тонкая, едкая пыль подымается из под ног при каждом шаге, мешая дышать, раздражая легкие. Иногда приходится пробираться ползком по острым, мелким камням, режущим как стекло. Некоторые коридоры так длинны, что, кажется, конца им не будет. Сотнями, тысячами лежат мумии, местами беспорядочно сваленные. Черные стены, черный потолок, обломки древних трупов, слабое мерцание факелов в руках проводников, голых, черных, худых, точно мумии, тишина и чувство полной оторванности от жизни в этом царстве смерти.

Раз Бельцони присел на что-то, что он принял за глыбу камня. Глыба внезапно провалилась под ним, рассыпалась в прах, оказавшись мумией. Бельцони попытался ухватиться за стоящие вокруг мумии, они упали, развалились и окутали его облаком едкой пыли. Пришлось с четверть часа

прождать, пока облако село. Шевельнуться нельзя в этих склепах, не толкнув той или иной мумии.

Бельцони надо было пробраться в соседний склеп. Протискиваясь по узкому коридору, он все время чувствовал, как «его физиономия ежеминутно соприкасалась с лицом то одного, то другого древнего египтянина». Коридор был покатый, пол скользкий. Скользил Бельцони, скользили и катились за ним головы, руки, ноги мумий.

Бельцони решил собрать коллекцию папирусов, так как, во-первых, их легче всего перевезти в Европу, а во-вторых, ученые особенно ценили в это время надписи.

Поэтому он просто обшаривал мумии, находя папирусы то на груди, то под рукой, то под длинными бинтами, окутывающими ноги мумии.

При этом Бельцони безжалостно ломал их, разрывал бинты и выбрасывал тут-же. Сколько при этом погибло мелких памятников древности, бус, амулетов и т. п.! Бельцони рассказывает, например, что некоторые мумии были оплетены гирляндами из цветов и листьев акации. Но ведь ни лепестка этих цветов он не сохранил, не вывез из Египта, а в наше время такие растительные остатки тщательно сохраняются,— ведь только по ним мы можем установить точно, каков был растительный мир Египта. «Тысячи предметов» были им найдены, но где они? Он ничего не сохранил, ничего не вывез. Да и не смог бы, так как археологическая работа едва начиналась, велась без предварительных знаний, без плана, без оборудования, которое везет с собой современный археолог. Осуждать Бельцони за ошибки в работе нельзя, потому что иных методов раскопок тогда еще не знали. Правда, и в те времена можно было бы притти в ужас от того способа, которым Бельцони проникал из склепа в склеп кратчайшим путем: он проламывал стены ломом, не считаясь с тем, что ведь на них могли быть надписи или изображения. Он развертывает мумии в поисках интересных вещей, по нескольку штук в один день, торопится, рвет холст, ломает мумии, выбрасывает вещи, не представляющие художественной

ценности, даже не подозревая, какую огромную научную ценность представляют не отдельные предметы, а картина целого погребения. Ведь читая какую-нибудь книгу, мы не станем вырывать из нее отдельные строчки или звучные слова, особенно понравившиеся нам: и строчки, и слова в книге важны в общей связи, в совокупности, в контексте, как говорится на научном языке. А разве вещи не могут подобно слову передать многое, и разве не возможно, беря эти вещи в контексте со всем, что их окружает, понять многое из той прошлой жизни, когда они, вещи эти, были сделаны?! В связи другим вопросом нам придется дальше показать, как много могут рассказать вещи, и как важен бережный подход к вещественным памятникам прошлого.

Заслуги Бельцони велики, несмотря на его большие промахи. Много нового, интересного подметил он и подметил первый.

Бельцони первый в новое время подробно рассказал о способах бальзамировать трупы, приготовлять мумии. Он говорит, что трупы бедняков вымачивали в щелочной соли, высушивали на солнце и хоронили, просто завернув в холст. Более зажиточных после вымачивания в той же соли бинтовали длинными, узкими бинтами, а внутрь тела вкладывали смолы, хоронили их в гробах, покрытых надписями и изображениями. «Потому, вероятно, говорит он, в этих погребениях я обычно не находил на мумиях папирусов». Такие дешевые папирусы приготовлялись для бедняков, а более состоятельным выписывали на саркофаге те же тексты, что и в папирусах, только гораздо более тщательно, иероглифами, а не скорописью.

Кто же, кроме Бельцони, мог бы в те времена дать такое же точное и подробное описание погребальных обрядов древних египтян, внутреннего вида их погребений, росписей их стен? Ведь Бельцони даже поселяется вместе с феллахами, обитателями погребальных пещер. Спит так же, как они, на цыновке, учится говорить на местном языке, целые вечера проводит с ними, слушая их бесконечные разговоры

все на одну и ту же тему: каков-то будет разлив, какую-то жатву соберут. Едят феллахи скудно: чечевица да хлеб, размоченный в воде, редко-редко кусок масла в похлебку. Для гостя иногда зажарят тощую курицу, растопив очажок кусками саркофагов и тысячелетних мумий.

Бельцони описывает подробно сцену, которая разыгралась при нем.

Французский консул Дроветти заплатил фиванскому бею с тем, чтобы тот запретил Бельцони копать и перебивать находки у него. Но как тут запретишь человеку, у которого есть бумага от самого Мохаммеда-Али, и которому покровительствует английский консул. Пробует бей запретить феллахам копать, но и это не помогает; бей живет по ту сторону Нила, до Курны далеко, а Бельцони и платит хорошо и совсем свой человек в их пещерном поселке. И вот собирается гроза над их непокорной головой.

В один прекрасный день, бей со свитой внезапно появляется в Курне, как раз в ту минуту, когда Бельцони со своими приятелями разбирают находки.

— Говорят, у вас в Курне клады есть? — начал бей свои расспросы. Напрасно отнекивается несчастный шейх, староста поселка.

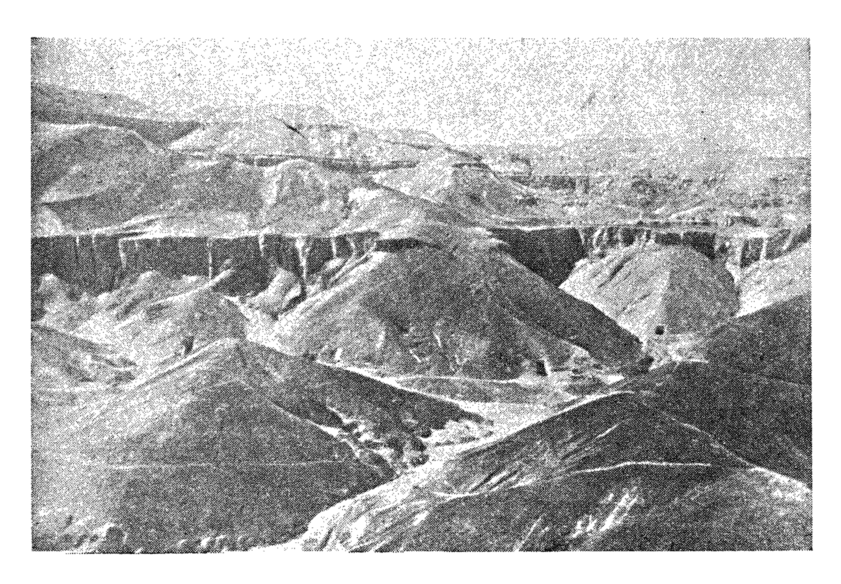
— Ты, говорят, мастер разыскивать мумии. Так вот — достань мне сейчас же мумию, да чтоб она была из тайника, где еще никто не побывал. И берегись, если окажется, что гроба уже кто-нибудь касался.

Дрожа от страха, заметался несчастный шейх. Откуда достать такую мумию? А не достанешь — убьет бей, до смерти заколотят солдаты бея.

Как бы то ни было, мумия была разыскана и доставлена. Невскрытый саркофаг поставили перед беем. Тот даже не посмотрел хорошенько и сразу же заявил, что шейх его обманул, что мумия была уже вскрыта. А за обман полагается наказание. И вот несчастного человека растянули на земле и, несмотря на его крики и мольбы, избили палками до бесчувствия. Бельцони стоял, едва сдерживаясь от возму-

щения и гнева. Его остановила только мысль, что ведь он подведет своего несчастного приятеля под еще бо́льшую беду, если заступится за него.

Хорошо осмотрев погребения Курны, Бельцони решил перенести свою работу в другое место. Погребения Курны были расположены по восточному склону гор, обращенному

«Долина царей». Современная фотография.

к Нилу, западный склон этих же гор спускался в так называемую «Долину царей». Мрачное это было место. Когда-то в древности сквозь горы была пробита туда дорога; этой же дорогой или крутой горной тропой можно было попасть туда и теперь. Ни травки, ни кустика не растет в долине. Голые скалы, раскаленное небо да груды рыхлого, сыпучего песка, нанесенного ветрами пустыни. В ущельях ютятся шакалы, в знойном небе парят орлы и соколы, да по ночам бесшумным полетом проносятся совы и летучие мыши.

Бельцони со слов греческих писателей знал, что в этой долине хоронили фараонов в эпоху так называемого Нового

царства, т. е. больше чем за $3^1/_2$ тысячи лет до нашего времени. Географ Страбон уверял, что склепов здесь — сорок, и что они все «достойны обозрения». Правда, могилы эти были давным-давно разграблены, и те же греки уверяли, что, кроме росписей на стенах, там ничего нет. Ученые французской экспедиции нашли всего одиннадцать входов в гробницы, остальные были засыпаны песком.

Нам придется еще поговорить подробно и об этой долине, и о той чудесной находке, которая была здесь недавно сделана. А потому я только скажу, что наблюдательный и предприимчивый Бельцони, кроме одиннадцати входов, бывших известными, нашел вход в обширную гробницу с целой вереницей коридоров, лестниц и зал. Общее протяжение их было целых сто метров. Никаких вещей здесь не было найдено, исчезла и мумия, сохранился только великолепный саркофаг из белого алебастра, весь покрытый изображениями, сквозящий на свет. В одном месте переходов оказался глубокий колодезь, преграждавший путь к комнатам, где, очевидно, в древности хранились большие ценности. Древние грабители перебрались через него с помощью канатов. Концы их еще висели в колодце. Жаль, что Бельцони не сохранил их, не вывез вместе с алебастровым саркофагом; ведь мы могли бы теперь исследовать эти веревки с помощью микроскопа и могли бы точно установить, из чего египтяне делали свои канаты.

Бельцони поразила больше всего великолепная роспись гробницы. Краски чудесно сохранились. Вывезти росписи, конечно, нельзя было, и вот Бельцони, умевший и рисовать и лепить, принялся за дело и сделал точную копию могилы, только в уменьшенном виде. На стенах были в картушах выписаны группы каких-то знаков. Шампольон еще не выступал со своим открытием, но Бельцони по прибытии в Европу показал их Юнгу. Ведь Юнг уже высказывал догадку, что это царские имена, и даже брался их читать.

— Нехао и Псамметих, — имена двух фараонов XXVI династии, решил Юнг и ошибся: в картушах стояло имя Сети I,

фараона XIX династии. Разница во времени была существенная: Сети I жил около 1300 г. до нашей эры, а Псамметих и Нехао жили около 600 г. до нашей эры.

В «Долине царей» у Бельцони побывал гость — губернатор города Кене. Бельцони охотно согласился показать ему свою чудесную находку, пробовал объяснять ему художественные достоинства и большое значение росписей. Посетитель, несмотря ни на что, мчался по коридорам. Добежал до конца, оглянулся кругом.

— А клад куда вы девали?

— Какой клад?

— Тот, который вы нашли здесь.

Бельцони удивленно объяснил, что клада и не было вовсе.

— Как так! Верный человек сказал мне, что вы нашли здесь золотого петуха, полного алмазов и жемчуга. Я хочу его видеть.

Насилу Бельцони уверил его, что кладов никаких он не находил. Напрасно старался заинтересовать знатного посетителя росписями гробницы.

— Да, да... — равнодушно отвечал он,—это было бы хорошее помещение для моих жен, им было бы на что смотреть.

Бельцони вернулся в Каир с богатой добычей. Во время пребывания здесь он еще разыскал вход во вторую пирамиду в Гизе, осмотрел все, что было возможно, и в 1820 г. решил вернуться в Европу, увозя с собой свои путевые заметки, богатый опыт путешественника и свою модель гробницы фараона Сети I, которая была доставлена в Париж на выставку в день, когда Шампольон читал свой доклад в Академии наук.

Первые ученые археологи в Египте: экспедиция Шампольона, его работы и открытия. Путешествие Лепсиуса.

А чем был занят Шампольон в то время, когда по следам Бельцони и других все новые путешественники и коллекционеры проникали в Египет? И неужели не тянуло его взглянуть на ту страну, о которой он столько мечтал и

языку которой он посвятил столько времени? Для такого путешествия надо было иметь средства, а молодой ученый, единственный в мире знаток древнеегипетского языка, был «беден, как поэт», по его собственному выражению. Шесть лет должны были еще пройти, пока, наконец, французское правительство совместно с тосканским не решило снарядить новую научную экспедицию в Египет.

За эти шесть лет Шампольон успел много поработать: в Турине (в Италии) он принимает деятельное участие в устройстве музея египетских вещей, читает папирусы, описывает статуи. На одной из них, прекрасно сохранившейся, он прочел имя того же «Рамзеса, сына Ра, возлюбленного Амоном», картуш которого послужил для него таким ключом к чтению надписей.

В Италии у него нашлись ученики и среди них Розеллини, впоследствии сам крупный ученый, товарищ и спутник Шампольона в его путешествии. Шампольона здесь буквально рвут на части: он читает лекции по истории древнего Египта, путешествует по Италии, всюду встречая радушный привет. Ему предлагают остаться навсегда в Италии, стать профессором Туринского университета. Ему обещают дать возможность поехать в Египет. Он и от этого отказывается, так как не хочет порывать с Францией, как ни тяжело ему подчас бывает на родине, особенно теперь, когда с возвращением Бурбонов такую огромную роль стало играть опять духовенство.

По возвращении из Турина он получает в Париже место консерватора (хранителя) египетского отделения в Лувре и горячо принимается за устройство нового музея.

А чтобы устраивать выставку в музее, надо сперва хорошо изучить вещи, хранящиеся в этом музее. Надо прочесть надписи, надо точно установить, к какому именно времени они относятся, что они собою представляют. И вот Шампольон, историк и крупнейший языковед, лингвист, уже хорошо ознакомившийся с Туринской коллекцией, работая над выставкой Лувра, становится и крупнейшим «вещеве-

дом», археологом. Так подготовлялся он к одному из самых радостных событий своей жизни, о котором он мечтал когда-то восьмилетним мальчиком.

31 июля 1828 года из той же гавани Тулон, из которой тридцать лет тому назад отплыл флот Наполеона, вышел корвет «Эглэ». На борту его находились члены научной экспедиции в Египет, снаряженной совместно Францией и Туринским правительством (в Италии). А во главе этой экспедиции стоял Франсуа Шампольон.

Как случилось, что, несмотря на всевозможные препятствия, экспедиция состоялась, и что Шампольон смог принять в ней участие, это история хотя и очень интересная, но чересчур долгая, а нас ведь больше всего интересует, как он приехал в Египет, и что он там делал.

Ровно три недели был корвет в пути. По крайней мере полтора года собирались участники экспедиции пробыть в Египте, и потому хорошо было, что компания оказалась сразу дружной.

Спутники Шампольона шутя называли себя «генеральным штабом» своего «генерала» Шампольона. Сразу наладили дружную работу под его руководством, занимались арабским языком, на котором сам Шампольон говорил совершенно бегло, упражнялись в писании иероглифов, читали все, что могли, о Египте.

По вечерам играли в шахматы или пели хором. Иногда бывали и шуточные ссоры: итальянцы, особенно Розеллини, говоря о чудесных старых постройках Италии, уверяли, что в Париже ничего подобного нет, а французы отстаивали родной город, приглашая «генерала» решить, кто из них более прав.

Со смехом вспоминали молодые спутники Шампольона много раз и потом одного из своих товарищей, почтенного профессора Радди, естествоиспытателя, уроженца города Флоренции.

Есть у Жюля Верна в его романе «Дети капитана Гранта» ученый, географ Паганель, который по рассеянности путает

все, кроме своей любимой науки. Так вот, когда читаешь рассказы спутников Шампольона, так и кажется, что Жюль Верн списал своего героя Паганеля с профессора Радди.

Начать с того, что он на корвет явился нагруженный всем, что могло ему понадобиться для его научной работы. Инструменты, лупы, пинцеты, коробки, ящики, сундуки, громоздились в каюте.— А где же платье? Обувь? Снаряжение для путешествия? — спрашивал Шампольон. Почтенный профессор растерянно осматривал свою собственную особу.

— Сапоги еще крепкие, костюм правда, легкий, бумажный, но ведь теперь лето, а в Египте климат теплый... вот и шляпа есть, чего-же больше?

— А белье? А смена обуви? Ведь на $1^1/_2$ года едем!

Корвет уже готовился выйти в море, когда рассеянный ученый вдруг схватился за голову и стал требовать, чтобы его моментально спустили на берег, что он должен вернуться во Флоренцию. С трудом добились от него причины его отчаяния. А дело было в том, что профессор Радди ни жене, ни дочери не позволял входить в свой музей и в свою лабораторию. Чтобы они в его отсутствие не проникли туда, он замкнул и запечатал двери, ключ зашил в кармане своего костюма, но только сейчас вспомнил, что окна там остались открыты. И профессор хватался за голову, требовал, чтобы корвет вернулся, чтобы его высадили хоть по дороге где-нибудь, и готов был чуть не плакать, когда спутники, еле удерживаясь от смеха, утешали его, что лаборатория за $1^1/_2$ года основательно проветрится к тому времени, когда он привезет новые коллекции.

Закончился долгий переезд. 18 августа экспедиция высадилась в Александрии.

— Я поцеловал египетскую землю, к которой я так стремился, когда я, наконец, коснулся ее первый раз, — пишет Шампольон брату.

И сразу же сказалось, какая огромная разница была между теми исследователями, которые работали в Египте до Шампольона, и его собственной экспедицией.

Главной и основной целью ученых, ехавших с Наполеоном, было ознакомление с естественными богатствами страны, которую Наполеон решил завоевать; попутно предполагалось ознакомиться и с ее прошлым. Бельцони, Сальт и многие другие собирали древности в расчете продать их в музеи или частным коллекционерам. Ни Бельцони, ни члены экспедиции Наполеона не были должным образом подготовлены, чтобы правильно оценить древние памятники, они даже не умели различить, какие из них более древние, которые более новые, не говоря уже о надписях, которых никто из них не умел прочесть. Они не знали языка страны, ее обычаев и нравов, они были ей чужие.

«Египтянин» называли Шампольона его молодые спутники в шутку. А «египтянин» говорил по-арабски так, что арабы, бывавшие в Париже, принимали его за одного из своих, и их трудно бывало разубедить, что этот смуглый, черноволосый человек, умеющий соблюдать все правила восточной вежливости, — не природный араб. Он говорил свободно по-коптски, а этот язык знали плохо даже сами копты, потому что на нем никто больше не говорил в Египте, и он употреблялся только в богослужении.

Прекрасное знание местного языка оценил даже сам Мохаммед-Али, когда Шампольон был ему представлен. Сам паша, турок по происхождению, по-арабски не говорил, но он понял важность знакомства с арабским языком для путешественника. А узнав, что молодой ученый занимался много историей страны, он буквально закидал его вопросами о прошлом Египта; его особенно интересовало, какого размера были подати, которыми фараоны облагали население, были ли они больше или меньше тех, которые он сам требовал.

Чтобы освоиться вполне со страной, Шампольон решил, что они все будут носить местный костюм и будут подчиняться всем местным обычаям. Один из его спутников пишет, что это очень важно; некоторые европейцы пробовали так же одеваться, как это принято в Египте, но они не сумели

сделать это так, как полагалось, над ними смеялись, а на улицах они подвергались оскорблениям. «Надо», говорит он, «уметь хорошо носить костюм, мы и носим его хорошо.»

Цели Шампольона тоже были совсем иные, чем у прежних исследователей. Конечно, и он тоже очень хотел пополнить коллекции своего музея, но не проламывая стен, как это делал Бельцони, не разрушая погребений, чтобы достать из них пару амулетов или клочок папируса.

Шампольон побывал и около пирамид и в самой пирамиде Хеопса. Его поразило, в каком ужасном виде он застал всю местность вокруг пирамид. Двадцать лет здесь рылись без всякого плана искатели древностей. Вскрывали древние гробницы, разбивали статуи, которые нельзя было увезти целиком, выбрасывали мумии. «Эта пустыня ужасна», пишет он, «она вся покрыта песчаными холмами, остатками беспорядочного разрывания, — все усеяно человеческими костями, остатками древних поколений...»

«Глазами истории являются хронология и география», говорил Шампольон. Он хорошо знал историю Египта, поскольку она была известна в его время. Он изучил не только греческих писателей, говоривших о Египте, он знал отлично и те отрывки, которые остались от большого труда Манефона, египтянина, написавшего историю Египта на греческом языке. От труда Манефона сохранилось немного, главным образом списки династий и царей. Современники Шампольона не очень доверяли этим спискам; ведь они говорят о такой страшной древности Египта, что если им поверить, Библия, которую считали древнейшей книгой в мире, окажется гораздо более молодой, чем первые династии фараонов. А как быть тогда с рассказами Библии о сотворении мира, о всемирном потопе? Значит, это неверно,— значит, церковь ошибается?

«Да, ошибается», думал Шампольон и искал неопровержимых доказательств этого в самих памятниках Египта. Если удастся найти в Египте царские имена, совпадающие с теми, которые дает Манефон, значит, он дал верные списки,

значит, ему надо верить, значит, египетская культура много древнее еврейской, значит, Библия — не непогрешимый источник, какой ее считают церковь и духовенство.

И вот уже с первых шагов своих в Египте, в развалинах древних пирамид на западном берегу Нила, где, кроме трех самых больших, было еще много других, построенных частью раньше, а частью позже пирамид Хуфу, Хафры и Менкера (по гречески их звали Хеопс, Хефрен и Микерин), Шампольон нашел имена фараонов, вполне совпадавшие со списком Манефона. Такое важное открытие было возможно только для него, читавшего иероглифы. Работа молодого ученого подрывала авторитет не только «священной» книги Библии, но и самой церкви. Хорошо, что Шампольон жил не в средние века, — не миновать бы ему костра!

Экспедиции приходилось торопиться: времени было мало, а работы предстояло много. Шампольон осматривает памятники, описанные уже экспедицией Наполеона. С каким восторгом говорил, например, Денон о храме богини Исиды [8] в городе Дендера.

Шампольон подъезжает к нему яркой, лунной ночью. Ждать утра не хочется. И вот, не зная дороги, без проводника, все участники экспедиции, 15 человек, вооружившись до зубов, в белых арабских бурнусах, бегут искать храм.

— Египтянин принял бы нас за племя бедуинов, — смеются они. Два часа шагают они наугад, через кусты и заросли терновника. Наконец перед ними храм, залитый лунным светом. Гигантские колонны отбрасывают резкие тени, глубокая тишина царит кругом. Развели костер, набрав сухой травы, чтобы полюбоваться, как багровые отблески пламени будут играть на колоннах в голубом лунном сиянии.

— Храм Исиды, — вспомнил кто-то определение ученых Наполеона.

— Неверно. Это храм богини Хатор, — сказал Шампольон, указывая на имя, повторявшееся в надписях, и на изображение богини.

«Пусть не посетует на меня комиссия (Наполеона), писал он через несколько дней брату, рельефы храма в Дендера отвратительны. Это и не могло быть иначе, — ведь они сделаны во времена упадка Египта. Архитектура тогда еще не изменилась, она еще достойна восхищения, но скульптура уже не такова...» А дело в том, что в то время, как строился этот храм, в Египте правили греки-цари. Они строили храм в египетском вкусе, но украшали их изображениями не египетского, а греческого характера, и получалось полное несоответствие архитектуры и скульптуры: рельефы не подходили к стилю здания.

Шампольон много занимался искусством и опытным глазом подметил то, что осталось непонятым его предшественниками.

Он проверяет и самого себя, свое чтение иероглифов, уточняет свою «египетскую азбуку».

«Ты пишешь, что Юнг все еще спорит об алфавите? А я, сидя уже шесть месяцев среди памятников, я просто пугаюсь того, что читаю гораздо более бегло, чем я сам этого ожидал». пишет он брату.

А работал он напряженно, и все его молодые товарищи вместе с ним. С рассветом вставали, до захода солнца работали, отдыхали только во время обеда. Художники соперничали, кто больше, лучше и точнее зарисует древние памятники. В дни отдыха итальянцы и французы обменивались рисунками, давая друг другу скопировать то, чего нехватало у тех или у других.

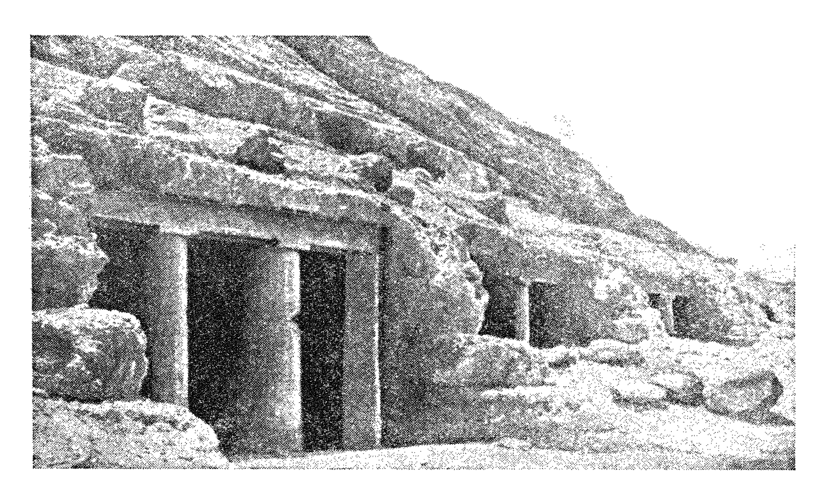
Примерно на полпути от Фив решили осмотреть гробницы в скалах в местечке Бени-Хасан.

Шампольону нездоровилось, и он попросил молодых товарищей подняться в эти пещеры.

— Ничего нет. Какие-то жалкие остатки росписей, — сообщают они по возвращении. Шампольон, однако, решил, что посмотрит сам. Забрались всей компанией обратно. Груды песку перед входом. Стены черные, покрыты слоем копоти и пыли. А что под этой пылью? Надо ее смыть сперва.

И вот, «благодаря нашим лестницам и отличным губкам — лучшим завоеваниям человеческой изобретательности — перед нашими глазами развернулась, пожалуй, древнейшая серия рисунков, рассказывающих о быте, искусствах и производствах и, что для нас ново, о военном деле», сообщает Франсуа брату.

Шампольон отнес эти гробницы, судя по надписям, к очень позднему времени — ко времени 22 династии, то-есть

Гробницы князей Среднего царства в скалах в Бени-Хасане (средний Египет).

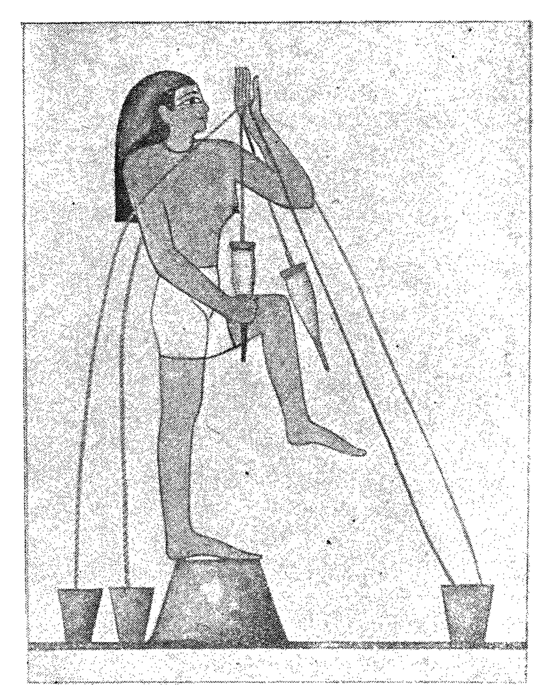
к 950 году до нашей эры. Это была ошибка, в которой были повинны неполные списки царских имен, бывшие у него в руках. Историк-Шампольон ошибся, но Шампольон-археолог сразу же определил, что имена говорят одно, а рисунки — другое: так могли рисовать только в очень древние времена, и ученым придется еще когда-нибудь разрешить эту загадку.

В наше время она разрешена: имена царей в этих надписях относятся к 12, а не к 22 династии, не к 950 г. до нашей эры, а на добрую тысячу лет раньше.

Шампольон доехал почти до вторых порогов на Ниле.

Побывал и в Абу-Симбельском храме, где уже работал Бельцони до него.

«Все здесь колоссально, пишет он, не исключая работ, предпринятых нами. Кто знает, что в этот храм приходится попадать почти неодетым, ползком пробираясь через малень-

Пряха. Роспись в одной из гробниц Бени-Хасан

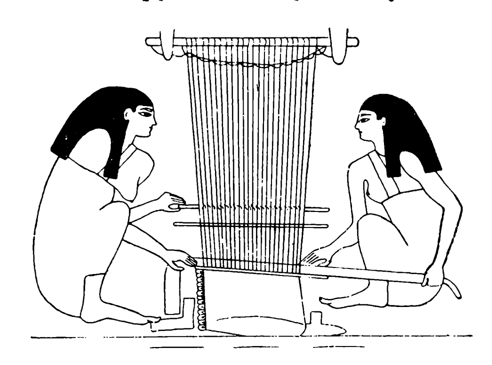
кое отверстие, прочищенное в песке, что работать приходится в температуре духовой печки (51° Реомюра), что тело постоянно в поту, который льет на бумагу... тот подивится мужеству наших молодых людей, которые ежедневно выдерживают по три-четыре часа в этой раскаленной печи и бросают работу тогда, когда ноги их больше не держат».

Дивясь мужеству молодых спутников Шампольона, еще больше дивишься, однако, его собственному мужеству, его

выдержке и умению наладить дружную работу своей молодой бригады, поддержать веселый и бодрый дух.

Легко ли поладить, например, с нетерпеливым Нестором Лот (Nestor L'Hôte), который то весело хвастается, что «все Фивы у него в кармане, — 500 рисунков уже сделал», то вешает нос и ворчит: «До чего скучны иероглифы! Мы просто желудок себе ими испортили! Сколько мы их наглотались! Год целый работы! Ни дня отдыха, ни минуты покоя!»

А старый, болезненный профессор Радди! Рулевой выкинул его камни, которыми он нагрузил лодку по пути от вторых порогов. И вот Радди опять чуть не плачет, собирается вернуться, жалуется, что этот нахал рулевой посмел сказать, что «камни в Нубии есть везде, и что нечего жалеть их». Радди все любят, все заботятся о нем: детски-беспомощный, с седой бородой, «запущенной, как сад осенью», с лицом похожим на «пергамент старого гербария», с двойной парой очков на носу, с огромной лупой в руках. Профессор готов увезти с собой все камни Египта, а однажды пытался даже водворить в лодку целую пальму в 80 футов вышиной.

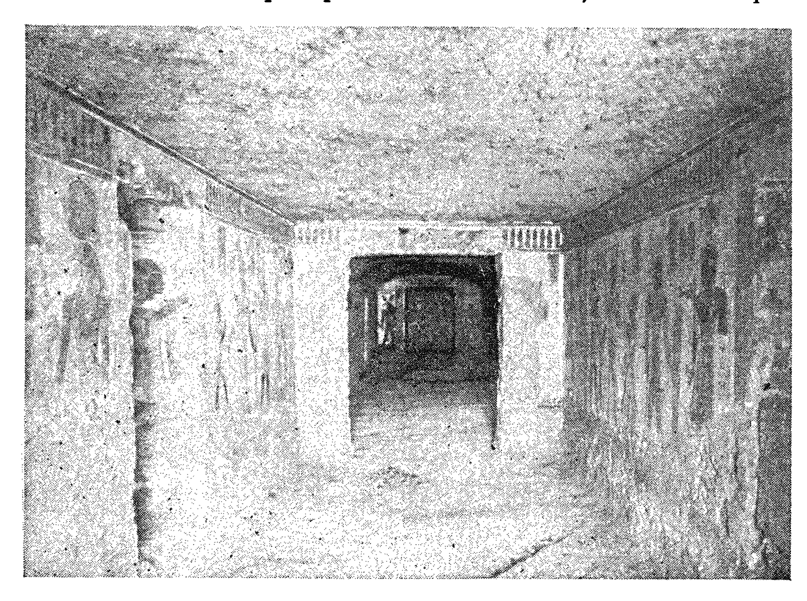
Ткачихи за работой. Роспись в одной из гробниц Бени-Хасана.

Вернувшись от вторых порогов Шампольон остановился надолго в Фивах, вернее на западном берегу против Фив, в Курне, где до него жил Бельцони.

Его очень интересовали арабы-земледельцы (феллахи) и с глубоким возмущением он говорит о той жестокой эксплоатации, которой подвергают их чиновники паши, об их ужасающей нищете.

Наряду с Курной надо было осмотреть также «Долину царей». Шампольон предлагает товарищам «на две недели, не больше» поселиться в одной из гробниц.

Устлали пол цыновками и тростником, устроились так, чтобы солнце не жгло, но чтобы было достаточно светло, вдоль по стенам коридора поставили койки, и вот 23 марта

Внутренний вид одной из гробниц в «Долине царей». По современной фотографии.

по направлению «Долины царей» выступил «караван ослов и ученых», как шутливо писал Франсуа Шампольон брату.

Вместо двух недель участники экспедиции прожили в «Долине царей» два с половиной месяца. Надо было скопировать надписи, срисовать, обмерить, описать. Шампольон не позволял разрушать памятники, хотя бы и ради того, чтобы вывезти их, с собой во Францию. И только здесь он не смог отказать себе в удовольствии привезти в Париж один из лучших образцов египетского искусства, — он выпилил из

стены гробницы Сети I рельеф, [9] изображающий царя, подносящего дары богине Хатор.

В часы досуга Шампольон любил оставаться один, обдумывал свою новую хронологию Египта, приводил в порядок свои материалы, разбирал новые надписи. Насколько напряженно он работал, доказывается тем, что его молодые спутники заставали его иногда в глубоком обмороке.

И тем не менее он всегда говорил, что счастливейшее время его жизни были именно эти месяцы напряженной работы сперва в Абу-Симбеле, а потом в «Долине царей».

Гаэтано Розеллини, брат Розеллини-египтолога, так же как и Шампольон, был страстный любитель животных. С ними вместе в гробнице фараона Рамзеса IV поселились их ручная газель «Пьер» и нубийская кошка «Кордофан», и Шампольон, посылая брату план их размещения в гробнице, тщательно отмечает место постели кошки и газели.

Гаэтано Розеллини завел себе даже двух маленьких пантер, но зверьки в один прекрасный день вцепились хозяину в ноги.

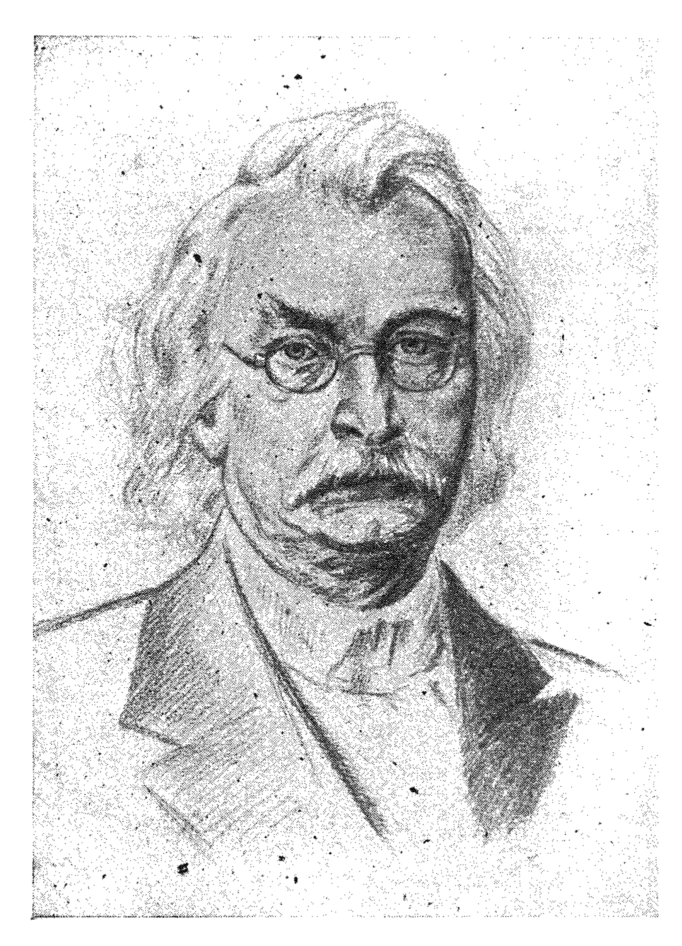
Чтобы развлечь товарищей и повеселиться, Шампольон 1 апреля устраивает пир, обещая угостить небывалым блюдом. К сожалению молодой крокодил, которого он собирался зажарить, за ночь протух, но это веселью не помешало. За обедом, — скудным, как и всегда, — провозгласили тост в память Бельцони, зажгли все свечи и в сопровождении своих помощников и спутников-феллахов ходили по всем коридорам и залам подземелья, громко распевая хором и прислушиваясь, как голоса глухими перекатами отдавались под сводами гробницы, замирая вдали.

Не хватит времени и места подробно рассказать о всех работах Шампольона и его товарищей в Египте.

24 декабря 1829 года они вернулись в Европу, и Шампольон снова принялся за свою работу в музее.

Но тяжелая работа, — а Шампольон, как мы уже видели, не умел щадить своих сил, — подорвала окончательно его и без того слабое здоровье. Болезнь оказалась неизлечимой,

и 3 марта 1832 г., через три года после возвращения из Египта, Шампольон умер. Перед смертью он вдруг очнулся из глубокого забытья и потребовал, чтобы ему дали его

Рихард Лепсиус.

египетский костюм. Его приподняли, положили его холодеющие руки на его арабское платье, которое он «умел так хорошо носить», на сандалии, на его записную книжку. На

минуту глаза его снова блеснули, загорелись мыслью, он еще раз вздохнул и скончался.

«Факел упал, и некому поднять его», писал один из больших почитателей Шампольльона после его смерти.

Так оно и казалось, потому что хотя у Шампольльона и были ученики, но ни один из них не мог надеяться занять его место: ни знаниями, ни талантливостью они равняться с ним не могли.

Факелу новой науки однако не дали потухнуть. Его подняли руки тех, кто стал продолжателем дела Шампольльона. Через 20 лет после его смерти в Египет снова отправилась большая экспедиция; на этот раз ее участниками были немецкие ученые во главе с Лепсиусом.

В распоряжении новой экспедиции было больше денег, вдвое больше времени, руководитель ее, овладев всеми знаниями, которые были оставлены Шампольльоном, пошел дальше. Он посвятил много времени чтению папирусов, стал дальше разрабатывать египетскую хронологию. В Египте он провел три года, побывал в Нубии, на Синайском полуострове. Там, где Шампольльон успевал только бегло *осмотреть*, Лепсиус смог подробно *изучить*.

Престарелый Мохаммед-Али позволил Лепсиусу вести раскопки всюду, где он пожелает, и увозить с собой какие угодно памятники. Лепсиус этим воспользовался. Копая около пирамид, он нашел здесь погребальные камеры вельмож времени Хеопса, Хефрена и Микерина. Он не только списал надписи, обмерил гробницы, зарисовал и скопировал все, что можно, он некоторые из этих построек снял с места и перевез в Германию, во вновь основанный Берлинский музей.

Чтобы рассказать подробно о том, как работали в Египте после Шампольльона, надо было бы иметь очень много времени и места. Мы же не собирались рассказывать историю египтологии, мы просто хотели посмотреть, как началось изучение страны, как туда путешествовали еще совсем недавно.

Мы не рассказали еще ничего о том, что поездки в Египет совершали и русские путешественники. Одним из первых был Норов. Он побывал в Египте в 1834—1835 г. и оставил очень интересное описание этой поездки. Мало того, он вывез из Египта большую статую богини Сехмет [10] из черного камня, которую он передал в Эрмитаж, и которую теперь всякий может там видеть в египетской зале. Она сидит, черная, огромная, с головой львицы на женском туловище и держит в руке иероглиф странной формы ☥, который египтологи читают по египетски «анх» и переводят словом «жизнь».

Так путешествовали, изучали, собирали, производили раскопки и устраивали музеи сто лет тому назад. А как теперь работают в Египте ученые и что нового узнают они о Египте? Что изменилось в работе археолога?

Если бы мы поехали теперь в Египет с целью вести там раскопки, мы должны были бы получить сперва право на это и заплатить за него египетскому правительству. Каждый может купить себе это право, но каждый, ведущий раскопки, во-первых, обязан делать это не кое-как, а под надзором сведущих археологов, а во-вторых, все найденное должно сдаваться в Каирский музей. Только после разрешения музея можно вывезти найденные древности с собой, конечно, заплатив опять за это хорошую пошлину.

Каирский музей был основан в 1857 г. знаменитым французским археологом Мариэттом. Крупнейшие ученые стояли во главе его, главным образом французы.

В настоящее время Каирский музей имеет самую большую в мире коллекцию египетских древностей. Вывозить из Египта разрешается только такие вещи, которые не являются первоклассными.

Правильно ли, что раскопки не позволяют производить как попало? Конечно, правильно, и лучше всего показать на живом примере, какая разница между правильно веденными раскопками и случайными поисками.

В конце XIX в. два археолога, приехав в Египет, услышали от кого-то, что в одной местности есть как будто следы очень древних погребений. Им не было времени возиться с формальностями для получения разрешения. Поехали просто так, наугад. Указанное место находилось рядом с обработанной землей, но уже в черте пустыни. На полях феллахи взрывали землю мотыгами. Подозвали их, обещали бакшиш и велели копать песок в месте предполагаемой могилы. Копать пришлось недолго, могила оказалась неглубока. Нашли кое-какие вещи, между прочим отдельно от костяка лежал череп, тщательно уложенный в плоский глиняный сосуд и прикрытый таким же сосудом. Взяли с собой череп и оба сосуда, а все остальное, костяк и т. д. оставили на месте. Что за странное погребение? Был ли этот человек обезглавлен? А, может быть, голову от тела отделили после смерти? У некоторых народов хоронят, разрознивая кости. А в данном случае были ли другие кости разрознены? Какого времени могила?

Вот сколько вопросов возникает, когда в музее смотришь на этот странный череп между двух тарелочек. И ни на один вопрос нет ответа, так как нет ни фотографии могилы, ни зарисовки ее, ни подробного описания. А погребение, очевидно, было очень древнее, потому что лежал костяк, а не мумия, и форма погребения — очень редкая. Это все, что можно о нем сказать.

Кто-нибудь мог бы возразить, что в могиле этой не было ведь найдено надписей, так что же без них можно еще сказать о таком погребении? Но что из того, что нет надписей, что в это время их, может быть, и вовсе не было? А вещи разве не говорят? Посмотрим, что они могут рассказать о такой могиле без надписей.

III. КАК ВЕДУТСЯ РАСКОПКИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

Раскопки в древнейших могилах. Что говорят вещи, найденные здесь. «Охотничьи палетки» и булавы.

Вот одна из этих могил перед нами. Она найдена в песках на западном берегу Нила. Выкопана она была тоже не глубоко. Ветры давно разнесли небольшую насыпь над ней. Но могила была не одна в этом месте, их было много, и ученые вскрыли их все, тщательно и осторожно исследуя, фотографируя, описывая, обмеряя каждую из них со всеми вещами, которые там лежали. Некоторые были просто неглубокими, овальными ямами, другие были отлично устроены, с лесенкой, которая вела в могилу. В таких могилах яма была большая, глубокая, и стенками она была разделена на три комнаты: одна побольше, две другие совсем крошечные.

Что это означает? Да то, что это целое кладбище какого-нибудь поселения. Поселение стояло ближе к реке, там, где зеленели рощи и поля. Земли хорошей мало, и под кладбище отвели ближайшую полосу пустыни. Тело человека в этих могилах кладется обычно на левый бок, колени слегка согнуты, руки слегка подняты к лицу и лежат тоже в совершенно спокойной позе. Кажется, что человек этот улегся в своей песчаной яме, чтобы спокойно поспать. Некоторые тела были завернуты в цыновки или в шкуры животных, точно в одеяло. Кругом поставлена посуда. Какая она еще неровная! Сразу видно, что люди работали еще без гончарного станка. Очевидно, посуда была не пустая. Кое-где сохранились остатки пищи. Зачем мертвому пища? Да разве

он мертвый? Ведь его уложили в позу спокойно спящего, значит думают, что он просто крепко спит, а когда проснется, ему нужно будет поесть.

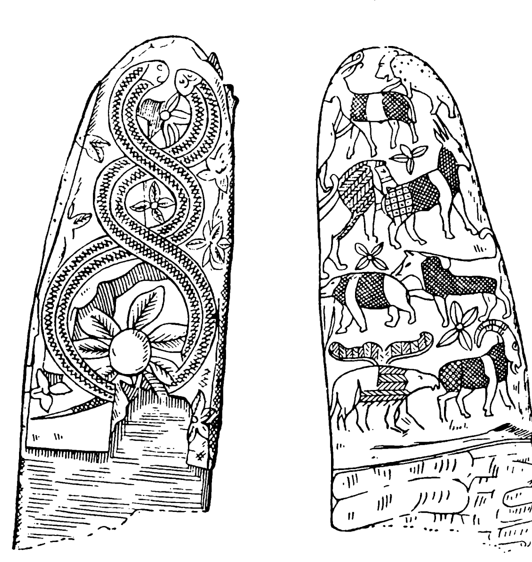
Рядом лежит великолепный нож. Лезвие сделано из тонко оббитого кремня, рукоятка завернута в золотой лист и по золоту вырезаны изображения: пустыня, кое-где растут кустики, среди них ходят животные, газели, каменные козлы; лев нападает на одно из животных, за другим охотится собака. Да ведь это охотничий нож! Значит, человек, лежащий в этой могиле, при жизни занимался охотой.

Одно из древнейших погребений. По фотографии.

Но любопытно, что в такой же точно могиле того же кладбища хранилась табличка из раковины, и на ней была вырезана река с плавающими в ней рыбами. На берегу реки стоят вол и козел — домашние животные, а над ними изображена мотыга, которой взрыхляют землю, и серп, которым жнут. Что же это значит? Очевидно, в это время люди жили уже не одной охотой, но имели уже домашних животных, кроме собаки, приручили уже и козу и вола, умели мотыгой взрыхлять землю, умели жать серпом. Мы даже знаем, что они в это время сеяли просо, ячмень, пшеницу, — зерна их археологи находили в древнейших могилах.

Но странно, что в одной могиле вы найдете каменный нож с великолепной золотой рукояткой, а в другой и посуды меньше, и дорогие вещи совсем отсутствуют. Одна могила, глубокая и большая, в нее ведут ступеньки, а другая — плоская, плохо устроенная. Значит, в этом поселке, к которому принадлежало кладбище, одних хоронили в прекрасно устроенных могилах, клали им дорогие вещи, а других закапывали без особенной заботы и вещей клали меньше, и не дорогих. Первые, верно, командовали на охоте, им принадлежало больше скота, в их владении были лучшие куски земли, а вторые были подчинены им и не имели права на такое пышное погребение. Ни одной надписи не найдено в этих древнейших могилах, а как много можно о них узнать, как много могут рассказать вещи, если раскопки велись правильно, если вещи не вырывать из общей связи с другими, — из контекста, как выражаются научным языком. Понятно ли будет, если в какой-нибудь надписи мы перепутаем слова, если некоторые мы выбросим совсем из общей связи? Также и вещи становятся понятны лишь в общей связи их друг с другом и с тем, что их окружает.

Кремневой нож с золотой рукояткой. Хранится в Каирском музее.

И еще интереснее бывает, если вдруг удастся найти какую-нибудь надпись, еще подробнее объясняющую то, что рассказали уже вещи.

В пирамидах, — не в тех самых высоких, которые строили Хеопс и его наследники, — а в тех, которые были построены при фараонах двух следующих династий, были найдены длинные надписи. Ученые так и называют их «текстами пирамид», и усердно их изучают, так как в них отразились гораздо более древние верования, чем сами эти пирамиды. В этих текстах покойного призывают повернуться с одного

Обломок раковины. Рельефное изображение вола, козла, мотыги и серпа. Хранится в Берлинском музее.

бока на другой, стряхнуть с лица песок и прах, «встать и принять хлеб этот».

В пирамидах мумия покойного лежала на спине, а не на боку, была завернута в бинты, а лицо ее было закрыто маской гроба, так что никакая пыль не могла бы забиться под нее. Значит, надпись эта была сочинена еще в то время, когда труп клали на бок в плоской песчаной могиле.

Нам вполне понятно, однако, и опять-таки благодаря надписям, почему покойного зовут повернуться с одного бока на другой. Египтяне думали, что души покойных уходят на запад, в ту страну, куда закатывается ежедневно солнце.

Про фараонов так прямо и говорили, что «он зашел за свой вечный горизонт», а не умер.

И тела покойных клали обычно лицом к уходящему солнцу, на запад. А родные покойного шли к его могиле с дарами из долины Нила, с востока.

Обычай хоронить на боку изменился с течением времени, а древний текст остался как память о том времени. Так дополняют друг друга вещи и надписи. Так важна дружная, совместная работа ученого-археолога, изучающего вещи, и работа ученого-филолога, изучающего слово, язык, надписи.

Тщательные раскопки ученых дали нам памятники еще более интересные, чем эти древнейшие могилы. Мы имеем теперь предметы, благодаря которым становится ясно, как охотники, жившие когда-то в долине Нила, стали земледельцами, как у них сложилось государство и какое это было государство. Вот, например, перед нами большая доска в форме длинного овала из шифера. Ученые называют такие доски «палетками». В глубокой древности такие палетки, только меньших размеров, употреблялись охотниками, чтобы растирать на них малахит, зеленый камень, который добывали далеко, на Синайском полуострове. Малахитовый порошок растирали с жиром и этой мазью обводили глаза и мазали веки. Охотятся в пустыне, горячее солнце ослепительно сверкает, искрится, и горит нестерпимым блеском песок. Современный путешественник оденет дымчатые очки, чтобы предохранить глаза от чересчур яркого света и от песчаной пыли, разъедающей веки. А древний охотник жирной обмазкой старался предохранить глаза от чересчур яркого света и от пыли.

Такую «палетку» имел каждый охотник. Он придавал ей форму птицы, рыбы, животного, носил на груди и думал, что с помощью этих волшебных, «магических» изображений ему на охоте и на рыбной ловле удастся убить много дичи.

Но наша «палетка» чересчур велика, чтобы ее можно было носить на шее. С одной стороны поверхность ее покрыта выпуклыми изображениями. По краям ее развертывается

шествие: идут охотники. В руках у них луки и стрелы, длинные лассо, чтобы ловить зверя живьем, топорики из камня. На поясе у каждого висит сзади волчий хвост. Охотники двумя шеренгами оцепили дичь и гонят ее перед собой. Бегут страусы, газели, скачет заяц. Собака загоняет дичь, не давая ей уйти, только львы успели прорваться сквозь круг охотников, и охотники торопятся прикончить их, стреляя из луков.

Но вот что особенно интересно на этой палетке: во главе обеих шеренг охотников идут двое людей с какими-то значками в руках. Они ничем не отличаются от остальных охотников; такой же у них хвост на поясе, такое же оружие. Единственное отличие — древко с перекладиной в одной руке, на котором сидит фигурка сокола. Ученые думают, что это — охотничьи вожди. Два охотничьих племени объединились для большой охоты. Может быть, мясо убитой дичи заготовлялось впрок надолго. Вожди, вероятно, — самые опытные охотники, получали большую и лучшую долю добычи. Но это случалось не часто, потому что в

Одна из древнейших палеток с рельефным изображением охоты. Разбита. Одна часть хранится в Лувре, другая — в Британском музее.

это время уже умели мотыжить землю и собирать жатву, так что охота перестала быть ежедневным промыслом, и в повседневной жизни вождь-охотник мало чем отличался от других свободных охотников.

Посреди нашей палетки сделано углубление. Может быть, все охотники, отправляясь на охоту, подмазывали себе зеленой краской веки на этой палетке; охота была общим, коллективным делом, — коллективно, сообща производили охотники и подкраску глаз, считая это важным, полезным делом, волшебством, «магией», предохраняющей от всяких бед на охоте.

Палетка фараона Нармера. Лицевая сторона.

В развалинах очень древнего храма в Иераконполе, к югу от Фив, были найдены еще одна палетка большой величины и огромный шар из белого камня, не совсем правильной формы, со сквозным отверстием, чтобы насаживать его на древко.

Такие шары в древнейшем Египте служили наконечниками боевой дубинки, булавы, и были страшным оружием в руках человека.

Шар, найденный в Иераконполе, вряд ли, однако, был оружием, он слишком велик и тяжел.

И булава и палетка были покрыты со всех сторон выпуклыми изображениями, рельефами. Булава сильно повреждена, а палетка сохранилась отлично. На одной стороне ее оставлено углубление, в котором можно было смешивать малахитовый порошок и жир.

Археологи думают, что и дубинка и палетка хранились в храме, как напоминание о каких-то важных событиях,

а самые события были изображены на их поверхности рельефом, то есть выпуклой резьбой.

С одной стороны палетки изображен вождь. На нем — высокая «корона», похожая по форме на кеглю. К поясу привешен сзади волчий хвост. Вождь левой рукой ухватил за волосы поверженного врага, а правую занес над его головой, собираясь поразить его своей страшной дубинкой.

Над этим изображением мы видим овал, из которого вырастают шесть листьев лотоса. Выше, в главе об иероглифах, мы уже говорили подробно о смысле этого изображения.

Палетка Нармера. Оборотная сторона. Хранится в Каирском музее.

Еще раз, только в другой форме, оно рассказывает то же событие, которое было изображено ниже: хищный сокол означал вождя, начальника. Голова с веревкой в губе означала того же врага, которого в нижнем изображении убивает вождь. Жестокий обычай продергивать веревку через губу пленного врага, вероятно, в это древнее время действительно существовал. Значит, все это изображение означает, что какой-то вождь убил вождя вражеского племени и захватил шесть тысяч пленных.

В самом низу палетки два бородатых человека бегут, в ужасе оглядываясь назад, подняв руки. Перевернем палетку другой стороной и мы увидим, от кого они бегут: бык своими страшными рогами разбивает глиняную ограду какого-то поселения. Копытами он топчет поверженного бородатого человека. Ученые знают, что в Египте титул «тельца сильного» носил впоследствии фараон; значит, бык изображал

фараона-победителя, от которого в ужасе бегут враги, и предыдущие изображения означали тоже самое.

Но самое интересное и самое важное изображение вырезано на этой же стороне вверху.

С правой стороны изображены два ряда обезглавленных трупов. Отрубленные головы уложены тщательно между ног убитых. Ученые думали сперва, что это — поле битвы с телами павших врагов. Одна странность бросилась, однако, в глаза: руки убитых связаны. Значит, это — не поле битвы, а место, где несчастных пленных, взятых на войне, убивали, обезглавливали, связав им предварительно руки.

С левой стороны мы видим целое шествие. Бегут четыре человека с высокими древками в руках; на древках — изображения двух соколов, шакала и какой-то малопонятный предмет. Такие «штандарты» мы уже видели в руках охотников-вождей на нашей первой палетке. За ними идут три фигуры. Среднюю мы узнаем опять сразу по костюму: на поясе — волчий хвост, в руке — дубинка. Это тот же фараон, которого мы видели на другой стороне палетки. Он сражался не один, а с четырьмя союзниками, вождями племен, во главе которых он стал. Впереди него идет везирь, позади сандаленосец, чтобы обмыть ему ноги и подвязать сандалии, когда он сядет.

На голове царя — не высокая «корона» в форме кегли, а странный головной убор с торчащей спереди спиралью скрученной проволокой.

Фараон изображен здесь победителем, а благодаря его странным головным уборам ученые разгадали, и кого он победил, и какое событие здесь изображено: египетские цари позже носили обыкновенно так называемый «пшент» — «корону Верхнего и Нижнего Египта», то есть оба эти головные убора, вставленные друг в друга, в знак того, что царь владеет обеими половинами страны, южной и северной, Верхней и Нижней.

На нашей палетке фараон сражается еще в короне Верхнего Египта, а победив, — одевает корону Нижнего, север-

ного Египта. Значит, здесь изображено очень важное событие — завоевание царями южного Египта его северной части. Цари эти, которые сами когда-то были вождями одного из египетских охотничьих племен (недаром их изображают охотничьей птицей-соколом, недаром у них на поясе висит волчий хвост), стали во главе всех остальных, подчинившихся им. На палетке ясно показано, какое важное место они заняли теперь, — ведь фараон вдвое больше своих вельмож, везиря и сандаленосца, и втрое больше вождей объединенных племен.

Булава фараона «Скорпиона». Найдена в Иераконполе. Хранится в Оксфорде.

В самой верхней части палетки, между двумя странными изображениями головы с человеческим лицом и коровьими рогами, вырезан картуш с именем царя. Он, правда, — не овальный, но в очень древнее время картуши были всегда прямоугольные. Имя фараона читается «Нармер». Ни в одном из царских списков, известных до сих пор, этого имени не было, верно потому, что в эти списки помещали только тех фараонов, которые правили уже всем Египтом, и Верхним и Нижним. Значит, здесь стоит имя фараона, правившего сперва только одним южным Египтом, а потом завоевавшего и северный. Так, благодаря раскопкам, благодаря уменью разбираться в надписях и в рисунках древнего Египта, мы знаем теперь, что одним из первых фараонов—объединителей Египта был Нармер.

Нам остается непонятным только, почему египетского фараона стали изображать в виде быка, и что означают странные головы с коровьими рогами вверху палетки. Чтобы разобраться в этом, взглянем на изображения на гигантской булаве из Иераконполя.

Опять перед нами фараон в короне Верхнего Египта. За ним видны маленькие фигурки вельмож, несущих большие веера из страусовых перьев, чтобы защищать его от палящего солнца. В руках фараона — не боевая дубинка, а простая мотыга, такая же, какую мы видели на обломке раковины в древнейшей могиле. Под ногами его струятся потоки воды, омывая островок. На островке, в плетеной корзине, посажена молодая финиковая пальма, двое людей возятся около нее, один держит в руках такую же мотыгу, что и фараон. Какое же важное событие изображено здесь?

Люди внизу сажают финиковую пальму. Арабы говорят, что это дерево любит, чтобы его голова была в огне, а ноги в воде. Надо, чтобы корни пальмы имели достаточно влаги; тогда она будет хорошо расти и даст обильный урожай своих сладких плодов.

В Египте почти не бывает дождя. Об этом мы уже раньше говорили и говорили также о том, как приходится запасать воду на время засухи и затем спускать ее по каналам и канавкам на поля в сады и огороды. Трудное это и сложное дело. В глубокой древности, когда люди только что начали заниматься земледелием, они, верно, никаких каналов не рыли, а сеяли в тех местах, которые река заливала каждый год сама, и в которых земля долгое время оставалась сырой. Когда они научились рыть каналы, устраивать плотины и шлюзы, они сначала работали всем племенем, так же как и на охоту ходили все охотники племени. Это было общим делом, общей работой. Но и на охоте, и на земледельческих общих работах некоторые люди — может быть, более опытные — руководили остальными. Ясно, что они получали бо́льшие доли охотничьей добычи или урожая. Чем дальше развивалось земледелие, чем больше ценилась земля, тем чаще

между соседними поселениями завязывались войны за нее. И опять-таки вожди получали бо́льшие наделы завоеванных земель, а вместе с тем все заведывание каналами, шлюзами, плотинами переходило постепенно в их руки. Когда же фараоны Верхнего Египта завоевали всю страну, когда они стали «царями Верхнего и Нижнего Египта», в их руках очутилась не только вся земля, но и орошение — ирригация всей страны — стало от них зависеть. По их приказу строились плотины, рылись каналы и бассейны, в которых запасали воду, в их руках была вся земля, а, значит, от них зависели жизнь и смерть всех, кто на этой земле жил. Земледельцы работали на полях, но распоряжался и полями и трудом земледельцев фараон и его приближенные.

Ученые не вполне точно могут еще сказать, чем именно занят фараон на шаре дубинки: перед ним идет человек, который что-то сыплет из корзинки. Может быть, он сеет зерна. Тогда это изображение означает не только посадку финиковых пальм, но и посев зерна на поле. А, может быть, он сыплет землю для насыпи плотины, может быть, наше изображение означает устройство нового канала. Но и то и другое стоит в связи с земледельческими работами. Очевидно, устройство плотины и канала в этой стране считалось таким же важным делом, как завоевание новых земель.

Теперь нам становится понятно, почему и на булаве и на палетке фараона изображают втрое больше его спутников. Понятно становится также, почему внизу палетки он изображен мощным, сильным быком: чем большее пространство земли надо было обработать, тем труднее становится делать это простой мотыгой. На больших полях землю стали взрыхлять плугом. Рогатый скот был одомашнен уже раньше, и теперь оставалось только приспособить его для этой работы, впрячь вола в плуг. Земледельческим хозяйством живет Египет теперь, без быка и коровы обойтись больше нельзя и, как самые полезные животные, они стали почитаться в качестве священных. В верхней части палетки, с обеих

сторон мы уже видели странное изображение: широкое, улыбающееся, приветливое женское лицо с ушами и рогами коровы. Это — Хатор, богиня-корова, богиня неба. А победоносного фараона стали изображать мощным быком, и он получил титул «тельца сильного».

А для чего же тогда оставлено еще углубление для растирания малахита? Ведь для этого земледельца-народа охота не имеет прежнего значения и глаза зеленой мазью подводить больше не приходится?

Охотники этого больше и не делают — растирает малахит только фараон, да и то изредка, каждый раз торжественно, по большим праздникам, верно, — в храме, где палетка теперь обычно хранится. Зеленый цвет — это цвет прорастающих посевов, цвет зеленеющих полей, сулящих обильную жатву, урожай, довольство.

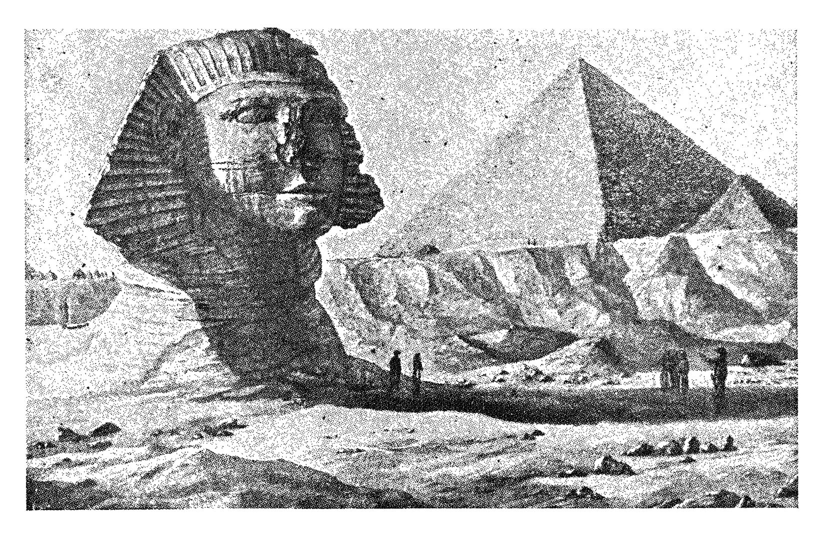
И палетка Нармера, и булава с изображением царя, мотыжащего землю, были пожертвованы в храм Иераконполя около 3200 г. до начала нашей эры, как думают ученые. А могилы в песчаных ямах гораздо древнее и палетки и булавы: они были устроены, верно, еще в самом начале четвертого тысячелетия.

Так современная наука, заставляя рассказывать об отдаленном прошлом человечества самые вещи, дает нам возможность нарисовать полную картину того, как возникло египетское государство, как случилось, что фараоны получили такую огромную власть, что через какие-нибудь пятьсот лет после Нармера Хеопс смог на постройку своей великолепной гробницы согнать «все население страны».

Исследования и раскопки вокруг пирамид и в «мастабах». Тайна «сердабов». Мариетт находит портретные статуи.

Вернемся на некоторое время из Иераконполя на север, к большим пирамидам и посмотрим, не сможет ли и здесь работа археологов заставить древние памятники заговорить понятным для нас языком.

Ученые экспедиции Наполеона, под охраной своего военного отряда, направлялись к пирамидам. В расстоянии каких-нибудь трехсот метров от них из песков пустыни подымалась каменная голова сфинкса гигантских размеров. Под грудами песка ясно обрисовывалось мощное туловище льва. Лицо все потрескалось, нос был отбит.

Большой сфинкс и пирамиды фараонов IV династии. Рисунок Денона.

— Абу-ль-хоуль, — вспомнил его арабское прозвище Жомар, один из участников экспедиции. Это имя означало «отец ужаса», «внушающий ужас».

«Лицо его покрыто красноватой краской, писал о нем когда-то один ученый араб, и эта краска сохранила всю свою свежесть. Изображение это необычайно прекрасно, на нем лежит отпечаток приветливой красоты».

Но ученые Наполеона не увидели его больше таким, как видели его когда-то арабы, завоеватели Египта. От крас-

ной раскраски остались только слабые следы, лицо было обезображено. Тысячелетия стоял он, и даже время, казалось, щадило его. Не пощадила рука человека: мамлюки, упражняясь в стрельбе, пользовались им, как мишенью.

Кого изображал этот огромный сфинкс, с его телом льва и головой человека? На голове его повязка, которую носили только фараоны, и, хотя имени его не сохранилось, надо думать, что это — изображение того же царя, который построил ближайшую к нему пирамиду, то есть Хефрена, наследника Хеопса.

Огромные размеры сфинкса, высеченного из целой скалы, и в наше время поражают путешественника изумлением перед тем, как искусно умели работать египетские скульпторы и каменщики. Как же сильно должно было быть впечатление арабов, видевших его еще совершенно целым. Начинаешь понимать прозвище, которое они ему дали — «внушающий ужас».

Подъезжая к пирамидам, Жомар делился со спутниками интересными описаниями их у арабских писателей, в разное время побывавших здесь.

...«Ход в большую пирамиду, писал один из них, до того полон летучими мышами, что своим пометом они почти заполнили его; летучие мыши здесь почти такой же величины, как голуби...» Об этих словах ученого араба вспомнили еще раз участники экспедиции, когда они спустились в узкий, мрачный туннель пирамиды Хеопса, когда их охватило невыносимое зловоние, и когда потревоженные летучие мыши стали стаями вспархивать и носиться, шелестя перепончатыми крыльями.

Другой арабский писатель, живший гораздо раньше, в IX веке нашей эры, рассказывал, что Мамун, сын халифа Харун-ар-Рашида, имя которого так часто упоминается в сказках «Тысяча и одной ночи», вступив во владение Египтом, что случилось в 813 году нашей эры, пожелал узнать, чтó находится внутри большой пирамиды. С великими тру-

дами разыскали и вскрыли вход в нее, — значит, до этого времени он не был еще известен.

— «Под верхушкой пирамиды, пишет ученый араб, нашли комнату. В ней стоял камень, выдолбленный внутри, в нем находилась каменная статуя, тоже полая внутри, в которой лежало тело человека. Грудь его была покрыта листом чистого золота, украшенным драгоценными камнями. На груди лежала рукоять меча, ценности необычайной, а на голове сверкал, как пламя, рубин, величиной с куриное яйцо.»

Рассказчик сам не видел этих чудес, он только слышал о них. Пылкая фантазия арабов — спутников халифа Мамуна сильно приукрасила, вероятно, действительность, потому что в наше время мы отлично знаем, что древние египтяне не знали еще таких драгоценных камней, как рубин. Но в остальном описание араба очень похоже на правду. — «Я сам видел статую, из которой вынули тело человека; она находилась около дворца халифа в Фостате (Каире)», пишет он. А спутники Наполеона нашли в склепе пирамиды и «выдолбленный внутри камень», огромный каменный гроб в форме ящика, почти в $2^1/_2$ метра длины, где когда-то покоилось тело фараона Хеопса.

В каких-нибудь двух часах пути от больших пирамид находилась группа других, гораздо меньших размеров. Одна из них поражала особенно своей странной формой и Шамполльона, и Лепсиуса, и Мариетта, основателя и первого директора Каирского музея. Кажется, будто рука какого-то великана, играя, нагромоздила друг на друга шесть каменных кубиков; самый большой внизу, на нем стоит второй поменьше, на втором — третий и так далее. Огромными ступенями подымаются эти каменные «кубики», образуя форму пирамиды. Когда-то вокруг нее выросло огромное кладбище. Веками хоронили здесь своих умерших жители города Мемфиса, стоявшего восточнее, в самой долине реки. Мариетт, ведя раскопки в разных местах Египта, особенно внимательно отнесся к этому некрополю, к этому

«городу мертвых» Саккара, как называют его по имени арабского села, расположенного неподалеку. «Этот город мертвых был прежде полон оживления, пишет Мариетт, он стоит среди песков, но мы и до сих пор видим места, где обтесывали камни для построек, где кололи жертвенный скот.»

Еще Шампольон приходил в ужас от того разрушения, которое он здесь застал. В поисках кладов все было перекопано,

Ступеньчатая пирамида фараона III-й династии Джосера.

разрыто, исковеркано. Немецкий ученый Лепсиус видел, как ежедневно вереницы ослов, груженных камнем древних построек, направлялись к сахароварням пашей, увозя надписи и изображения тысячелетней давности. Мариетт положил конец этому расхищению и повел осторожную и внимательную работу, раскапывая, описывая, собирая, обмеривая и зарисовывая памятники. А самое ценное он передавал в Каирский музей.

Могилы, найденные им здесь, оказались очень неодинаковыми по своему устройству.

В некоторых местах он находил простые песчаные ямы, точь в точь такие, как мы видели уже в Иераконполе. И скелеты умерших лежали в них также на боку, как в тех древнейших могилах. Но посуда глиняная, очень грубая, была сделана уже не просто от руки, а на гончарном станке, да и многие другие признаки говорили за то, что эти погребения — не такие древние, как те, о которых у нас речь шла раньше.

Трудно было, однако, разыскивать могилы этого вида: ни холмиком, ни каким-нибудь другим памятником они не были отмечены. А если и были насыпи, песчаные холмики, то давным-давно их разнесли и развеяли хамсины.

Странное дело: в одном из «городов мертвых», в другом месте, археологи нашли царскую могилу, а вокруг нее были расположены погребения царских охотничьих собак; каждое такое погребение было тщательно отмечено каменной доской с изображением погребенной здесь собаки. Каково же было при жизни положение тех людей, могилы которых в Саккара не удостоились даже такой памятной доски, которую заслужили царские собаки?

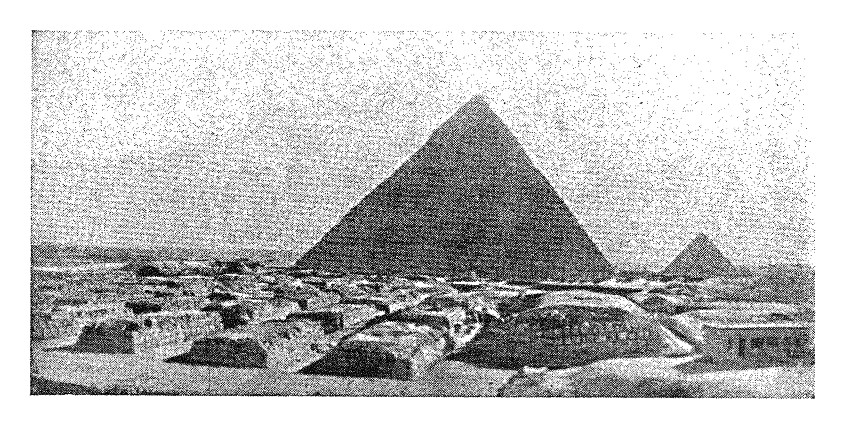
Совершенно иного вида были другие могилы, найденные Мариеттом здесь же. Начать с того, что место, где они находились, было всегда сразу заметно по тем надгробиям, которые над ним сооружались. Эти надгробия бывали иногда сложены из плохо обожженного кирпича или даже просто из кирпича-сырца, иногда они бывали из тесаного камня; некоторые были больше и выше, другие меньше и ниже, но план их оставался всегда один и тот же.

Представьте себе прямоугольную кладку, основание которой шире вершины, так что стороны ее не вертикально, а покато подымаются вверх. Если бы эти стороны продолжить, достроить выше, они сошлись бы между собой в одной точке, и у нас получилась бы форма удлиненной пирамиды. Но вершина этой пирамиды срезана, и крыша ее совершенно плоская.

Арабы в современном Египте устраивают у своих домов точь в точь такие же «скамейки», иногда покрывая их ков-

рами для особо почетных гостей. По восточному обычаю на них полагается сидеть, скрестив ноги. По имени этих «скамеек» и эта форма надгробия получила название «мастаба» — «скамейка».

Попробуем сделать разрез такой мастабы и посмотрим, как она выглядит внутри. Воспользуемся для этого одной из мастаб, найденных недавно у больших пирамид,— там их ведь и видел и описывал Лепсиус, а три из них он даже умудрился увезти с собой в Берлинский музей. Вверху

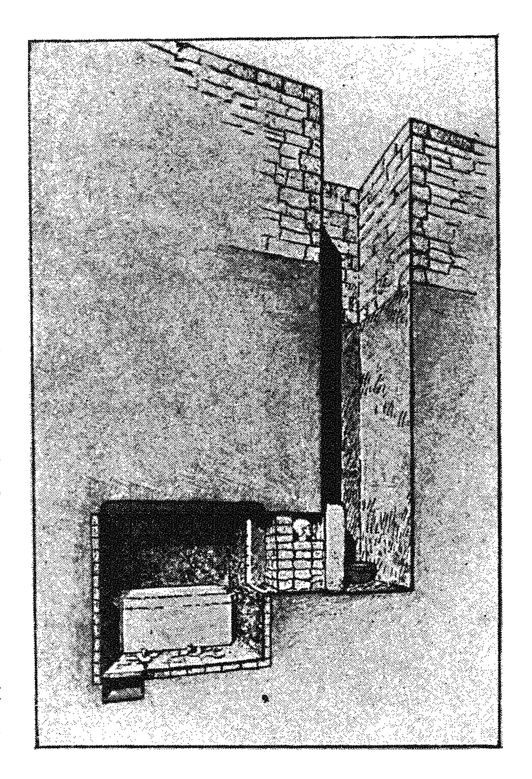

Мастабы вельмож вокруг одной из больших пирамид. По фотографии.

мастабы — отверстие. Вертикальная шахта прорезает каменную или кирпичную кладку надгробия и спускается глубоко под землю. Затем она поворачивает в горизонтальном направлении, образует недлинный коридор и кончается склепом, где должно лежать тело покойного.

Мы вернемся опять в этот склеп и подробно осмотрим его. Ведь наша цель теперь — заставить говорить вещи, заставить их рассказать нам кое-что о жизни Египта времени Древнего царства, то есть третьего тысячелетия до нашей эры. Подымемся на крышу мастабы. Какой просторный вид! И сколько мастаб вокруг! Все они, точно стадо овец, сбились в кучу вокруг пирамид.

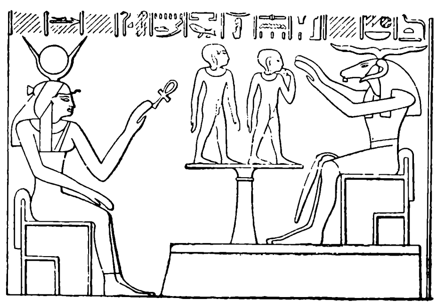
Спустимся вниз и обойдем нашу мастабу вокруг. С восточной стороны к ней сделана пристройка; высокая, сплошная ограда образует открытый сверху дворик. Со двора ведет дверь в комнату уже в самой мастабе. Иногда эта комната бывает отделена от двора не дверью, а двумя или четырьмя столбами, поддерживающими ее крышу; иногда в мастабе устраивается не одна комната, а несколько. Но во всех случаях самая задняя стена украшается каменной плитой в форме двери. За этой дверью проходит шахта в подземную часть гробницы, — там живет сам покойный. Странно современному человеку употреблять такое выражение: «покойный живет». Но ведь на примере древнейших могил мы уже видели, что в Египте на этой ступени развития человеческого общества существует поверье, будто человек и после смерти продолжает жить, если позаботиться о его пропитании. Могила и в Древнем царстве продолжает считаться домом. Покойный живет, ест, пьет, принимает даже гостей. А гости, родные умершего, собираются в комнате передней части мастабы, чтобы передать ему там свои дары, — эта ком-

Разрез мастабы.

ната является приемной. Перед глухой дверью на задней стене ставилась жертвенная доска. На нее клали хлеб, финики, мясо жертвенных животных, которых били здесь же, в «городе мертвых». На жертвенник лили молоко, пиво, вино, клали связки цветов и папируса. По сторонам жертвенника стояли обыкновенно на высоких подставках плошки с растительным маслом, в котором плавал фитиль. Когда становилось темно, можно было зажигать эти лампы.

Но где же сам хозяин этого «дома»? Тело его лежит в склепе, под мастабой. Никто никогда не видел, чтобы мертвые вставали, чтобы они ели, пили, выходили к своим посетителям. Но этого от них и не ожидают, хотя и делают вид, входя в мастабу, будто окликают покойного; недаром и самая жертва носила название «выход на голос».

Бараньеголовый бог Хнум лепит на гончарном станке фараона Аменхотепа III и его «двойника», его «Ка». Рельеф из Луксорского храма.

Спрашивается, зачем же тогда нужны были и жертвы эти и самая мастаба со всем ее сложным устройством, если умерший остается в своей гробнице? Ответ на это дают надписи и рисунки более поздних времен. На одном из них изображен фараон Аменхотеп III ребенком. Над головой его два царских картуша с его именами: «Неб-маат-Ра, Аменхотеп, владыка Фив». Над картушами его титулы: «бог благой, сын солнца», а за ребенком-фараоном стоит его точное подобие, его «двойник», на голове которого, на древке, укреплен странный значок ⊔⊔ то есть две поднятые кверху руки. Значок этот читается по-египетски «ка» и обозначает именно «двойника». Такого «двойника» имел не только каждый че-

ловек, но и каждое животное и каждый предмет. Этому «ка» была свойственна одна особенность: без тела оно не могло существовать. Как же быть, если тела в могиле истлевают, если от них остаются одни скелеты? Пробовали всеми способами предохранить их, покрывали лицо умершего слоем гипса, формовали этот гипс в виде маски покойного. Но самым верным средством казалось сделать просто портрет покойного, заменяющий его тело, статую, по возможности из очень твердого камня, чтобы «ка» могло жить вечно, как «вечен» этот камень. Статую эту иногда ставили в углублении глухой, ложной двери в стене мастабы. Казалось, будто и действительно умерший откликнулся на зов родных будто он, как приветливый хозяин, «выходит на голос» принять подарки живых.

Вскрывая мастабы, Мариетт много раз находил в них маленькие комнатки, устроенные как раз позади ложной двери. Феллахи, помогавшие ему копать, прозвали эти комнаты «сердаб» — «погреб». Очень часто он замечал, что из такого сердаба в комнату с жертвенником ведет узкая щель, сделанная очевидно нарочно. «Для чего эти щели? спрашивал он себя с недоумением, и для чего эти странные комнатки, без окон и дверей, наглухо заделанные?» Разгадка нашлась скоро. Обыкновенно сердабы бывали разрушены и пусты. Но вот однажды феллахи опять нашли такой «погреб», на этот раз не вскрытый грабителями. Расширили щель, заглянули в нее и с криком ужаса попятились назад. Из глубокого мрака сердаба на них смотрели живые блестящие глаза. Не скоро успокоились суеверные помощники Мариетта, не скоро согласились они разбирать дальше кладку стены. А когда она была наконец разобрана, перед Мариеттом появилась статуя всего в пол-метра вышины, но такой чудесной работы и такой сохранности, точно она вчера только что вышла из мастерской большого художника.

Статуя изображала писца, сидящего по восточному обычаю, скрестив ноги. На коленях его лежит папирус; левой рукой он развертывает длинный свиток, в правой у него —

тростниковое перо. Писец приготовился писать под диктовку, глаза устремлены внимательно вперед, тонкие губы слегка улыбаются. Он — не новичок в своем деле, судя по тому как ловко он сидит в позе, привычной для писца, и по тому, что он уже не очень молод. Тело и скуластое лицо выкрашены в темный, красноватый цвет загорелой кожи, черные волосы коротко острижены, глаза искрятся и блестят, так что все лицо кажется живым. Египетский скульптор сделал белок глаза из алебастра и вложил в него зрачок из черного камня и прозрачного горного хрусталя. Кто такой этот писец? Уже наверно очень зажиточный человек, раз мог позаботиться соорудить для себя мастабу и заказать свою портретную статую да еще такой отличной работы. «Должность писца — великая должность, письменный прибор его и свиток папируса его доставляют ему блага и богатство», говорит один египетский папирус. И достаточно было прочитать некоторые надписи на самых больших гробницах в Саккара и в Гизе, чтобы понять, что папирус этот говорит правду, и что не только «блага и богатство» приносит должность писца, но и высокое общественное положение. Многие из похороненных в мастабах людей носят громкие титулы «царских знакомцев» и т. п., но вместе с тем они именуются часто и «царскими писцами». Это звание стоит всегда на первом месте, а затем идут уже другие звания и титулы. Верно каждый такой знатный чиновник начинал службу с должности писца и лишь постепенно подымался по службе выше.

Конечно, наряду с такими знатными писцами было много и таких, которые оставались навсегда в подчиненном положении, хотя им все-таки жилось, верно, лучше, чем многим их современникам. Недаром же говорится в одном папирусе более позднего времени, что «писец руководит работами всех людей», что он повелевает, а другие подчиняются ему.

В другом сердабе Мариетт нашел деревянную статую полного пожилого человека, стоящего, опираясь на посох. Она немного растрескалась от времени, от раскраски сохранились лишь слабые следы, но глаза ее блестят таким же ярким,

живым блеском, круглое, полное лицо выражает полное довольство спокойной, легкой улыбкой. — «Наш староста! Шейх нашего села, шейх-эль-белед!» говорили, смеясь, феллахи, нашедшие эту статую.

И действительно, шейх местечка Саккара был как две капли воды похож на своего земляка, жившего почти за пять тысяч лет до него. Так и сохранилось за этой статуей название «шейх-эль-белед», хотя она изображает не скромного деревенского старосту, но знатного египетского вельможу, по имени Каапер.

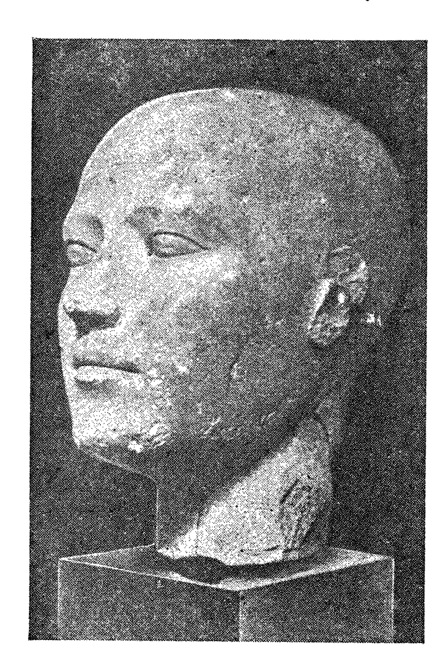

«Деревенский староста» (статуя вельможи Каапера). Дерево. Хранится в Каирском музее.

Итак, тайна сердабов была разгадана. Они служили для хранения портретных статуй, заменявших собою тело покойного на тот случай, что оно не сохранится.

Совсем недавно археологи сделали еще любопытное открытие: в некоторых мастабах сердаб устраивался на дне шахты, рядом с погребальным склепом. В этой крошечной комнатке ставилась не целая статуя, а только портретная голова покойного. Двойник ведь мог уходить из могилы и возвращаться в нее, но ему надо было каждый раз знать, что это действительно его мастаба, что он, так сказать, не ошибся адресом. Для этого важно было, во-первых, над входной дверью мастабы выписать его имя, перечислить его должности и для этого же надо было поставить в сердабе хотя бы его портретную голову, потому что ведь узнаем мы человека обычно главным образом по лицу, а не по его телу.

Шахту засыпали щебнем и песком. После того, как тело бывало положено в склеп, отверстие на крыше заравнивали и надеялись, что никто не тронет могилы, и что покойный, вернее его «двойник», будет веки-вечные, — пока, конечно, цело его тело или его статуя, — жить и наслаждаться всеми «благами и богатствами», которые давали ему его высокое положение в обществе и его важные должности на службе фараона.

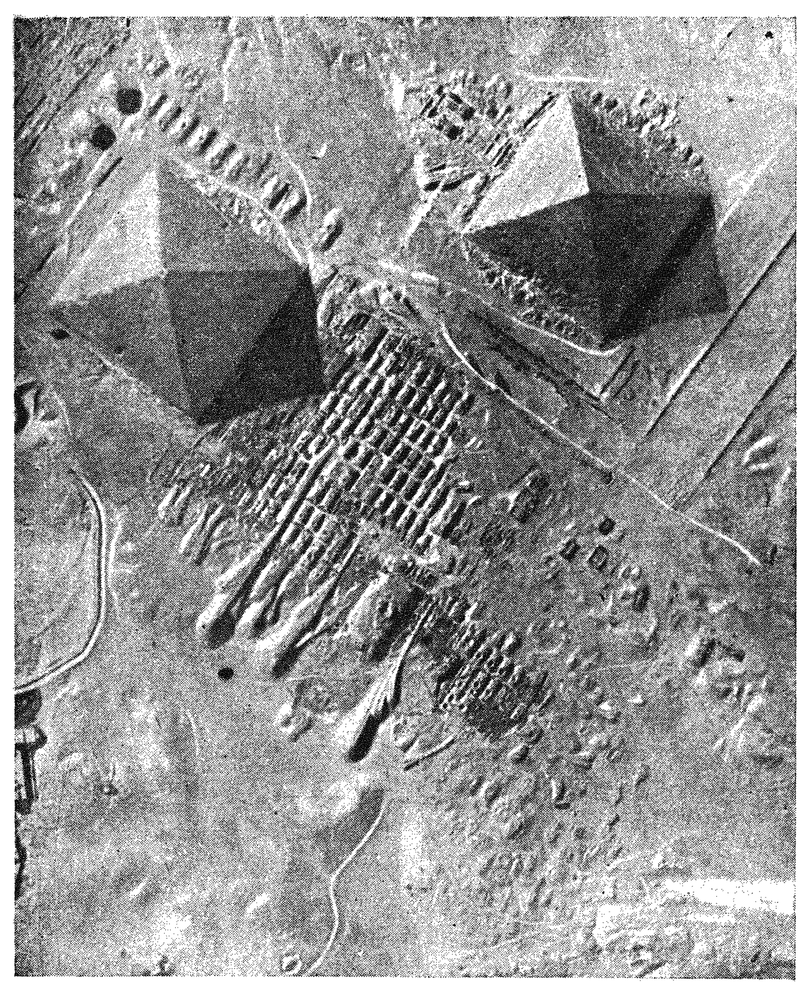

Портретная голова Древнего царства. Раскрашенный известняк.

Изучение города мертвых, «некрополя», дало нам опять целую картину того, как было обставлено погребение в Египте в третьем тысячелетии до нашей эры. И опять мы видим, как глубоко в это время было неравенство в египетском обществе. С одной стороны бедные могилы, не сохранившие даже имени тех, кто здесь был погребен, с другой стороны — мастабы важных чиновников, писцов, «царских знакомцев», «надзирателей царских амбаров» и т. п.

Обследование мастабы Ти, одного из знатнейших вельмож Древнего царства. Рельефы и надписи.

Мы поднимались уже на крышу мастабы. Поднимемся теперь еще выше, воспользуемся тем, что современная техника дала нам возможность взглянуть на большие пирамиды и их окрестности с самолета. Вот они под нами, точно огромные кристаллы каменной соли. Правильными рядами расположены около них какие-то постройки, точно бесчислен-

Пирамиды и некрополь в Гизе. Аэроснимок.

ные гряды какого-то огорода, разделенные бороздами. Сверху каждая грядка точно проткнута булавкой. Это — мастабы, «город мертвых», «вечные» дома царских вельмож IV династии, а крошечные дырочки сверху — погребальные

шахты. В центре некрополя стоит пирамида, — так же, как при жизни фараона его дворец стоял среди жилищ живых; несколько отступя от большой пирамиды, стоят маленькие пирамиды царских жен и детей, а дальше, правильными рядами, разделенные улицами и переулками, теснятся мастабы.

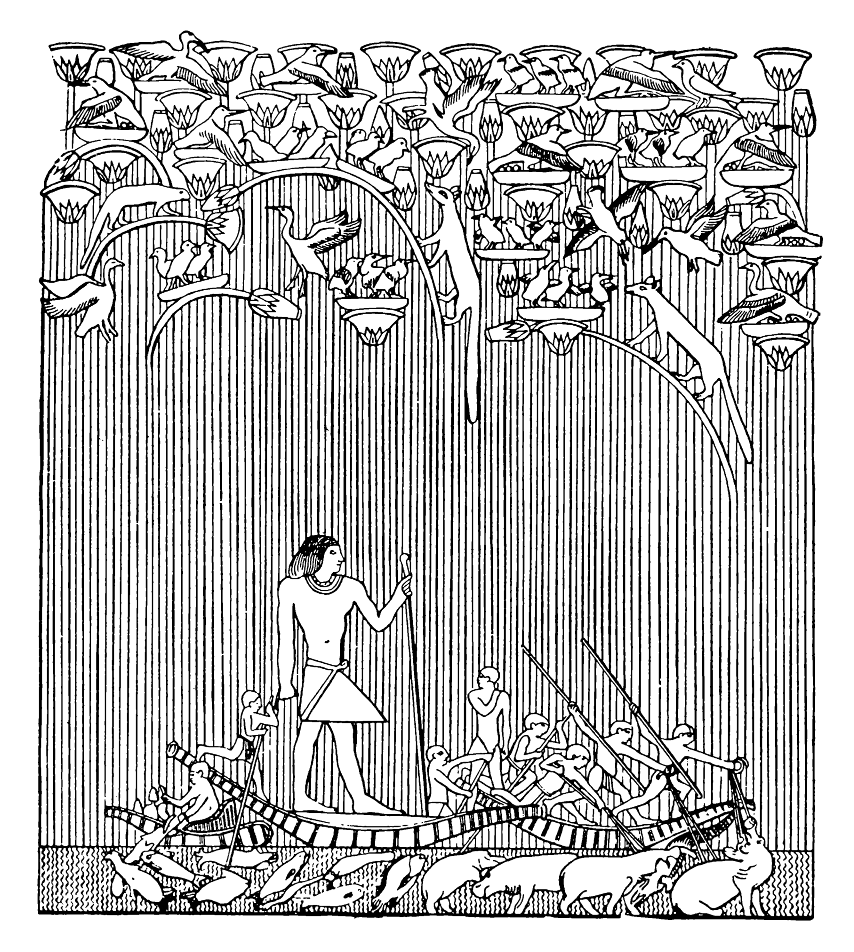
Пронесемся на нашем самолете обратно в Саккара. Посмотрим с высоты птичьего полета на «город мертвых», где копал Мариетт, и где до сих пор стоит его дом, построенный им здесь, чтобы жить поближе к раскопкам. Спустимся опять к нашим мастабам и опять заглянем в них, — мы ведь не успели еще осмотреть хорошенько их стен внутри. Выберем для нашей цели одну из самых больших.

Потолок глубокой входной ниши поддерживают два прямоугольных столба. На столбах этих египетский художник вырезал рельефом на камне фигуру хозяина этой гробницы, его имя и титулы.

«Главный начальник строительных работ фараона, надзиратель пирамид фараонов Нефер-ир-ка-ра и Ни-усер-ра, Ти», гласит иероглифическая надпись у входа.

Покойный Ти был очень важным лицом. Немудрено, что и мастаба его так обширна, что, кроме подземного склепа и сердаба, в ней есть еще ряд помещений. Они пусты в наше время, так как в поисках кладов их давным давно вскрыли и ограбили. Но осмотреть их внимательно стоит, потому что все стены покрыты изображениями, вырезанными на камне. При входе они немного попорчены, стерты, но зато в глубине комнат и коридоров они сохранились отлично. Кажется, что еще вчера только их раскрасила рука художника, — так ярки и свежи местами краски.

Древние мастера постарались эти изображения сделать как можно прочнее. Поэтому они их не рисовали просто на каменной стене, а высекали плоским рельефом, как такую технику называют скульпторы. Легче всего мы себе эту технику представим, если попробуем вырезать из толстого картона какие-нибудь изображения, наклеим их на бумагу

Вельможа Ти катается в зарослях папируса.

и раскрасим: наши изображения будут слегка возвышаться над фоном, но на-ощупь они будут не выпуклые, а плоские.

Много раз на стенах гробницы повторяется изображение самого Ти.

Вот он стоит в лодке, сделанной из связок папируса. [11] В таких лодочках-плоскодонках удобно плавать по болотам и заводям Нила. Лодка тихо скользит между стеблей па-

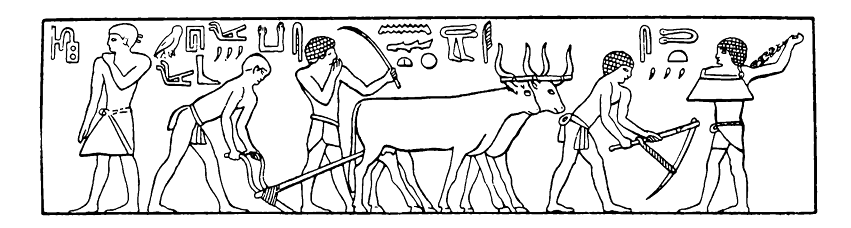
папируса. Ти стоит важно и торжественно, опираясь на свой высокий посох. Как странно он изображен! Лицо видно в профиль, а глаз на этом лице поставлен так, будто бы он был виден спереди; плечи изображены тоже спереди, нижняя часть тела — в три четверти, а ноги — опять в профиль.

Лодка скользит в камышах. Так и кажется, как она то скрывается в зеленых стеблях, то выплывает, шурша ими, на простор. Но как странно изобразил опять египетский художник камыши; они стоят стеной позади фигуры Ти, ровные, прямые, как натянутая проволока, негнущиеся, неподвижные и торжественные, как фигура самого Ти. Камыши служат только фоном для фигуры знатного вельможи. Она должна быть вся на виду, ее нельзя ничем заслонить; надо, чтобы все в ней было четко, ясно и понятно, чтобы были видны сразу обе ноги, обе руки. Изображение на стене высекается для той же цели, для которой делали портретную статую: оно заменяет тело человека, оно дает возможность двойнику Ти, его «ка» пользоваться и после смерти всем тем, что ему нарисуют на стене.

Ти стоит в лодке неподвижно. Зато вверху и внизу кипит жизнь. В пышных метелках папируса порхают и гнездятся птицы, мелкие хищники, хорьки и ихневмоны подкрадываются к гнездам.

Позади Ти, на корме его лодки, стоит рулевой, отпихиваясь изо всей силы шестом. Перед лодкой Ти плывет другая, битком набитая людьми; одни гребут, отпихиваясь шестами, другие бьют длинными копьями гиппопотамов и пытаются вытащить их из воды арканами. Опасная охота, и мы видим, как спутники Ти напрягают все силы, чтобы не упустить добычу, чтобы не перевернуть лодку В другом месте мы опять видим Ти, на этот раз рядом с его женой. Он наблюдает за сельскохозяйственными работами, такой же торжественный и спокойный. Земледельцы взрыхляют мотыгой землю, разбивая тяжелые комья, волы тянут плуг, сеятель бросает зерна в мокрую, черную землю, с которой едва сбежали воды разлива. Пастухи, щелкая бичами, гонят стадо

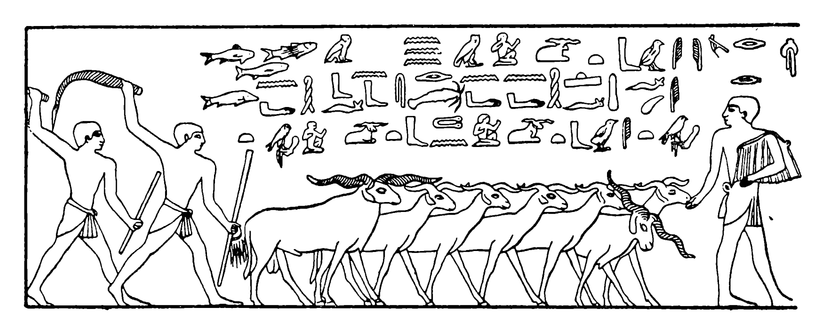
овец; семенят ножками овцы по мокрой земле, втаптывая зерно. После разлива реки всюду по берегам остаются большие лужи, — в них плещется рыба, не успевшая уйти в реку; пастух шлепает босыми ногами по воде, разогретой жарким,

Земледельцы работают на полях Ти.

южным солнцем, размахивает бичом, покрикивает на свое стадо или затягивает песню, смеясь над самим собой:

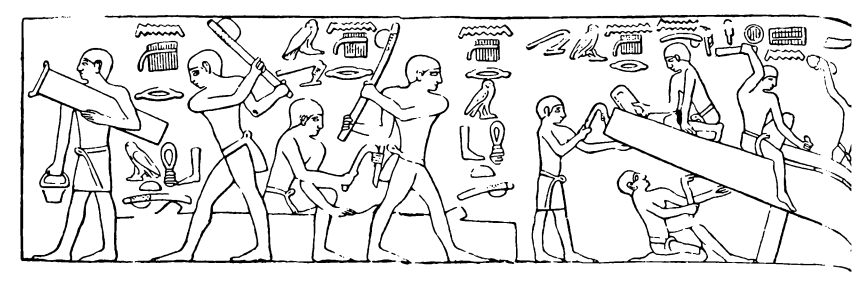
«Пастух ваш в воде, овцы, среди рыб. Разговаривает он с сомом, здоровается со щукой, в воде ваш пастух.»

Пастухи гонят овец по засеянному полю.

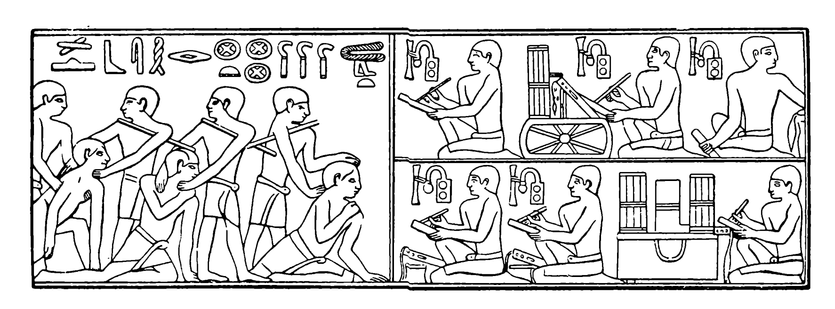
Что пастух поет именно эти слова, мы знаем точно: над изображением высечено несколько строчек иероглифов; прочесть их нетрудно.

А вот и сцена жатвы, а дальше снопы увозят с поля, нагрузив их на ослов: на току их обмолачивают быки, которых гонят вкруговую, чтобы они вытоптали зерно; женщины, обвязав голову платком, веют зерно.

Плотники и столяры

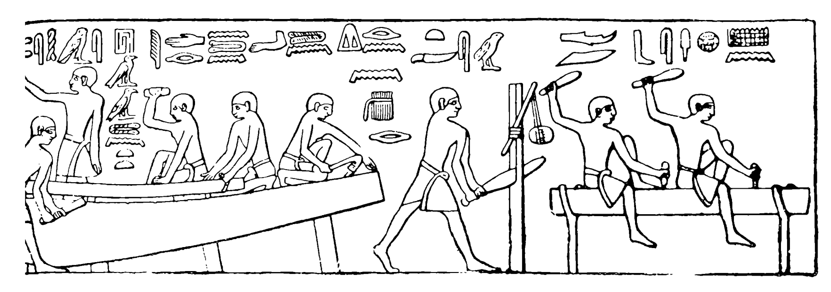
Дальше мы видим работу в мастерских: плотники топорами и теслами обтесывают древесные стволы, распиливают бревна на доски; столяры мастерят мебель для Ти; для него строят суда, для него бегут большие ладьи по Нилу, надув паруса под северным ветром. На птичьем дворе от-

Сведение счета с деревенскими старостами.

кармливают журавлей и гусей; жарят, варят и пекут на кухне. Вереницы женщин несут ему битую и живую домашнюю птицу, корзины плодов и овощей, свертки домашнего холста.

А вот еще любопытная сцена: несколько человек, одетых в белые набедренные повязки, волокут каких-то людей за шею, за плечо. Люди эти почтительно согнули спину и руками касаются земли, а передний скрестил руки на груди и едва осмеливается поднять голову. У того человека, который его тащит, в руке — палка. Позади идет писец, который

за работой.

уже начал что-то записывать. «Сведение счета с деревенскими старостами» — гласит иероглифическая надпись.

Нам эта сцена отлично памятна. Бельцони картинно описал такое же избиение несчастного шейха, старосты Курны, фиванским наместником. Одинаково плохо жилось, очевидно, египетскому земледельцу и при фараонах, и при мамлюках, и при турецких пашах.

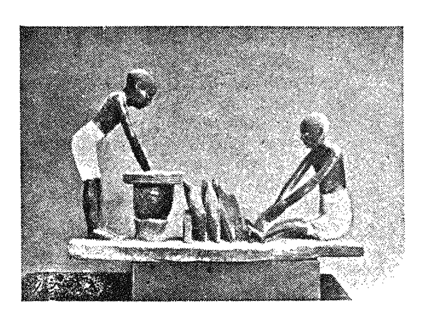
Фигура Ти изображена всюду одинаково. Всюду он или стоит, опираясь на посох, выдвинув одну ногу вперед, или так же спокойно и торжественно сидит, наблюдая за работами в поле, или в мастерских, охотясь, или смотря, как перед ним и его женой плавно выступают танцоры, в такт хлопая в ладоши.

Смотришь на картины труда, развертывающиеся перед Ти, и кажется, будто слышишь визг медной пилы, стук топора, мычанье стад, восклицания, песни, шум шагов.

Мы осмотрели только одну мастабу. Мы могли бы заглянуть во многие другие и всюду увидели бы те же картины труда, живые, яркие. Всюду увидели бы мы торжественные, спокойные фигуры знатных владельцев мастаб, надзирающих за этими работами. Им не подобает суетиться, за них должны работать другие, вот те самые люди, в безымянные могилы которых мы уже заглядывали. Художники изображают владельцев мастаб во много раз больше, чем тех, кто на них работает. Мы знаем уже, почему это так: в этом обществе нет равенства. Работает на земле земледелец, а владеют ею

фараон и те знатные и чиновные люди, которые управляют страной от имени фараона, «сына солнца, бога благого».

«Рахотеп, родной сын царя», и его жена «царская знакомица Неферт», Хемон, родной сын Хеопса, «Ранофер, верховный жрец Мемфиса», и, вероятно, тоже ближайший царский родственник, дети, внуки, племянники фараонов, ближайшие их родственники, — вот кто владел землею, кто управлял ею, кто надзирал за работами, кто носил громкие звания «начальников царских житниц», «начальников всех строительных работ», казначеев, верховных жрецов и т. п.

Пивовары. Группа деревянных статуэток. Хранится в Каирском музее. По фотографии.

На стенах мастаб египетские художники высекали и яркими красками раскрашивали сцены посева, жатвы, мастерские ремесленников; в сердабах, рядом с великолепными статуями вельмож, сохранились деревянные фигурки слуг. поваров, пивоваров, земледельцев с мотыгой в руках. Как звали этих людей — мы не знаем. Громких титулов они не носили. Но их руками созданы были плотины и оросительные каналы, они работали на полях, они своим трудом создали все благосостояние страны. Их руками были построены мастабы и пирамиды, высечены статуи и рельефы. И в этих рельефах, как бы на вечные времена, они запечатлевали свою собственную горькую долю подневольных слуг фараонов и их приближенных.

Не было равенства в египетском обществе, и таким привычным казался этот порядок, что даже и после смерти двойник — «ка» вельможи должен был кататься по Нилу, охотиться, получать подати и дары от подчиненного населения, а «ка» земледельца был осужден на вековечную работу.

Как из мастабы возникла пирамида. Строитель первой пирамиды Имхотеп. Пирамиды IV и V династий. «Тексты пирамид».

Но как бы ни было высоко положение какого-нибудь Ти или Рахотепа в египетском обществе, неизмеримо выше его стоял сам фараон. Ведь на палетке Нармера он вдвое больше везиря, а ведь везирь — ближайший к нему и знатнейший из вельмож. Надо было, чтобы и в «городе мертвых» могила фараона была отмечена среди остальных. Его мастаба выделяется размерами, в ширину и в длину она занимает огромное пространство, целые анфилады кладовых устроены в ней для хранения припасов. Чем выше растет значение фараона, тем больше увеличивают размеры мастабы, пока волей-неволей не пришлось остановиться, — мастабы таких размеров перестали производить впечатление, они были чересчур низки, хотя и занимали большое место. Вот тогда, верно, и пришла египетским строителям в голову простая и гениальная мысль: если нельзя больше строить в длину и в ширину, попробуем строить в вышину. И вот строят мастабу гораздо выше прежних. А чтобы бока ее не осыпались, вокруг нее делают прочную кладку, которая точно обвертывает мастабу кругом, не доходя до ее вершины, вокруг первой кладки идет второй ряд, еще ниже — третий, четвертый и пятый, понижаясь огромными ступенями. Таким образом возникла древнейшая ступенчатая пирамида, до сих пор возвышающаяся своими шестью уступами над «городом мертвых» в Саккара.

Имя фараона, для которого она была воздвигнута, мы знали давно, — его звали Джосер, фараон III династии. А совсем недавно мы узнали и кто был строителем этой пирамиды и того великолепного здания, которое в третьем тысячелетии до нашей эры стояло перед ней. Архитектора звали Имхотеп. Джосер был, очевидно, так доволен изобретением своего строителя, что позволил ему поставить свою статую в своем собственном храме перед пирамидой. Она не сохранилась, — археологи нашли только обломки ее с надписью,

содержавшей имя Имхотепа. Но память о нем жила в Египте долго. Он был, вероятно, очень ученым человеком для своего времени. Ведь без знания математики, без знакомства с механикой не построишь ни такой пирамиды, ни такого храма, как тот, который стоял около нее, и который в наше время археологи откапывают из-под песка.

Начиная с царствования Джосера, фараоны свои надгробия стали строить в форме пирамид; только им стали придавать все более правильную форму, пока при Хеопсе не была, наконец, воздвигнута та каменная громада, которую мы знаем уже так хорошо.

Вернемся к ней. Зелеными полями, финиковыми рощами пролегает наша дорога. И вдруг, совершенно внезапно, без перехода, кончается полоса зелени, и мы вступаем в царство песков и камня. Хорошо еще, если день безветренный, а то песчаная пыль отравит путешественнику существование. Солнце немилосердно жжет. От каждого камня, от светлых песков пустыни оно отражается нестерпимым белым сиянием, так что осторожный турист поторопится одеть дымчатые очки, чтобы поберечь глаза. Иногда мимо нас быстро пронесется автомобиль с какой-нибудь экскурсией, вздымая тучи пыли. Обычно же дорога пустынна и мертва.

Перенесемся опять мысленно во времена фараонов.

«Город мертвых» вокруг больших пирамид кипел тогда таким же оживлением, как и Саккара. По дороге от берега Нила гнали стада жертвенных животных, шли отряды каменщиков под начальством своих десятников, родственники похороненных в некрополе людей несли корзины даров, связки белых и голубых лотосов, пучки папируса. Во время разлива вся долина, вплоть до той черты, где пустыня начинает заметно повышаться к западу, бывала затоплена. Тогда приходилось плыть в лодке. Теперь же дорога вьется цветущими рощами и полями. Прохожие почтительно расступаются, когда мимо них быстрой трусцой проходит пара ослов, на спинах которых в носилках покачивается какой-нибудь важный, пожилой «царский писец». В руке он дер-

жит знак своей высокой должности — печать с царским именем, которой он запечатывает деловые документы. Бритая голова его прикрыта от солнца париком, к подбородку он подвязал приставную бородку, заложив за уши ремешки,— бороду в Египте ведь тоже полагается брить. Спереди и сзади бегут слуги, вооруженные палками, чтобы подгонять ослов и расчищать место в толпе. Слуга, идущий сзади, обмахивает седока пучком перьев, отгоняя мух, навевая на него прохладу и защищая его от солнца.

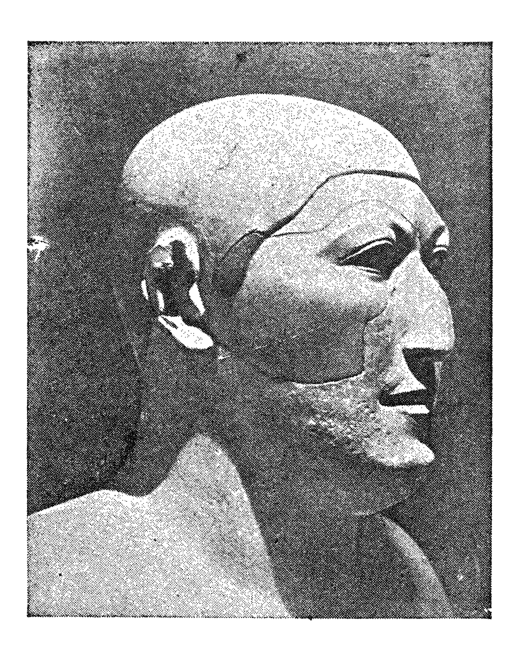
Издали доносятся пение и мерный, дробный топот босых ног. Каменщики, носильщики, пешеходы бросаются в стороны, низко склоняясь перед тем, кого в паланкине несут на плечах восемь темнокожих нубийцев. Они мерно, но быстро шагают в такт своей песне:

«О, как довольны носильщики! Приятнее им эти носилки полными, чем пустыми!» поют они, а у самих градом льет пот с темных, утомленных лиц. Ноша не легка: паланкин, хоть и деревянный, украшен обильно слоновой костью, оковки — золотые. Еще с прошлого похода в Нубию военачальники фараона привезли громадную добычу: слоновые клыки, золотой песок в кожаных мешках, тюки пушистых страусовых перьев. Маленькому сыну фараона они привезли редкий подарок — карлика, пойманного, по словам нубийцев, далеко в непроходимых чащах лесов, где живут целые племена их. Пригнали толпы пленных. «Секер-анх» называют их — «убитые-живые». Прежде ни одного из военнопленных не оставляли в живых, чересчур дорого обходилось кормить их. Так и называли их тогда «секер» — «убитые». А с тех пор, как проложили новые каналы, как стали запахивать столько земли в больших хозяйствах вельмож, труд пленных понадобился; их стали оставлять в живых, чтобы ставить на самые тяжелые работы. С тех пор их и стали называть «секер-анх» — «убитые-живые» или «те, кого полагалось бы убить, но которых оставили в живых».

В паланкине под навесом сидит полный, пожилой человек, с резким профилем и самодовольным выражением лица.

Хемон, сын фараона Хуфу, направляется в некрополь посмотреть, как подвигаются работы в его великолепной мастабе, а заодно взглянуть на новую пирамиду, которую строят на самой границе пустыни, у рощи финиковых пальм.

Неподвижный и торжественный восседает Хемон на плечах своих носильщиков, отрывистыми восклицаниями подгоняя их.

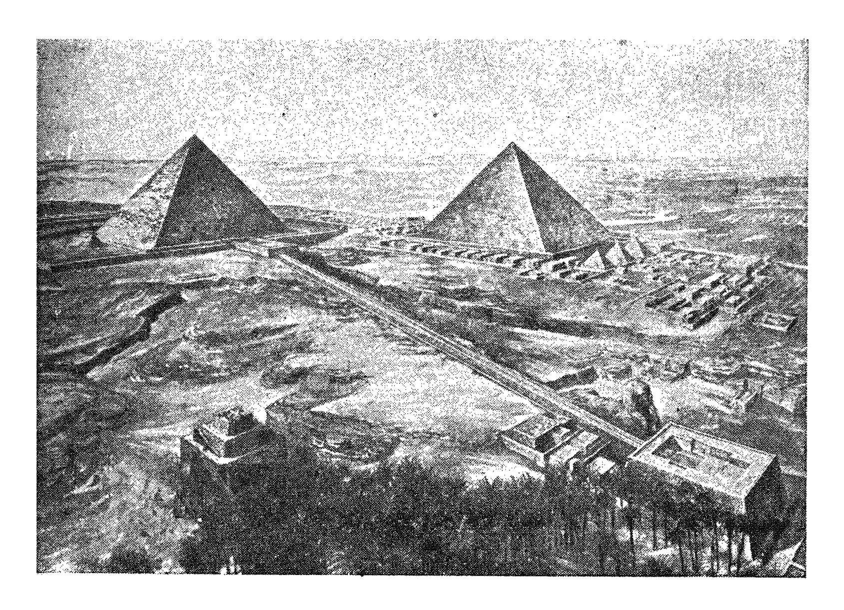

Хемон, сын фараона Хеопса. Раскрашенный известняк. Хранится в Хильдесхейме (Германия).

Осмотрены и новая пирамида и мастаба неподалеку от нее. Надсмотрщики доложили подробно, сколько человек у них на работе, сколько выбыло по болезни, сколько человек несчастных «секеранх» нужно еще пригнать. Можно и возвращаться, полюбовавшись сперва на то, как великолепно выглядит огромный сфинкс с лицом Хефрена, высеченный из целой скалы. Его львиное тело — длиною почти в 60 футов, а между огромными лапами стоит небольшой храмик.

Солнце немилосердно жжет, и Хемон решает заглянуть в постройку у финиковой рощи, от которой начинается дорога к пирамиде Хефрена. Едва переводя дух от усталости, опускают носильщики паланкин у порога, и Хемон входит в прохладную, просторную залу. Огромные прямоугольные столбы из розового гранита поддерживают плоскую

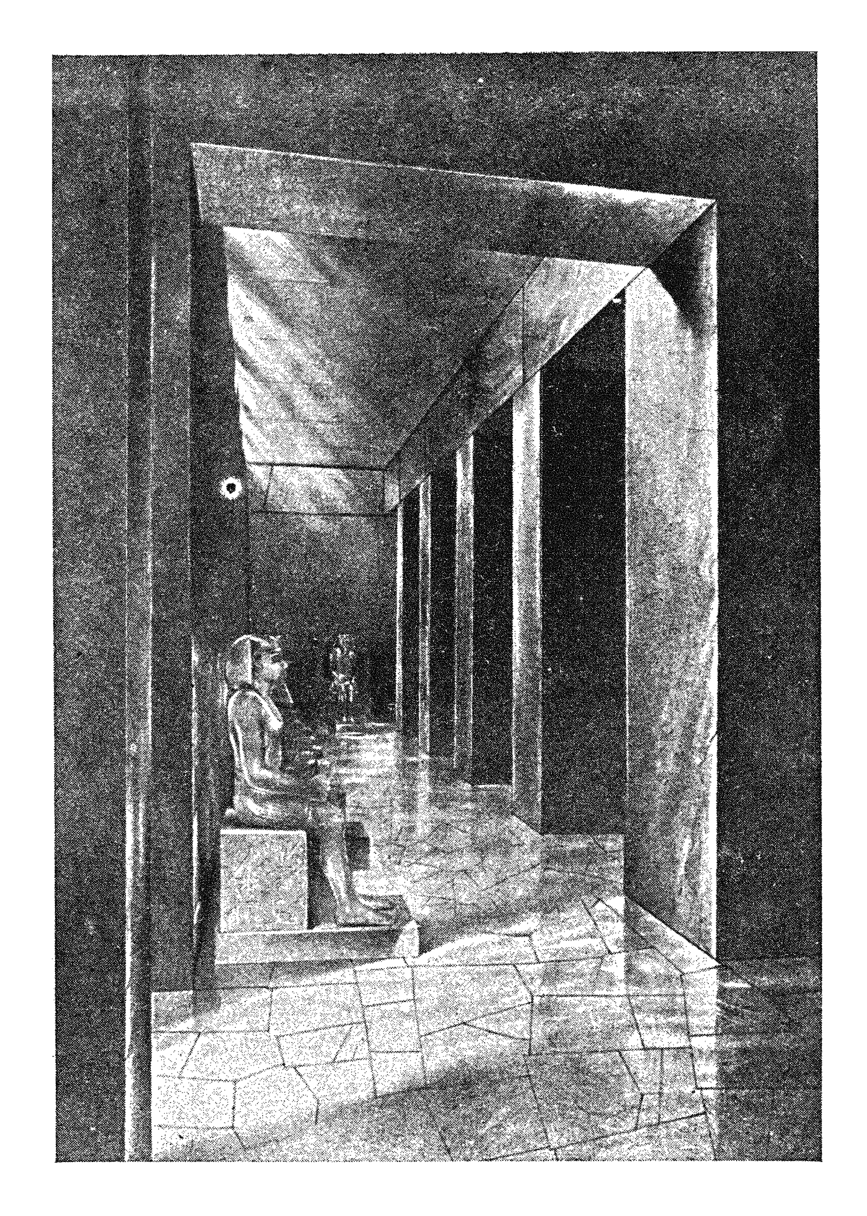
крышу. Гранитные стены гладко отполированы, пол вымощен плитами белого и черного камня. Через небольшие отверстия в верхней части массивных стен проникает дневной свет. Солнечные лучи отражаются от розовых гранитных стен, розовые отблески играют на полированных плитах пола и на темных статуях самого фараона Хефрена, стоящих по стенам.

Пирамиды Хеопса и Хефрена в древности. Реконструкция.

Это строение — такая же приемная зала, как ниша у мастабы. Потому-то здесь и стоят портретные статуи хозяина гробницы — фараона.

В мастабе за нишей сразу идут внутренние комнаты, а за ними шахта погребального склепа. В гробнице фараона иное устройство: приемная зала, заменяющая нишу, стоит чуть ли ни на полкилометра отступя от пирамиды. Не каждый посетитель ведь имеет право подойти к пирамиде, к этому «вечному горизонту», за который «зашел» фараон,

Приемная зала пирамиды Хефрена с его портретными статуями. Реконструкция.

подобно солнцу, закатывающемуся на западе, — про фараона не полагалось говорить, что он «умер», — его ведь считали «сыном солнца».

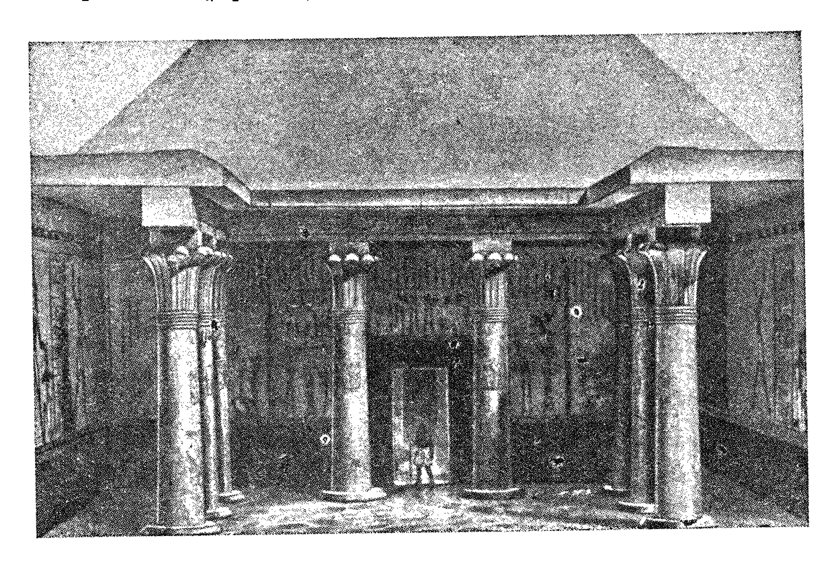
От приемной залы к пирамиде ведет длинный крытый коридор. Пол его тоже вымощен полированным камнем и блестит, как зеркало, там, где лучи солнца, проникая сквозь отдушины потолка, играют на гладких плитах. В день погребения фараона по этому крытому ходу повезут его тяжелый саркофаг, поставленный на полозья.

Хемон осматривает статуи фараона, недавно поставленные в приемной зале. Они должны заменять тело умершего фараона, если оно не сохранится. Египетский вельможа с удовлетворением вспоминает, однако, что придворные бальзамировщики недавно придумали новый способ так обрабатывать тела умерших, чтобы они могли сохраняться бесконечно долго. Они вынимают внутренности, кладут тело в какие-то растворы, а потом завертывают его бинтами. Этот способ доступен только фараонам и очень знатным людям, — остальных хоронят так же, как делали это в старину.

Длинные крытые коридоры вели через пески пустыни к пирамидам фараонов не только в Гизе, но и в других местах. Давно развалились и пирамиды и их коридоры, полированные каменные плиты были разобраны с течением времени на другие постройки, и археологи могут теперь представить себе, как в древности выглядели эти гигантские сооружения только по остаткам их.

Лучше всего сохранились пристройки не в Гизе, у больших пирамид, а немного южнее в Абусире, на половине пути к городу мертвых в Саккара. Здесь были выстроены пирамиды фараонов V династии. Они не такие высокие, как пирамиды Хеопса, Хефрена и Микерина, — самая высокая из них имела всего около пятидесяти метров в вышину, — но ученым удалось по развалинам их восстановить точно их общий вид в древности. Благодаря этой работе мы сможем на Абусирских пирамидах осмотреть внимательно то, что нам осталось неясно в пирамиде Хефрена.

Войдем в коридор одной из Абусирских пирамид. Дорога, мощеная и здесь, как в коридоре Хефрена, полированным камнем, идет вверх. Слабый свет проникает через отдушины на потолке. Прохлада и полумрак, — ни пыль, ни палящий зной не страшны здесь. Иногда солнечный луч, скользнув по стене, осветит ярко высеченную в камне фигуру льва или грифона, [12] терзающего поверженного человека; это — изображение фараона, завоевателя и победителя.

Колонная зала пирамиды фараона Сахура. На заднем плане его — пирамида. Реконструкция.

Коридор кончается. Глаз, привыкший к полумраку, снова видит над собой яркосинее небо. И в этом небе, сияя желтоватой белизной, вздымается огромным треугольником вершина пирамиды, облицованной плитами дорогого, светлого камня.

Мы из коридора вступили в залу, необычайно богато отделанную. Вся средняя часть ее открыта, потолка нет, так что свет проникает свободно через это отверстие, придавая еще больше красоты убранству залы. Пол вымощен пли-

тами черного базальта. Кругом открытой части залы идет галерея, потолок которой поддерживают колонны из темного, красноватого гранита. Точно стройные стволы финиковых пальм подымаются они вверх, гладкие, полированные. Наверху стволы колонн увенчаны пышным букетом зеленых листьев. Так искусно передал скульптор всю гибкость перистых ветвей, что минутами удивляешься, как они выдерживают огромную тяжесть гранитных архитравов. Стены галереи точно пестрыми коврами затянуты: кругом всей залы идут изображения, высеченные в камне и раскрашенные яркими красками по белому фону. Без конца повторяется одна и та же сцена: фараон избивает поверженных врагов. Ливийцы, азиаты, нубийцы, негры падают под его ударами. Вереницами ведут связанных военнопленных, гонят стада, тащат добычу; военные суда победоносного фараона возвращаются из плавания к берегам Сирии, груженые дорогими ливанскими кедрами, связанными рабами, огромными кувшинами с оливковым маслом, которым так богата Палестина, поводыри на цепях ведут редкую добычу — медведей, пойманных в горных странах.

Когда, в дни праздников в память умершего фараона, процессия направляется к пирамиде его, часть ее остается в долине, в приемной зале, откуда начинается коридор. Другая часть — более знатные люди — имеет право войти в залу с колоннами. Здесь они остаются ожидать конца жертвоприношения, потому что только ближайшие родственники покойного фараона имеют право входа во внутреннее помещение. Пройдем и мы за ними.

В небольшой полутемной комнате, напротив выхода из коридора, устроены в стене пять ниш для портретных статуй фараона пять носителей его «ка».

Кроме своего личного имени, каждый фараон, вступая на трон, получал еще четыре других имен. И перед каждым именем ставился особый титул. Фараон носит титулы: 1) бога-сокола — Гора, 2) носителя гербов Верхнего и Нижнего Египта, коршуна — Нехебт и змеи — Буто, 3) Гора, победителя бога

Сета, 4) царя Верхнего и Нижнего Египта, 5) сына бога Ра, то есть солнца. Для каждого титула, для каждого имени нужна особая статуя. Фараон, не в пример прочим египтянам, своим подданным, имеет много «ка», много двойников.

Через маленькую боковую дверку ближайшие родственники покойного могут пройти еще в другие помещения, примыкающие уже к самой пирамиде. В основание ее, как раз с восточной стороны вделана каменная плита в форме ложной двери, совершенно так же, как в мастабах. На двери красуется имя покойного, глубоко врезанное в камень иероглифами и позолоченное. А в склепе пирамиды, в великолепном каменном саркофаге, высеченном из целого каменного блока, лежит мумия фараона. Она завернута в бесчисленные бинты, лицо ее прикрыто портретной маской, сделанной из многих слоев холста, проклеенного, покрытого слоем белой гипсовой обмазки, раскрашенной и местами позолоченной. Фараон лежит на левом боку, так же как лежат в своих песчаных ямах ремесленники, каменщики, строители, скульпторы, художники, которые устроили и разукрасили эту великолепную гробницу. Но мумия фараона лежит, вытянувшись во весь рост, а бедняков хоронят по-старинному, в скорченном положении, в позе спящего человека. Голова фараона покоится на подставочке, выложенной мягкой подушечкой, а трупы бедняков попрежнему лежат на грубых цыновках и прикрыты цыновками же.

Кроме близких родных, во внутренние помещения имеют право входить также и жрецы. Ведь фараон и при жизни считался богом, «золотым Гором», соколом, птицей солнца. После смерти, когда он, подобно солнцу, закатится на западном горизонте, он становится уже божеством в полном смысле этого слова, и ему, как богу, приносят жертвы и совершают торжественные обряды поклонения. Вот он изображен на стенах внутренних помещений: он сидит на троне, низшие божества почтительно склоняются перед ним. Он стал царем даже среди богов. Вот как он велик и могуществен! Ослушаться фараона — грех. И жестоко расправится он со

всяким ослушником, — недаром он завоеватель, покоривший народы севера и юга. Об этом поют в своих гимнах жрецы, об этом говорят великолепные пирамиды и заупокойные храмы при них.

«Ка» бедняка будет жить в могиле, как в своем доме, питаясь теми скудными дарами, которые принесут ему родные. Фараона ждет совсем иная участь, и об этом говорят подробно надписи, найденные археологами на стенах некоторых пирамид, так называемые «тексты пирамид».

«Летит он, улетающий... Летит он от вас, о люди! Не на земле он больше, на небе он... Подобно цапле, несется он к небу, целует он небо, подобно соколу, — как кузнечик, прыгнул он к небу... Боги пугаются его, который старше великого (то есть бога солнца), который захватил трон его. «Брань на небе, говорят боги, он завоевал небо, он расколол твердь его. Ликуйте, он завоевал горизонт.»

В ужас повергает богов появление его на небе. Он вторгается в их среду так же, как вторгался фараон при жизни в поселения несчастных нубийцев или азиатов, разрушая все на своем пути. «Небо покрывается тучами, сыплются звезды, содрогаются кости бога земли, когда видят они его.» Недаром содрогаются звезды, и землетрясение потрясает горы, страшный пришлец готовится к охоте на богов. «Он владыка яств, он свертывает лассо, он готовит себе сам обед. Он пожирает людей, он живет богами. Он овладевает тысячами, и сотни приносятся ему в жертву... В твоей ладье гребет он, о Ра, [13] в твоей ладье правит он на небе, и когда ты выходишь из-за горизонта восточного, он плывет с тобой в ладье твоей, о Ра, о солнце!» Фараон ест то, что Ра, пьет то, что он пьет, живет тем, чем он живет, обитает там, где солнце обитает... Его беседка раскинута в полях Иалу, в полях яств отдых его. Пища его среди вас, о боги, а вода его подобна вину Ра.»

В этих чудесных полях Иалу, в «полях яств», как их называют тексты пирамид, есть все, что нужно для жизни. Даже Нил разливается здесь ежегодно, как разливался он

и в Египте. «Трепещут те, кто видит Нил, когда струится он. Поля смеются, и берега затоплены. Жертвы богам увеличиваются, светлеет лицо людей, и ликует сердце богов.» Но попасть в этот египетский рай мог только фараон, «сын солнца, бог благой», и т. д. и т. д.

●

IV. ЧТО ГОВОРЯТ РАСКОПКИ И НАДПИСИ О КОНЦЕ ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА.

Почему и кем были разрушены мастабы и пирамиды. Рассказ папирусов о восстании угнетенных.

Мы внимательно осмотрели целых три некрополя, мы побывали в Саккара, в Абусире, в Гизе, мы заглянули мимоходом даже в Иераконполь, где ведутся раскопки в древнейших могилах.

Некрополи ограблены, разрушены, но ученые нашли в них еще довольно и вещей и надписей, чтобы восстановить всю историю развития погребения в III тысячелетии до нашей эры, чтобы с помощью этих погребений познакомиться с жизнью, с бытом Египта эпохи Древнего царства, со строем общества этой эпохи.

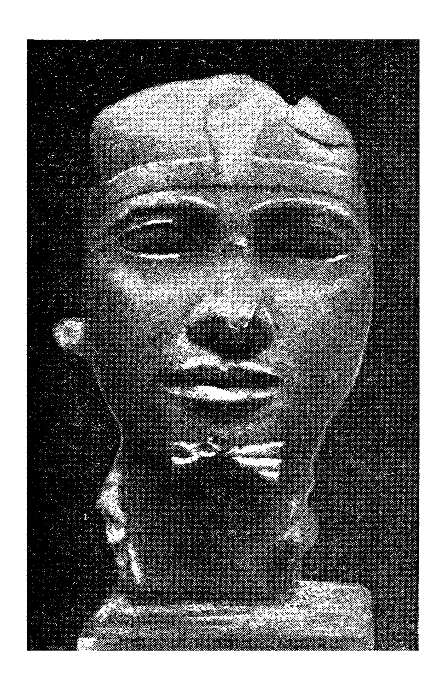
И очень удивляло ученых, что после такого обилия памятников в могилах несколько более позднего времени становится так мало вещей. И какие все вещи попадаются! Кажется, что египетские мастера совсем разучились работать, так плохо они сделаны. Нет больше великолепных портретных статуй, да и мастаб больше нет, и пирамиды перестают строить.

Что сказать о времени, не оставившем памятников?

В том-то и дело, что ученые свои заключения выводят иногда как раз из того, что вещественных памятников нет. Ведь не спроста же они так вдруг исчезли. Попробуем и мы разгадать эту загадку, — способов у нас для этого много, недаром же больше ста лет уже работают египтологи.

Мы не смогли осмотреть до конца постройки около пирамиды Хефрена, мы только заглянули в коридор. Дело в том,

что эти постройки еще в глубокой древности были так разрушены, что ученым не удалось восстановить их полностью. А великолепные статуи Хефрена были найдены в таком состоянии, что с первого взгляда стало ясно — не от времени они так пострадали, а были намеренно разбиты, испорчены; обломки их были выброшены в колодезь, где они и были найдены при раскопках.

Голова статуи Хефрена. По фотографии.

Не одна пирамида Хефрена так пострадала, — то же самое наблюдали археологи и в других местах, и не только на севере Египта, поблизости от Мемфиса, главного города в эпоху Древнего царства, но и на юге. Вот, например, в Иераконполе, где была найдена палетка Нармера, археологи нашли при раскопках две медные статуи, великолепной работы, — Пиопи I, фараона VI династии и его сына. Статуя Пиопи была очень большая, почти в два метра вышины; статуя его сына была вдвое меньше. Они обе были тщательно запрятаны в тайнике под полом, где и пролежали четыре тысячи лет. Когда-то в древности они обе были сделаны из дерева, и были покрыты коваными листами меди. Опоясание, короны Верхнего и Нижнего Египта, посох в руках фараона были, вероятно, сделаны из драгоценных металлов. Глаза были вложены, так же как мы это видели на статуе писца, на статуях Рахотепа и Неферт, Каапера и других.

Но когда эти две статуи фараона и его сына были найдены, на них не оказалось ни кусочка золота. Мало того, — деревянная основа, вероятно, еще в древности была уничтожена, так что осталась только медная обшивка, отлично склепанная и художественно обработанная древним скульптором. Очевидно, и в Иераконполе случилось что-то, какое-то событие, в результате которого были разбиты и выброшены статуи фараонов.

В Иераконполе кто-то, вероятно, человек, понимавший художественную ценность медных статуй, стоявших в храме, подобрал их остатки, всунул маленькую статую в большую, — ведь они были внутри пустые, — и спрятал их в тайнике, никак не ожидая, что через четыре тысячи лет их найдут здесь ученые.

Что же случилось в Египте в конце III тысячелетия? Почему были разрушены гранитные храмы фараонов, почему были разломаны и разбиты их статуи?

Много догадок можно было бы строить, и все они остались бы догадками, если бы на помощь археологам не пришли опять письменные памятники.

В Ленинграде, в Государственном Эрмитаже, в зале, где выставлены памятники древнего Египта, висит на одной из стен папирус. Темный, почти коричневого цвета, местами он немного поврежден. Но знаки четки и ясны, прочесть его, зная хорошо египетский язык, не так уже трудно. Лет пятьдесят тому назад папирус этот был развернут и впервые разобран египтологом Голенищевым, и с тех пор многие ученые читали и изучали его, — так интересно оказалось его содержание.

Познакомимся и мы с его содержанием, прочтем несколько отрывков.

Фараон Снефру приказывает своим чиновникам привести к нему человека, который мог бы «сказать ему хорошие слова, избранные изречения», которые могли бы фараона порадовать. Придворные Снефру «пали перед ним на живот свой».

— Есть жрец великий богини Баст (богини кошки), — сказали они, имя его Нефер-реху; он — писец с искусными пальцами и богаче он, чем все ему подобные.

— Подите и приведите его, — велел фараон.

Пришел Нефер-реху, «упал на живот свой» перед Снефру, повергся ниц. Фараон пожелал, чтобы Нефер-реху, жрец, писец и богач, рассказал ему, что случится в будущем.

Нефер-реху «протянул руку к ящику с письменными принадлежностями, вынул свиток папируса и письменный прибор и стал писать».

Нефер-реху пророчит Египту тяжелые времена: «Пересохнет река Египта, вброд станут ее переходить. Станут искать воды, по которой могли бы плыть корабли... Южный ветер прогонит ветер северный, и у неба будет только один ветер. Не станут больше птицы высиживать птенцов в болотах Дельты, они совьют себе гнездо около людей и позволят им подходить к себе. Погибнет все хорошее, погибнут пруды рыбные, где шла заготовка рыбы, где было обилие рыбы и птицы.»

Но не одна страшная засуха грозит стране: «Враги появятся на востоке, азиаты спустятся в Египет... Станут ночью нападать; в дома будут вторгаться; от глаз моих отгонят сон, и буду я лежать и говорить: вот, бодрствую я.»

Засуха, война, голод.

Папирус местами попорчен, но бросаются в глаза некоторые фразы, из которых ясно, что в стране совершаются еще какие-то события: запахивают земли мало, а князей в стране много, поля пусты, а подати растут, зерна мало, а мера сборщика податей велика, и мерят они так, что она переполняется... что было внизу, стало вверху... бедняк приобретает сокровища, ничтожные едят жертвенные хлебы.

Больше всего Нефер-реху ужасает, кажется, именно последнее, то есть то, что бедняки становятся богатыми, а ничтожные осмеливаются коснуться в храмах жертвенных хлебов. Немудрено, ведь сам-то Нефер-реху — и храмовый жрец, и богач, и знатный писец, привыкший, чтобы «бедняки и ничтожные» падали перед ним на живот свой.

Нефер-реху пророчит далее, что тяжелые времена пройдут, что «с юга явится фараон, имя его Амени, родом он будет из Верхнего Египта. Он возьмет белую корону, он будет носить красную корону. Азиаты падут под его ударами, и ливийцы будут повержены перед пламенем его. Сын знатного человека создаст себе тогда имя на вечные времена.» То есть, иными словами, «бедняки и ничтожные» снова должны будут уступить место богатым и знатным.

Фараон Снефру был первым царем IV династии, то-есть после него правили в Египте Хеопс, Хефрен и Микерин, а за ними — все фараоны V и VI династий. О последнем царе VI династии, Пиопи II, мы знаем, что он правил 93 года, что фараоном он стал, когда ему было шесть лет, а следовательно, когда он умер, ему было 99 лет. И, в общей сложности, от начала правления Снефру до конца правления Пиопи II, прошло никак не меньше 450 лет. За все эти 450 лет ни разу не было в Египте ничего похожего на то, что описывает Нефер-реху. Ясно, что все эти события должны были совершиться *после* царствования Пиопи II. Мыслимое ли дело, чтобы Нефер-реху мог предсказать события, описанные в эрмитажном папирусе, за 450 лет до их наступления? Конечно нет, и поэтому надо думать, что жил этот Нефер-реху не при Снефру, а значительно позже. А ко времени Снефру его отнесли, чтобы придать больше веса его словам, — за 500 лет, мол, уже предсказывали мудрецы событие... Какое? Засуху, войну, голод? Совсем нет. Ведь Снефру требовал от Нефер-реху, чтобы он своими речами «обрадовал» его. Жрец приберег свое «радостное» сообщение к концу: из Верхнего Египта явится новый фараон по имени Амени.

И Снефру, и Хеопс, и все его наследники сидели в Мемфисе, в Нижнем Египте. Спрашивается опять-таки, что такого особенно радостного могло быть для Снефру в сообщении Нефер-реху, что через какие-то там 500 лет или еще больше из Верхнего Египта появится какой-то Амени?

Все станет понятным, если вспомнить, что, согласно историческим сведениям, около 2000 г. до нашей эры на юге

Египта, в Фивах действительно стал править фараон новой, XII династии, по имени Аменемхет. Сокращенно его называли Амени.

Нефер-реху жил вовсе не при Снефру, а гораздо позже, при фараоне Аменемхете I, по прозванию Амени. Льстивый придворный говорит не о том, что будет, а о том, что было уже. Он стар, но сам он не пережил этих событий, помнить их не может. Но не даром он писец, — храмовые библиотеки ему доступны, и кто знает, может-быть там, в архивах жрецов, хранятся и рассказы о том, какие события прокатились над Египтом лет 250—300 тому назад.

Не Амени положил конец «тяжелым временам», которые описывает Нефер-реху. До него в Фивах правили уже фараоны XI династии, но это неважно. «Радуйтесь, о люди, его времени! Сын знатного человека создаст себе имя на вечные времена», — знатные будут снова господами Нильской долины. Всю «славу» такого возврата власти и богатства знатным людям льстивый придворный приписывает Амени, при котором он живет. «Смотри, фараон, о тебе пророчили уже семьсот лет тому назад!» — вот, что читаем мы между строк эрмитажного папируса.

Но для нас гораздо важнее не то, как умели придворные XII династии льстить царям, — то же было ведь и раньше, — для нас важнее рассказ о том, что в Египте было время, когда «бедняк приобретал сокровища, а ничтожный ел жертвенные хлебы». И для нас ясно, что это время было после VI династии и до царствования Амени, то-есть Аменемхета I.

Развернем длинный свиток папируса, хранящегося в городе Лейдене, в Голландии. Читать его целиком мы не станем, — многие места в нем попорчены, не все в нем понятно. Выберем только некоторые отрывки и посмотрим, не дополнят ли они нам того, о чем рассказал в эрмитажном папирусе Нефер-реху.

Странные события творятся в Египте! Еще недавно жизнь протекала по раз-навсегда, казалось, заведенному порядку: одни работали в полях, пахали, сеяли, жали, пряли и ткали,

сверлили камень, плотничали и столярничали в мастерских, жарили, пекли и варили в кухнях и хлебопекарнях вельмож, строили великолепные гробницы; другие — фараоны, их родня, приближенные и чиновники, пользовались трудом первых. Казалось, что никогда не иссякнут запасы в кладовых царей, не будет счета сокровищам их.

А теперь вдруг в домах знатных вельмож привратники говорят: «пойдем, пограбим». Птицеловы, которые ловили сетями диких гусей, уток и другую дичь для стола этих вельмож, вооружаются щитами и готовятся к борьбе; восстали даже пивовары, прачки и кондитеры. Опустели царские амбары, не выходят больше царские корабли к берегам Сирии, в далекую гавань Библ, откуда еще недавно привозили благовонное кедровое дерево для построек и для дорогих саркофагов.

Волнением охвачен весь Египет. От края и до края прокатилось грозной волной восстание угнетенных. Только дряхлый фараон не знает ничего. Да и кто станет говорить ему об этом?

Придворные скрывают от старика события, «говорят ему ложь». А с востока надвигается страшная опасность: через перешеек в Египет проникают азиаты. Не помогает больше и «стена, построенная для отражения азиатов» еще при первых фараонах.

И вот из Дельты, где находились царские амбары, и откуда отплывали корабли на остров Крит и к берегам Сирии, приезжает Ипувер, знатный чиновник, один из заведующих царской сокровищницей.

Фараон не знает, что творится в стране?

Пусть же послушает, что расскажет ему Ипувер.

«Со щитом выходят пахать... разливается Нил, а землю не возделывают. Все говорят: не знаем мы, что делается в стране... Земля повернулась, как круг гончарный: ничтожные владеют сокровищами; кто прежде не имел сандалий, имеет теперь драгоценности; знатные полны жалоб, а ничтожные полны радости...

Золото и ляпис-лазурь, серебро и малахит, сердолик и бронза висят на шее рабынь. А знатные женщины бродят по стране и говорят: о, если бы у нас было что поесть!.. Мумии знатных, покоившихся в своих гробницах, выбрасывают на песок пустыни... Рабыни получили власть надо ртом своим (они говорят, что хотят), а когда говорят их госпожи, слугам трудно перенести это.

Унесены документы из великолепного дома суда, открыты его тайны... чиновников убили, списки унесли.»

Ипувер описывает и то, что творится в некрополе. Ведь он уже говорил фараону, что мумии знатных людей выброшены на песок пустыни. Но случилось еще и то, «чего не случалось и в стародавние времена: бедняки ограбили царя. На носилках лежит погребенный сокол, а то, что таила пирамида, — каменный гроб фараона — стоит пустой.»

«Богач засыпает голодным, а те, кто прежде выпрашивал его опивки, те пьют крепкое пиво. Кто прежде имел платье, ходит теперь в лохмотьях, кто ткал не для себя, имеет теперь тонкое полотно.

Смотрите, кто прежде не сколачивал себе и лодки, имеет теперь корабли, а когда владелец их оглянется на них, они больше не его.

У кого не было тени, имеют теперь тень; а кто имел тень, лежит в вихре бури.

У кого не было хлеба, имеет теперь амбары, но то, что лежит в его закромах, не его имущество.

Смотрите, кто имел прежде постель, лежит теперь на земле: кто прежде спал в грязи, набивает себе теперь подушку.»

Ипувер обвиняет старого фараона в том, что творится в стране.

«О, если бы он сам испробовал такое несчастье, что бы сказал он!» — Ипувер описывает счастливые времена, которые наступят в будущем: «Как хорошо, когда станут тянуть сеть и вязать пойманных птиц... хорошо, когда руки людей станут строить пирамиды, рыть пруды, сажать рощи де-

ревьев для богов, хорошо, когда знатные стоят, одетые в тонкое платье, и смотрят на ликование в доме их. Хорошо, когда набиты постели, когда подставки для головы, на которых спят вельможи, украшены амулетами, когда всякий имеет постель за закрытой дверью, когда не надо ему спать в кустах.»

Вот о каком «счастьи» в будущем говорит Ипувер, рассказывая старому фараону о том, что творится в стране.

В этом папирусе не названо имя фараона, при котором совершились все эти события. Но по тому, что он назван стариком, можно думать, что речь опять идет о царе VI династии, о Пиопи II. Совершенно ясно и понятно становится нам из этого папируса и то, как случилось, что заупокойные храмы фараонов оказались разрушены, статуи их разбиты, могилы разорены. Восстали те, кто их строил, кто под палящим египетским солнцем тащил глыбы камня, обтесывал их, складывая из них гигантские пирамиды и великолепные мастабы вельмож. Восстали ремесленники, каменотесы и камнерезы, ткачи и плотники; восстали крестьяне, работавшие на полях, рабы, на которых лежали самые тяжелые работы в домах вельмож на каналах и плотинах оросительной системы.

Чем кончилось это восстание, об этом говорят оба папируса. Нефер-реху «пророчит» Египту появление фараона Амени — Аменемхета, «под ударами которого падут азиаты, и под пламенем которого повергнутся ливийцы», при котором «отстроят царскую стену (на Суэцком перешейке) и не допустят больше азиатов спускаться в Египет».

А Ипувер хоть и не говорит, при каком именно фараоне это совершится, но описывает времена, когда снова знатные будут одеваться в тонкое полотно и жить в богатых домах, за крепко запертыми дверьми, а «руки людей» будут снова рыть пруды и каналы, строить храмы и пирамиды. *

---

* Более подробный перевод папируса с рассказом о восстании угнетенных можно прочесть в книжке Маттье «Что читали 4 тысячи лет тому назад». Гос. Эрмитаж.

Восстание не удалось, хотя грозной волной оно прокатилось по всему Египту. Мы даже не знаем точно, сколько времени оно длилось, и охватило ли оно действительно весь Египет. Но пока оно продолжалось, не строили больше ни мастаб, ни пирамид, не клали богатых даров в могилы, а те вещи, которые зарывали с покойниками, сработаны наспех. Мастера работать не разучились, но не было спроса на их изделия. Вот чем объясняется, что в гробницах после VI династии так мало вещей, и что они так плохо сделаны.

Так, по отсутствию в могилах вещей и изображений, обычных для Древнего царства, археологи вывели заключение, что в Египте в конце третьего тысячелетия случились какие-то важные события, изменившие надолго весь строй жизни, а древние папирусы рассказали нам подробно, каковы были эти события.

V. ЧТО ГОВОРЯТ ПАМЯТНИКИ О ЕГИПТЕ ЭПОХИ СРЕДНЕГО ЦАРСТВА.

Пирамиды фараонов Ментухотепов и статуи Аменемхетов и Сенусертов. Раскопки города этого времени: квартал строительных рабочих и ремесленников. Папирус с «поучением» фараона.

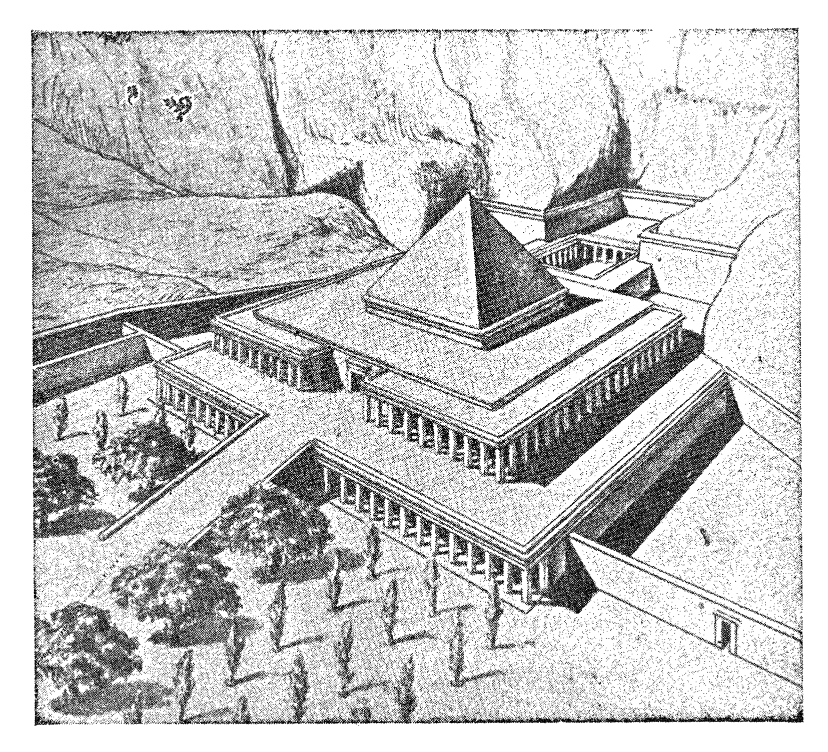
Ментухотепы, фараоны XI династии, управлявшие Египтом лет за сто до фараона Амени и бывшие уже родом из Фив, стали снова строить великолепные заупокойные памятники. Около пирамиды этих царей, на левом берегу Нила, прилежные руки подневольных людей насадили целую рощу, провели воду в огромные пруды. При раскопках археологи нашли здесь, под грудами песка, остатки древесных пней, а в пересохших прудах — остатки густых тростниковых зарослей.

Но вокруг пирамид фараонов XI и XII династий больше не строились мастабы их знатной родни. Князья, правители областей, стали жить не при дворе фараона, а в своих областях. Могилы свои они устраивали здесь же, высекая их в скалах. Так казалось безопаснее: мастабу ведь можно было разрушить, а скалу разрушить не удастся, и вход в гробницу легко охранять.

Предосторожность эта мало помогла: Шампольон и его спутники в могилах этих князей в Бени-Хасане и Эль-Берше не нашли ничего, кроме росписей на стенах; все остальное было давным-давно ограблено.

Недавно феллахи нашли при раскопках голову царской статуи. Древний скульптор, сделавший ее, был настоящим мастером своего дела: он выбрал материал, которым до него

никто в Египте не пользовался. Вместо диорита или гранита он взял большой кусок черного обсидиана. Обсидианом называют естественное стекло, которое образуется при извержении вулканов. Оно очень твердо, но хрупко, — неловкий нажим, неправильный удар при высекании статуи мог-

Заупокойный храм Ментухотепов III и IV. Реконструкция.

ли повредить весь кусок. А материал этот в Египте был, вероятно, необычайно дорог, потому что его привозили издалека, может быть даже из Закавказья. Какой же твердой рукой, каким необычайным искусством обладал египетский мастер, чтобы из куска черного стекла высечь эту чудесную голову!

Мы не знаем, как звали этого фараона. Знаем только, по сходству всех их между собою, что это — один из царей XII ди-

настии, Аменемхетом звали первого из них. сын его именовался Сенусерт, а сын Сенусерта носил опять имя Аменемхета и т. д.

Скульпторы Древнего царства изображали фараонов и их знатную родню с безмятежными лицами, с легкой, благосклонной улыбкой на губах. Ведь фараона выдавали за «благого бога».

Голова фараона XII династии. Черный обсидиан.

Фараоны Среднего царства, XI и XII династии, попрежнему именуются «детьми солнца» и «добрыми богами», но придворные художники Аменемхета и Сенусертов изображают их совершенно иначе. Смотришь на их мрачные лица — плотно сжаты губы, стиснуты челюсти, так что скулы резко выступили, брови нахмурены, глубокие складки бороздят лицо. От этих людей не дождешься привет ного слова, веселой улыбки. Фараоны XII династии правят железной рукой. Аменемхет I, Амени папирусов, хвалится, что он «ходил в Элефантину,[14] достигал Дельты, стоял на границах государства, созерцал окружность его. Он расширил границы страны... хватал нубийцев Вават, брал в плен ливийцев Маджа и заставлял азиатов итти послушно, как собак».

Он «умножал пшеницу и любил бога жатвы». Нил в его время заливал самые далекие поля, так высоки были разливы его, так велики были заботы фараона об ирригации. «Он построил себе дворец, украсил его золотом, потолки покрыл синей ляпис-лазурью, двери сделал из меди, засовы — из бронзы.»

Войны, строительные работы на оросительных сооружениях, роскошь при дворе, — вернулись старые времена, полные блеска для царей и знати, нужды и угнетения для трудящихся. Но ни фараоны, ни знать не забыли о восстании, прокатившемся над Египтом. О нем достаточно ярко рассказывали и «поучение Ипувера» и «пророчество Неферреху». Восстания боялись и старались оградить себя от него. Какими средствами? Заглянем в раскопки города, который отстроил фараон Сенусерт II для своей резиденции около теперешнего местечка Иллахун, при входе в оазис Фаюм.

Город разделен на две неравные части. Бо́льшая часть его занята, очевидно, домами зажиточных людей, дворцами знати и фараона. Меньшая часть города — квартал строительных рабочих, мелких ремесленников и пр. Глухой кирпичной стеной он отделен от квартала богачей. Ни калиток, ни ворот, через которые можно было бы переходить из квартала в квартал. Широкая прямая улица идет посреди рабочего поселка. От нее направо и налево проложены поперечные переулочки, прямые, как стрела. По обе стороны переулочков — жилища египетских рабочих. Весь квартал занимает площадь не более чем 200 × 150 квадратных метров, а жилищ в нем около 250. И как здесь экономили место! Сперва выкладывалась длинная кирпичная стена, перпендикулярно к главной улице. А по обе стороны этой стены устраивались крошечные жилища — клетушки для строительных рабочих, которых сгонял сюда фараон на работы по возведению своей пирамиды и по орошению Фаюма. Некоторые хижины чуть-чуть побольше, — это помещения надсмотрщиков, десятников, мастеров. Единственные ворота ведут из поселка прямо в пустыню.

Лачужки рабочих устроены все по одному плану. Настоящая казарма, где можно только спать, куда надсмотрщики загоняют, когда окончатся дневные работы.

А в квартале знати некоторые участки в 50 раз больше такой вот хижины рабочего квартала.

Кирпичными стенами и бичами надсмотрщиков ограждали себя фараоны от нового восстания. Но не спастись им было от другой опасности, которая выростала в их же собственном дворце.

Старая знать Древнего царства почти вся состояла из ближайшей родни фараонов. Новая знать были такие же князья, как и фиванские фараоны, захватившие в свои руки власть. Они неохотно подчинялись, и при дворе фараонов всегда находились недовольные, готовые в любую минуту сбросить суровый гнет власти Аменемхетов и Сенусертов. Амени, тот самый, о котором «пророчествовал» Нефер-реху, на двадцатый год своего царствования взял своим соправителем своего сына Сенусерта I, и вот, что говорит он ему в своем поучении:

«Берегись подчиненных, не приближайся к ним и не оставайся один; не доверяй брату, не знай друга, не имей доверенного, — не полезно это.

Когда спишь, охраняй сам свое сердце, так как в день несчастья нет у человека близких. Я давал бедным, я кормил страну, я был доступен для простолюдина, как и для человека с положением.

Но те, кто ел мой хлеб, восстали на меня, и те, кому я протянул руку, поднялись против меня; те, кто одевался в мое тонкое полотно, смотрели на меня, как на тень, а умащавшиеся моими благовониями готовы были забросать меня грязью...

После ужина было это, при наступлении ночи. Я проводил час отдыха и спал на моей постели. Я устал, и сердце мое стало погружаться в сон. Вдруг забряцало оружие, послышалось, точно обо мне спрашивают, и вскочил я, как прыгает змея в пустыне.

Я проснулся, чтобы сражаться одному, и увидел, что это — схватка телохранителей. Схватил я скорее оружие и прогнал злодеев...»

Как мало похожа полная опасностей жизнь фараонов Среднего царства на безмятежное существование хотя бы

Пиопи II, который даже не знал, что вся страна охвачена восстанием! Попрежнему фараоны носят свои громкие титулы «добрых богов, сыновей бога солнца», но давно утеряна вера в их «божественность» и у народов и у приближенных их.

Сравним полные, спокойные, самодовольно улыбающиеся лица фараонов и вельмож Древнего царства с суровым, энергичным и жестким лицом безыменного царя Среднего царства. Мы не знаем его имени, но как подходят ему слова фараона Аменемхета, полные горечи, недоверия к самым близким людям, озлобления против людей.

Иноземцы в Египте. Гиксосы и сказка о споре фиванского фараона Секененра с царем гиксосов Апофисом.

Немногим больше 200 лет Египтом правили фараоны XII династии. А потом опять наступило время, от которого осталось мало памятников. Фараоны быстро сменяют друг друга, одновременно правят в разных местах Египта разные цари. Один из них носит имя «Нехси» — «негр», другой называет себя просто «Мер-меша», то-есть «командир солдат». Есть фараоны, которые правят всего три дня.

Это смутное время закончилось страшной катастрофой: враждуя друг с другом из-за власти, все эти «генералы», дело которых было бы охранять границы страны, оставили их открытыми. И вот «явились с востока неожиданно люди неизвестного происхождения. Дерзко пошли они против Египта и легко покорили его без битвы. Одолев князей страны, они беспощадно сожгли города и разрушили храмы. Со всеми туземцами они обращались крайне неприязненно: одних убивали, других с женами и детьми обращали в рабство».

Так писал Манефон, египетский жрец, историк, написавший историю Египта в III веке до нашей эры, на греческом языке.

Египтяне называли пришельцев гиксосами, то есть «царями иноземцев». 150 лет гиксосы владели Египтом. Собственно говоря, им до всей страны не было дела. Гиксосы

земледелием не занимались, они были скотоводы. Им нужны были для их табунов коней, для стад рогатого скота — большие пастбища. И потому они остались сидеть в Дельте, построив себе здесь город, укрепили восточную границу, а весь остальной Египет заставили платить им дань.

Мы условились пользоваться вещами из раскопок, заставить вещи или папирусы рассказывать нам о том, как жил и развивался Египет. От смутной эпохи владычества гиксосов сохранилось немного памятников. И потому вместо вещей заставим опять говорить папирусы и из них узнаем, как кончилось это время.

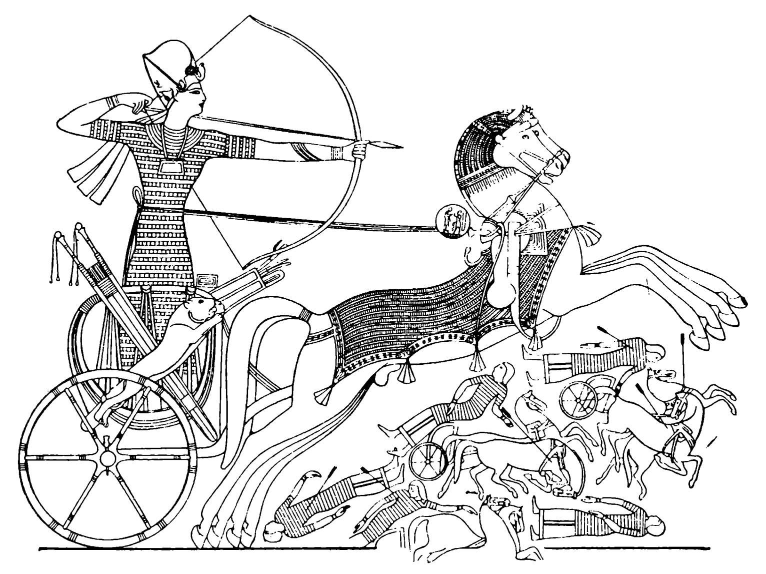
Развернем на этот раз один из папирусов Британского музея. Он сильно поврежден, но начало понять можно. Речь идет о том, что «Египет в нужде». Фараон Секененра в то время был владыкой только одного южного города — Фив. На севере, в Дельте, в городе Аварисе, сидел царь гиксосов Апофис, и вся страна платила ему подать. «Юг платил ему, платил и Север всеми отличными произведениями Дельты.»

Неизвестно, что случилось, почему Апофис вдруг разгневался на Секененра. Вероятно, фиванский фараон перестал ему платить во-время дань. И вот Апофис решает вызвать его на войну. Самому итти в Фивы ему трудно, — ведь южная столица почти в 1000 километрах расстояния от Авариса, население египетское ненавидит гиксосов, — как тут рискнуть итти по враждебной стране? Надо сперва разузнать, действительно ли Секененра отказывается от повиновения. И вот Апофис, по совету своих писцов и мудрецов, посылает посла к Секененра со вздорным обвинением, будто гиппопотамы в канале около Фив так шумят, что мешают царю спать. Всякому было ясно, что как бы ни шумели они, Апофис не смог бы услышать шума на расстоянии 1000 километров, — надо было просто вызвать фиванского правителя на ссору.

Явился посол Апофиса к князю южного города.

— Зачем послали тебя в южный город? Зачем отправился ты в путь? — спросили посла царя Апофиса. Посол ответил:

— Царь Апофис послал меня к тебе. Говорит он: «пусть очистят канал от гиппопотамов, — ни днем, ни ночью не дают они мне спать. Крик их стоит у меня в ушах.» Князь южного города горевал и плакал долгое время, так что не мог даже ответить послу царя Апофиса. Наконец он обещал сделать все, что Апофис велел ему, и тогда посол Апофиса отправился в путь к месту, где был его господин.

Рамзес II мчится в бой с хеттами. Стенная роспись.

Князь же южного города велел созвать своих великих советников, своих командиров и начальников войска и повторил им все обвинение...

Папирус обрывается в этом месте, но мы знаем из других надписей, что Секененра решил выступить войной против Апофиса. И уже, конечно, не из трусости плакал и стонал он, разговаривая с послом его, потому что в бой он пошел во главе своего войска, нанес гиксосам страшное поражение и сам пал в этом бою. Нам придется еще раз встретиться с его именем.

Фиванские князья победили гиксосов, изгнали их за пределы Дельты. Сотни их были взяты в плен, сотни были обращены в рабство. Фиванские князья, считая себя победителями, снова стали царями всего Египта и положили начало «Новому царству».

Кажется, даже фараоны Древнего царства не имели такой огромной власти, как эти основатели Нового царства, — фараоны XVIII, XIX и XX династий, завоеватели, сумевшие изгнать гиксосов. Они забрали у них огромную добычу. Самым ценным были, конечно, табуны коней. До сих пор египтяне сражались только в пешем строю. Теперь они несутся в бой на колесницах, так же как это делали гиксосы. Они врываются со своими войсками в Палестину, в Сирию; они ходят далеко за пределы южной границы. В руках их огромные богатства, толпы военнопленных. Вот, когда можно было снова начать строить пирамиды. Тем более, что за долгие столетия египетские бальзамировщики научились так хорошо приготовлять мумии. И, однако, от эпохи Нового царства до нас пирамид не дошло... Впрочем, предоставим опять слово археологам и вернемся с ними к местам раскопок.

●

VI. ЧТО ГОВОРЯТ РАСКОПКИ О ЖИЗНИ ЕГИПТА ПОСЛЕ ИЗГНАНИЯ ГИКСОСОВ.

Тайник в горах. Ученые находят мумии фараонов Нового царства.

Археологическая работа после Шампалльона и Лепсиуса кипела в долине Нила.

Ученые вели раскопки, изучали вещи, развертывали папирусы, читали надписи на камнях.

С каждым годом в древнюю страну пирамид стекалось все больше любопытных, так как путешествие по Египту становилось все более безопасным. Осматривали развалины, покупали у местных феллахов древности. Обычно это были безделушки, связки дешевых, голубых фаянсовых бус, которыми египтяне украшали мумии своих умерших, маленькие изображения священных животных, обрывки пелен с мумий и т. п. Иногда туристу случалось, однако, купить и очень ценную вещь.

Сто лет тому назад еще жители Курны жарили для Бельцони курицу на обломках саркофагов и мумий; сто лет тому назад они искали в древних могилах клады, рассказывая сказки о золотом кольце в скалах или о змée, стерегущем в горах, у порогов Ассуана, несметное сокровище фараона. Теперь они поняли, что продажей саркофагов и мумий можно выручить гораздо больше денег, не тратя времени на поиски кладов. И вот феллахи сами деятельно принимаются за раскопки. Потихоньку, конечно. Ведь Каирский музей в лице своих ученых хранителей следит, чтобы древние могилы и места поселений не подвергались хищническому разграблению. Но как уследить за тайной работой

местных жителей? Кто лучше феллаха знает все ходы и выходы древних склепов? Ведь они ими пользовались долгие годы как жилищами и привыкли считать своей собственностью все, что в них находится. Нельзя их даже обвинять за то, что они разрознивают древние вещи, распродают их по частям, часто даже портят и ломают их. Ведь как жили египетские земледельцы в нужде при фараонах, при султанах-мамлюках или при Мохаммеде-Али, так и теперь потомки их живут в бедности. Земля египетская необычайно плодородна, много естественных богатств таит она в себе, но сколько бы феллах ни работал, он большую часть заработка должен отдать, — подати в Египте высоки. А правительство египетское, запрещая производство раскопок без ведома ученых Каирского музея, вместе с тем охотно позволяет туристам вывозить древности, взимая за это, конечно, деньги.

Особенно хорошие вещи стали появляться в продаже начиная с 1874 г. Они были так ценны, такой отличной работы, что ученые Каирского музея начали доискиваться, откуда они взялись. «Феллахи продали», — отвечали торговцы древностями. — «Какие феллахи? Откуда?» — Но на эти вопросы продавцы пожимали плечами. — «Кто их разберет!»

Удалось проследить, что привозят эти вещи откуда-то из окрестностей Фив. Некоторые даже указывали на одного жителя Курны, Мохаммеда Абдеррассула, который, мол, отлично знает склепы в скалах окрестностей и который прежде торговал древностями.

Мохаммед Абдеррассул отпирался, — какие тут раскопки, он давным-давно бросил это дело. Напрасно старался Масперо, французский ученый, стоявший тогда во главе Каирского музея, уговорить его сознаться, — Абдеррассул обижался, что его, честного человека, подозревают в чем-то.

А у каирских торговцев древностями нет-нет да и появятся опять отличные вещи, несомненно из очень богатого погребения, и опять все признаки говорят за то, что вещи эти идут из окрестностей Фив, и что Абдеррассул имеет к ним какое-то отношение.

Масперо поступил решительно; он обратился к Дауду-паше, наместнику Фив, жестокому человеку, которого феллахи хорошо знали по его расправам с неаккуратными плательщиками податей и которого они очень боялись.

Оказалось, что Мохаммед Абдеррассул действительно знает в горах какой-то тайник. Он открыл его случайно несколько лет тому назад, но никому о нем не сказал, кроме ближайших родственников. Долгое время феллахи тщательно хранили свой секрет, изредка вытаскивая что-нибудь из своего тайника на продажу. Потом они перессорились, каждый боялся, что другие выдадут его. А когда о находке их возникло подозрение у представителей Каирского музея, и особенно когда жестокий Дауд-паша начал свой розыск, Абдеррассул и его товарищи рассказали все, что знали.

В июле, жарким летом, Эмиль Бругш, брат знаменитого немецкого египтолога Генриха Бругша, и Ахмед Эффенди Камал, двое ученых, работавших в Каирском музее под руководством Масперо, приехали в Дер-эль-Бахри, долину, расположенную на левом берегу Нила против Фив. В этой долине стояли еще развалины двух храмов Среднего и Нового царства, заваленные грудами песка. За ними отвесной стеной подымалась горная цепь, по другую сторону которой лежала знакомая нам уже «Долина царей». В «Долине царей» черными дырами зияли входы в ограбленные еще в древности могилы царей Нового царства. Абдеррассул повел ученых однако не туда. В тесном ущелье скал Дер-эль-Бахри он указал им на вход в глубокую шахту. Несмотря на пыль и на страшную жару, ученые спустились в подземелье. Находка оказалась необычайна. В склепе находилось более тридцати саркофагов, беспорядочно нагроможденных один на другой, поставленных вплотную один около другого.

Бегло, при свете факелов осмотрели их, прочли надписи на них. Царские имена! Вот имя Секененра, соперника гиксосского фараона Апофиса, вот имя Тутмоса III, совершившего несколько десятков походов на север, в Палестину и в Си-

рию и на юг, в Нубию. А рядом саркофаги его сводного брата Тутмоса II и отца, Тутмоса I. Мумии царей XVIII династии, лежавшие когда-то в каменных усыпальницах в «Долине царей», оказались спрятанными здесь.

Здесь же нашли саркофаги царей XIX и XX династий, целый склад мумий фараонов.

Рассматривать их подробно не было времени и возможности. Решили как можно скорее перевезти их в Каирский музей. Немедля принялись за дело, осторожно сняли с гробов гирлянды и букеты цветов, которые на них еще лежали, сухие, съежившиеся за 3000 лет, но сохранившие и цвет и форму лепестков и листьев. В чашечке одного цветка нашли еще осу. Она забралась в душистый букет три тысячи лет тому назад, засохла вместе с цветами, и ученые смогли убедиться, что и в древности осы были в Египте совсем такие же, как теперь.

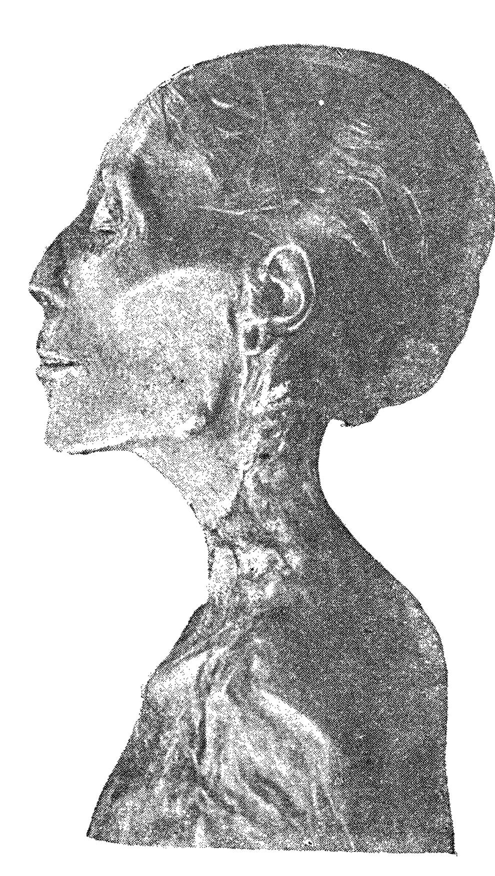
Хорошо сделали ученые, поторопившись со своей работой. Едва они успели ее кончить, как до них дошли слухи, что шейхи местных селений, не желая отдавать иноземцам то, что они считали своей добычей, сговорились с племенем Абабд. Было решено ночью произвести нападение на археологов и отнять у них найденные вещи.

На другой день саркофаги были перенесены на пароход и отправлены в Каир. Толпы феллахов провожали мумии фараонов. Мужчины стреляли в знак печали в воздух из ружей, женщины рвали на себе волосы и громко кричали и плакали, как это в обычае делать во время погребения. В Каире с мумий были сняты пелены, бинты, обертывавшие их три тысячи лет, были развернуты, и ученые увидели лицом к лицу всех тех, о которых так много и так подробно говорили надписи.

Вот мумия Секененра. Голова и лицо его рассечены в нескольких местах, череп пробит. На теле следы ран. Стиснутые зубы оскалены от лютой боли. Мы ведь знаем, что Секененра погиб на поле битвы.

А вот мумия человека невысокого роста. Погребальные

бинты сплющили ему нос, но несмотря на это можно разобрать, что у него были резкие черты лица, что нос был большой и горбатый. Мумия была еще в древности разломана на три куска. Ее постарались тогда же починить: подсунули под спину деревянное весло и бинтами прикрутили ее к нему. На саркофаге стоит имя завоевателя Сирии, фараона Тутмоса III.

Мумия Тутмоса IV, одна из наиболее сохранившихся. По фотографии.

Из пелен ученые извлекают мумии людей гигантского роста,— это Сети I и Рамзес II, фараоны XIX династии, отец и сын. Они оба умерли глубокими стариками. У Рамзеса II лысый череп только сзади украшен еще бахромкой седых волос. Но красивые тонкие черты лица отца и сына напоминают изображения Сети I, найденные Бельцони в его гробнице в «Долине царей», и великолепную статую Рамзеса II в Туринском музее.

Один из саркофагов возбуждает всеобщее любопытство ученых. На нем нет ни единой надписи, он просто обмазан белой известкой. Ни единого иероглифа нет ни на внутренней стороне саркофага, ни на пеленах. А мы знаем, что по египетскому обычаю имя надо было ставить,

чтобы «ка» нашел свой гроб и свою мумию, и чтобы имя его сохранилось на-веки-вечные. Значит имя этого покойного, наоборот, хотели предать забвению.

Развернули мумию, — опять странность. Обычно покойного при бальзамировке вскрывают и внутренности его вынимают. Тело затем 70 дней вымачивают в растворе селитры, наполняют душистыми смолами, обсушивают и только тогда бинтуют. А тут перед Масперо и его помощниками лежит мумия совсем еще молодого человека, которого при бальзамировании не вскрывали, а только посыпали солями и плотно забинтовали. У него совсем светлые волосы, белая кожа. Это немудрено, так как мы знаем, что фараоны часто женились на иноземках. Руки и ноги покойного сведены страшной судорогой, лицо перекошено, рот открыт, точно для крика.

«Отравление», — определили врачи, бывшие при вскрытии. Кто был этот несчастный умерший? Почему хотели скрыть его имя? Кем и почему он был отравлен? Никто не даст ответа на эти вопросы. Мы знаем уже, что в Египте бывали попытки захвата власти. Ученые думают, что и этот покойный мог быть участником такой попытки. Он принадлежал, несомненно, к родне фараона, может быть, он был каким-нибудь его младшим братом, мечтавшим стать самому царем. Потому его и похоронили в царской могиле. Попытка его не удалась. Верно, он умер от яда, и даже память о нем должна была исчезнуть вместе с его именем.

Но что больше всего поразило ученых, — это то, что почти все мумии еще в глубокой древности были вскрыты, а некоторые сильно повреждены. Ни единого ценного украшения на них не было найдено, а ученым было известно, что фараонов хоронили обычно со всем, что им могло понадобиться на том свете. Склепы, в которых когда-то лежали эти мумии в «Долине царей», были пусты уже в то время, когда греки-путешественники за 300—200 лет до нашей эры осматривали их.

Ученые внимательно осмотрели небрежные надписи тушью на саркофагах. Их сделали не при погребении, а

гораздо позже, после 1000 года до нашей эры. Тутмос III умер около 1447 года, а надпись на его саркофаге сделана 450—500 лет спустя после его смерти. Ученым это было легко проследить, потому что при Тутмосе писали совсем другим почерком, чем 500 лет спустя.

Значит, очевидно, около 1000 г. до нашей эры мумии фараонов были вынуты из их гробниц в «Долине царей» и были запрятаны в тайники в Дер-эль-Бахри. Перед тем, как их перенести сюда, их, верно, уже на месте, в «Долине царей», попортили, частично развернули, разломали. Кто это сделал? И почему? Снова на помощь нам приходит папирус. На этот раз это не сказка, не поучение и не «пророчество», а ряд деловых документов, протоколов египетского суда.

Почему мумии фараонов были перенесены в тайник? Египетский судебный процесс об ограблении царских могил. Волнения каменотесов, строителей могил.

В царствование Рамзеса IX, около 1100 г. до нашей эры, до сведения начальника «города мертвых» дошло, что некоторые гробницы, в том числе и царские, были взломаны и ограблены.

Дело было важное, и начальник некрополя поспешил сообщить о совершившемся везирю и его помощникам. Везирь прислал для осмотра гробниц целую комиссию. Осмотрели сперва гробницы «певиц верховной жрицы царя богов, Амона-Ра» и других знатных лиц. В протоколе записано:

— «Найдено было, что все они вскрыты ворами. Они вырвали владык (то есть мумии) из их пелен и саркофагов, бросили их на землю, а утварь, которая им принадлежала, они украли вместе с золотом, серебром и драгоценностями, которые были под пеленами их.» Воров захватили. Их было восемь человек, и они оказались низшими служащими храма Амона и каменотесами, работавшими по прорытию погребальных шахт. Позже было захвачено еще несколько ремесленников-металлистов.

«Их допросили, подвергнув избиению палками по рукам и по ногам.» Несчастные воры сознались и рассказали, что они проникли и в одну из царских гробниц. «Мы вскрыли их саркофаги и пелены, в которых они лежали. Нашли мы почтенную мумию этого царя с длинным рядом золотых амулетов и украшений на шее и с головой, покрытой золотом. Почтенная мумия царя была вся покрыта золотом, и саркофаги его были внутри и снаружи выложены золотом и всякими великолепными камнями. Мы сорвали золото, которое мы нашли на мумии почтенной этого бога, а также амулеты и украшения, которые висели на шее его, и пелены, в которых он покоился. Мы нашли царицу, также украшенную, и сорвали все, что на ней было. Ее пелены мы сожгли, украли мы ее утварь, и все золотые, серебряные и бронзовые сосуды...»

Страшная судьба ожидала несчастных воров. «Это преступление так велико, что оно заслуживает казни, сажанья на кол, всяческого наказания.» Ничто не могло их спасти, потому что в Египте не привыкли считаться с рабочими людьми, которых заставляли жить за толстыми кирпичными стенами в убогих лачужках рабочих кварталов.

Очевидно, не в первый раз производились хищения в гробницах фараонов и знати, и нам вполне понятно становится теперь, почему могущественные фараоны Нового царства перестали устраивать свои гробницы на виду у всех, почему они отказались от величественных пирамид и могилы свои стали высекать в скалах «Долины царей», куда проникать можно было только по узкой тропе, на которой в древности, вероятно, стоял всегда охранный пост. Правда, и «Долина царей» не спасла их могилы от ограбления, как мы это сейчас видели.

Но что могло заставить несчастных каменотесов и ремесленников-металлистов пойти на ограбление царских могил? Ведь они же знали, что их не пощадят, если об этом узнают?

В царствование того же Рамзеса IX в «городе мертвых» работало большое количество разных ремесленников, плот-

ников, металлистов и др. Начальник всех этих ремесленников оставил дневник, где он тщательно отмечает все рабочие и нерабочие дни своего отряда, все выдачи продовольствия. Четыре раза в месяц отряд получает сушеную рыбу немного бобов, пива и зерна. Но продовольствие выдают неаккуратно, задерживают выдачи, так что рабочим приходится голодать. Несколько раз они бросали работу. Наконец, видя, что и это не помогает, они переправились через реку, явились к наместнику города и к главному жрецу бога Амона и просили их разобрать их дело. Было приказано выдать им зерно из запасов храма. Начальник отряда отмечает в своем дневнике:

— «Сегодня нам выдали зерно; мы же дали два ящика и письменный прибор опахалоносцу.» Чтобы добиться выдачи продовольствия, рабочим, вероятно, пришлось дать взятку этому опахалоносцу, слуге наместника, чтобы он пропустил просителей к важному чиновнику.

Еще хуже обстояло дело с каменотесами «города мертвых» при фараоне Рамзесе III. Не помогли кирпичные стены рабочего квартала; с женами и детьми «переступили» они все пять стен «города мертвых», говоря: «Восемнадцать дней голодаем мы.» У задней стены храма Тутмоса III сели они, побросав работу. «Мы пришли сюда от голода и жажды», жалуются они, «у нас нет платья, у нас нет масла, нет рыбы, у нас нет овощей. Доведите это до сведения фараона, нашего доброго владыки, напишите везирю, начальникам нашим, пусть достанут нам продовольствия.»

Жалобы, просьбы со стороны голодающих рабочих, обещания и угрозы со стороны чиновников. Много раз приходится рабочим «переступать за стены», бросать работу, пока, наконец, им не выдали следуемые им 50 мешков зерна.

Мудрено ли, что царские могилы, с их огромными богатствами подвергались постоянно разграблению, если с таким трудом добывал египетский ремесленник свой скудный кусок хлеба.

И не одни царские могилы поглощали огромные богатства, требовали огромной затраты труда.

Храмы и жрецы.

От времени Рамзеса III до нас дошел огромный папирус, в 45 метров длиною. В нем перечисляются богатства египетских храмов. Просмотрим списки хотя бы только фиванских храмов. Вот чем они владеют:

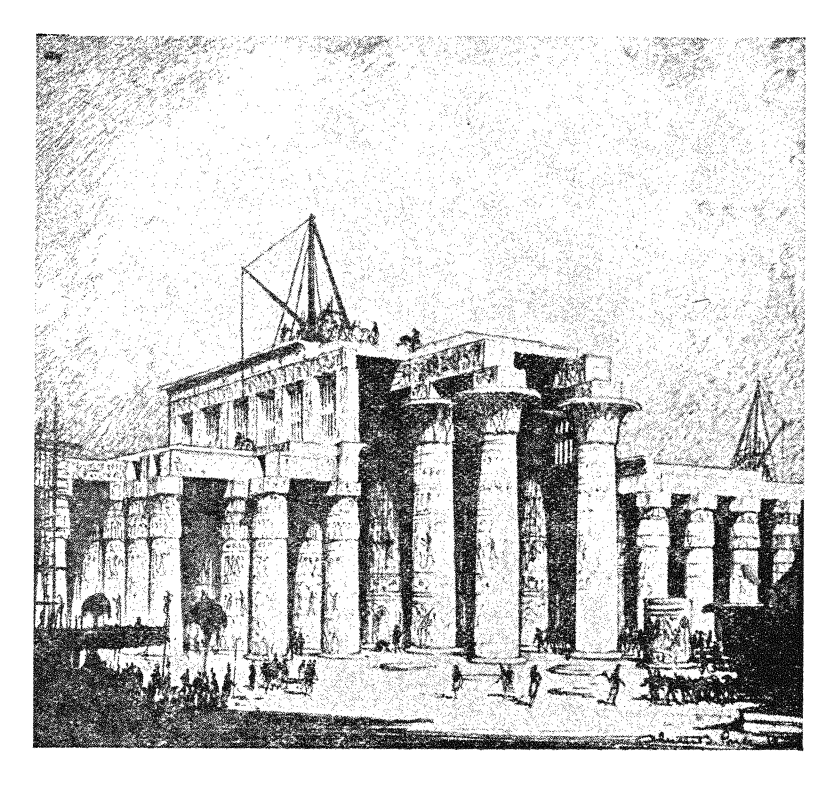
1) полей	2393	квадратных километра
2) садов	433	
3) местечек	65	
4) верфей судостроительных	46	
5) кораблей	83	
6) голов скота	421 362	
7) людей, принадлежащих храму	81 322	

А вот какое количество податей получали они от подчиненного им населения:

1) золота	51	килограмм	833	грамма
2) серебра.	997	килограмм	805	грамм
3) меди	2395	»	120	
4) одежды .	3722	штуки		
5) пряжи	345	килограмм	345	грамм
6) ладана, меду, масла	1047	сосудов		
7) вина	25405	»		
8) зерна	.309 950	мешков		
9) овощей	26 650	связок		
10) льна	64 000	связки		
11) птиц от птицеловов	.239 530	штук		
12) быков	866	голов		
13) гусей .	744	штуки		
14) лодок	82			

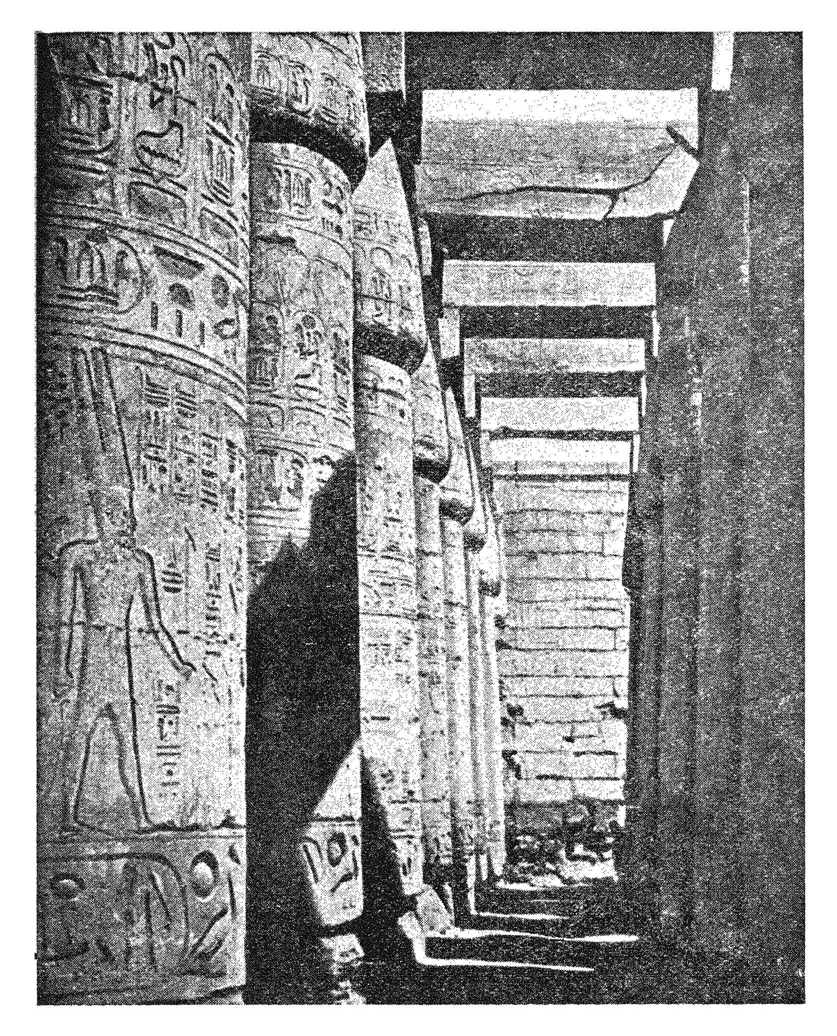
Откуда брались, как выростали эти огромные храмовые богатства? Вот, что подарил Тутмос III Амону, фиванскому богу: лучшие поля и сады в Верхнем и Нижнем Египте, высокие участки, засаженные фруктовыми деревьями, молочных коров и волов, золото, серебро и ляпис-лазурь в большом количестве. Пленных азиатов и негров счетом 878 голов, которые должны были наполнять храмовые закрома, прясть и ткать, обрабатывать поля храма. Три завоеванных города должны были платить ежегодно дань в казну храма.

Жрецы не оставались в долгу у фараонов. В Древнем царстве строили пирамиды и перед ними устраивали великолепные храмы в честь умерших фараонов. Но никогда не ставили храмов живым фараонам, хотя и называли их

Постройка Карнакского храма. По рисунку Британской энциклопедии.

«добрыми богами». В Новом царстве стали строить храмы, в которых божеские почести воздавались правящему царю. Еще в Древнем царстве фараон носил титул «сына Ра». Теперь его объявляют *родным* сыном, «сыном по плоти его», фиванского бога Амона. Пирамид в это время больше не строят, зато фараоны Нового царства возводят теперь гигантские храмы в честь Амона, царя богов. А перед храмами ста-

Колонны Карнакского храма. Фотография.

вятся огромные статуи самих фараонов и, воздавая поклонение Амону, жрецы одновременно воздают его и фараону — «сыну Ра, возлюбленному Амоном». Так старались они поднять уважение к царям, убедить народ, что ослушаться

фараона — грех, а так как чиновники и жрецы — его слуги, то надо повиноваться также и им.

Но жрецы бога Амона благодаря своим богатствам могли стать опасны для фараонов. Пока между ними хорошие отношения, пока фараон согласен поддерживать храмы — все хорошо. А если он захочет поступать по-своему, не подчиняясь жрецам, тогда что? Ведь при дворе его всегда может найтись какой-нибудь его младший брат или другой родственник, которого могущественные жрецы могли объявить настоящим сыном Амона, и тогда мог произойти переворот, фараона могли отстранить от власти, убить. Как и в Среднем царстве при XII династии, им постоянно приходилось бояться за свою власть, и теперь их соперниками становятся постепенно жрецы бога Амона. Один раз во все это время была сделана попытка бороться с ними, и благодаря этой попытке мы в настоящее время получили возможность во всех подробностях познакомиться с тем, как выглядел город Нового царства.

О городе Среднего царства у нас шла уже речь, но он был так разрушен, что мы ничего не могли сказать о том, как выглядели в нем дома.

Начнем, однако, по порядку и вернемся опять к жрецам и фараонам и к их борьбе между собою.

Раскопки города в песках. Ахетатон, столица фараона Эхнатона.

Ни один из фараонов XVIII династии не пытался бороться со жрецами Амона. Попытку рискнул сделать только сын Аменхотепа III, сфинксы которого были больше ста лет тому назад вывезены из Фив и стоят в Ленинграде, на берегу Невы, у здания Академии художеств.

Аменхотеп IV, как его звали в момент его вступления на трон, был болезненный человек, — об этом ясно говорят его изображения. Он не вел войн и мало заботился о тех странах, которые были завоеваны фараонами, жившими до него. Мы не знаем точно, почему молодой фараон вскоре после

того, как получил власть, выступил ярым гонителем бога Амона. Может быть, жрецы желали занять в государстве еще более высокое место, рассчитывая на его болезненность. Фараон оказался энергичным и дал отпор. Но как бороться с жречеством, которое действует именем самого бога Амона? Аменхотеп IV действует просто: он отменяет поклонение Амону, да собственно и всем остальным богам Египта, провозглашает единственным богом солнце — пылающий огненный шар, несущий свет, тепло и жизнь всему миру.

Сфинкс фараона Аменхотепа III. Ленинград. По фотографии.

Имя молодого фараона, — Амен-хотеп. — означало «Амон доволен». Фараон принимает вместо него имя «Эхнатон», т. е. «дух Атона», солнечного диска. Мало того: он уезжает со всем своим двором из Фив, города бога Амона. Куда? Ни один из старых городов не подходил для новой столицы, где все должно быть по-новому. Эхнатон приказал построить новый город, в том месте, где расположен современный арабский поселок Телль-Амарна.

Быстро выросла новая столица в песках пустыни. Провели воду, устроили канализацию, — египетские инженеры

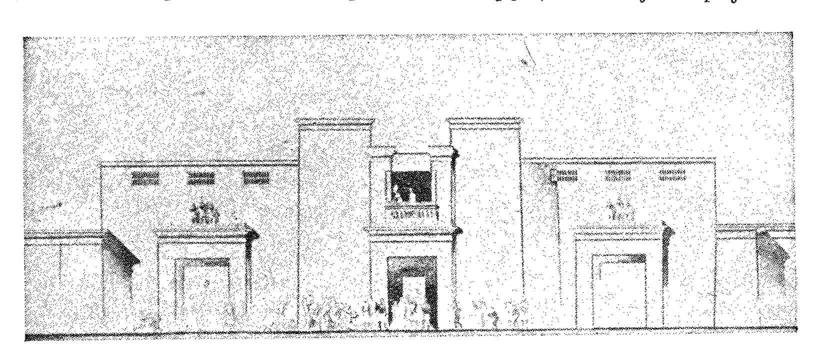
давно умели производить эти работы. Вырыли огромные ямы, заполнили их плодородной землей, в ямы насадили деревья, от посадки к посадке провели канавки. Новый город имел свои кварталы. Великолепный царский дворец был окружен домами вельмож, далее располагались жилища горожан, торговый квартал, где стояли конусообразные амбары для засыпки зерна. В городе был, конечно, и свой рабочий квартал, с бедными лачужками ремесленников. Ведь Эхнатон, борясь с могущественным жречеством, вовсе не собирался менять тот порядок, который сложился в египетском обществе еще в далекие времена Древнего царства. Попрежнему фараон жил в своем дворце, недоступный никому, кроме приближенных.

Статуя Аменхотепа IV (Эхнатона). Песчаник. Находится в Карнаке (Фивы).

Правда, он иногда появлялся на балконе дворца, чтобы при всех наградить кого-нибудь из вельмож. С ним вместе появлялась его жена, царица Нефертете, красивая, приветливо улыбающаяся собравшимся. Иногда показывалась и мать его, вдова старого Аменхотепа III. И тут же, с бабуш-

Торговый квартал Телль-Амарне. Реконструкция. По фотографии.

«Балкон явлений». Эхнатон награждает приближенных, бросая им золотые украшения. Реконструкция росписи.

кой и с родителями, появлялись маленькие дочери Эхнатона, старшая Мертатон, Анхеспаатон, иногда и другие.

Не в обычае было прежде фараонам показываться перед народом с семьей, они должны были оставаться в глазах всех недоступными ничему земному. Эхнатон, наоборот, всюду

появляется окруженный всей семьей. Иногда он выезжает кататься в легкой колеснице. За ним тогда несутся колесницы Нефертете, его дочерей и придворных. Сверкает позолота кузова колесниц, золотые колеса, кажется, мечут искры под лучами солнца, на головах коней развеваются цветные страусовые перья. На голове царицы — странный высокий головной убор с золотой оторочкой на лбу и развевающейся пестрой лентой.

Портретная голова Тии, вдовы Аменхотепа III, матери Эхнатона. Сделана из дерева, золота и других материалов. Хранится в Берлине.

Пронесется процессия сияющим видением по зеленым аллеям Ахетатона, как называлась новая столица, — кажется, действительно сын Атона, сияющего солнца, промелькнул золотым лучом мимо своих подданных, почтительно упавших «на живот свой, на нос свой». Промелькнул он, такой же далекий, такой же недоступный, как было и прежде, а какой-нибудь обитатель одной из бедных лачуг, глядя вслед золотому видению семьи «детей Атона», с горечью подумает: «А мы?! Наши семьи? Нет у нас сушеной рыбы, нет зерна для хлеба... который день голодаем!..»

У Эхнатона было много дочерей и ни одного сына. Одна из дочерей, Макет-Атон, умерла еще при его жизни. Фараон велел придворному художнику изобразить себя и жену у смертного ложа девочки. Нефертете горько рыдает, Эхнатон, плача, поддерживает ее за руку, точно стараясь утешить. Никогда больше, ни до Эхнатона, ни после него, не встретим мы такого изображения, — разве можно было рисовать фа-

раона, «благого бога», рыдающим, как простой смертный человек?!

Еще при жизни Эхнатон, вероятно, выдал замуж двух дочерей: Мерт-Атон вышла замуж за какого-то Сакара, маленькую, всего восьмилетнюю Анхеспаатон выдали за десяти-

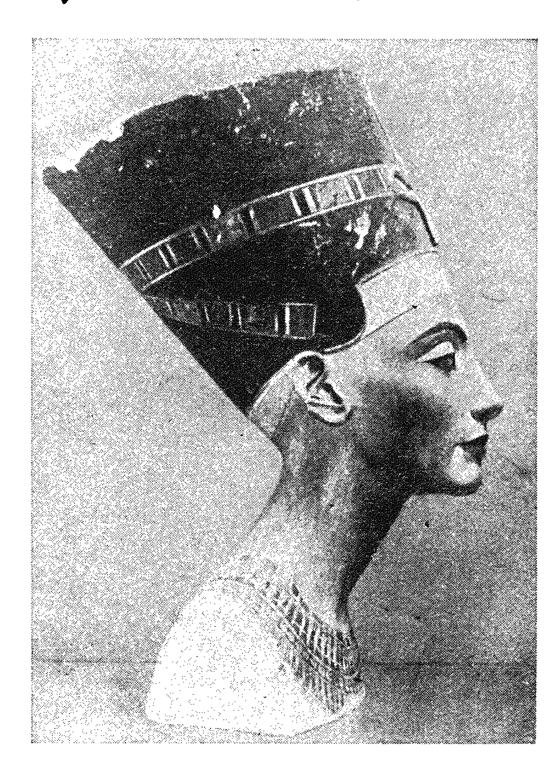

Рельеф. Изображает Эхнатона с женой и дочерьми. Раскрашенный известняк. Хранится в Каирском музее.

летнего Тутанхатона — «живое подобие Атона», что означает его имя. Умер Эхнатон, год всего правил после него Сакара, после смерти которого на египетский престол вступили двое детей, Тутанхатон и его жена Анхеспаатон. Детям не под силу оказалось продолжать борьбу со жрецами Амона. Молодого фараона уговорили вернуться в Фивы. За ним, как хвост за кометой, потянулся его блестящий двор. Опустел и квартал ремесленников, — не на кого стало работать

в покинутой столице. Засохли зеленые сады, хамсины засыпали песком дворцы и хижины рабочих, белые муравьи источили дерево отделок богатых домов.

Недавние раскопки в древнем Ахетатоне, современной Телль-Амарне, открыли ученым археологам живую картину жизни большого города эпохи Нового царства.

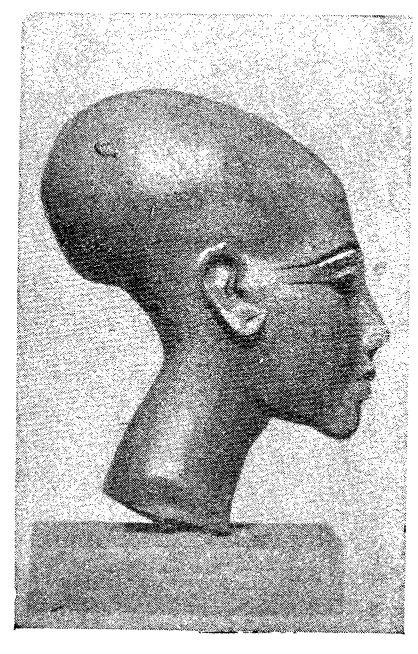
Портретная голова Нефертете, жены Эхнатона. Раскрашенный известняк. Хранится в Каирском музее.

Вот богатый дом знатного вельможи Рамоса с сохранившимися в нем каменной ванной и уборной. Вот отличные росписи дворца Эхнатона. А вот и самая интересная находка последнего времени — мастерская придворного скульптора Тутмоса. Хозяин, может быть, рассчитывал еще вернуться. На месте оставались инструменты, материал для работы и много моделей и неоконченных работ. Лучше всего прекрасный, раскрашенный бюст царицы Нефертете в ее высоком, голубом уборе на голове. Мы даже можем проследить, как работал художник, как он, например, прежде чем начать работу над какой-нибудь статуей, снимал гипсовую портретную маску со своей модели.

Ахетатон засыпало песком, как в Италии пеплом Везувия засыпало Помпею. В такой же неприкосновенности, как в Помпее, сохранилось все и в Ахетатоне. Благодаря раскопкам нам все яснее становятся и жизнь Египта этого времени и личность самого Эхнатона, которого жрецы фиванские злобно называли «злодей из Ахетатона».

А что случилось дальше с Тутанхатоном и Анхесенпаатон?

Известно было только, что они оба переменили свои имена и стали называться «Тутанхамон» и «Анхесамон», что правили они всего шесть лет. Что с ними случилось, как кончилось их правление, об этом никто не знал, да собственно этим мало интересовались, — что важного, заслуживающего внимания, могли за такое короткое время сделать эти двое детей?

Портретная голова дочери Эхнатона. Коричневый песчаник. Хранится в Берлине.

Разгадка их судьбы была найдена недавно, опять-таки в «Долине царей», так хорошо известной нам уже и по рассказам Бельцони и по письмам Шампольона.

Эта страничка в истории археологических работ в «Долине царей» является одной из наиболее интересных.

Раскопки в «Долине царей»: ученые находят золотой гроб фараона Тутанхамона.

Вспомним, как один из посетителей Бельцони требовал от него, чтобы он показал ему якобы найденный им клад,

золотого петуха, набитого жемчугом и алмазами. Арабы оказались не так уже неправы, и клад был здесь найден. Правда, не золотой петух, но нечто неизмеримо более ценное. Забегая вперед, скажем кратко: здесь был найден сам Тутанхамон в том положении и в тех гробах, в которых он был положен более трех тысяч лет тому назад.

Чудесная история его находки, рассказанная одним из участников этого открытия, переведена на многие языки между прочим и на русский, так что желающие всегда смогут ее прочесть.

Поэтому мы и не будем чересчур подробно останавливаться на ней, а только отметим самое важное.

Жомар, Денон, Бельцони, Шампольон, Лепсиус, о которых мы раньше говорили, знали ли они, чего ищут в «Долине царей» или вообще в любом месте, где они производили свои раскопки? Приступая к ним, они, конечно, в общих чертах знали, что смогут здесь найти гробницы, развалины зданий, погребение и т. п.

Но они не могли сказать с уверенностью, с полной определенностью, что в данном месте они будут искать погребение именно такого-то фараона, потому что оно здесь находится, *именно здесь* и ни в каком другом месте.

А с последним открытием в «Долине царей» именно так и было: археологи искали гробницу Тутанхамона, потому что они *заранее знали*, что она должна здесь находиться, потому что все дело было только за тем, чтобы открыть ее место.

По спискам, по памятникам, наконец, по открытым уже шахтам царских могил археологи знали: в «Долине царей» было погребено столько-то фараонов, столько-то погребений известно, одного еще нет, нехватает. Это еще не открытое погребение — гробница Тутанхатона или Тутанхамона. Его еще не нашли, оно должно здесь находиться, следовательно, его надо искать и надо найти.

Археологов, которые взялись за эту работу, звали Карнарвон и Картер. Один был англичанин, другой — американец.

Карнарвон был один из богатейших людей Англии, знатный лорд. Картер был археолог, проведший ряд интересных раскопок, и художник, умеющий сам зарисовать то, что по ходу работы приходится зарисовывать. Карнарвон тоже не был новичком в деле, так как в Египте он копал уже раньше. Взялся он за это дело благодаря несчастной случайности в его личной жизни. Он тяжело пострадал при автомобильной аварии, долгое время был болен, и ему врачи советовали пожить в Египте, славящемся необычайно здоровым климатом. Карнарвон раньше был уже любителем старины, коллекционером и для развлечения решил и в Египте заняться любимым делом собирания древностей. Купил себе концессию, то есть право на производство раскопок, и в товарищи пригласил Картера. Работа пошла успешно.

В 1914 г. Карнарвон по совету знаменитого французского египтолога Масперо решил начать раскопки в «Долине царей». Большие средства дали ему возможность развернуть работы так широко, как до него это еще никем не делалось. А кроме того, к услугам его и Картера было то, чего не имели ученые, работавшие здесь раньше, — современная техника.

Картер и Карнарвон решили, во-первых, очистить «Долину царей» от груд песка. Проложили рельсы, и по этой узкоколейке покатились вагонетки, тонна за тонной вывозя песок и щебень. Работа началась в 1917 г.

Все было налажено прекрасно, рассчитано точно, и однако исследователи копали, разыскивая погребение, а оно точно и впрямь заколдовано было и точно пряталось от них.

Карнарвон уехал в Англию. Картер решил еще раз попытать счастье и в первых числах ноября 1922 г. приступил снова к работе, — раскопки вести в Египте возможно только в зимние месяцы, когда не так жарко, и когда не летит пыль.

Все было обследовано. Картер едва сдерживал разочарование и досаду на неудачу. Сколько лет, сколько энергии потрачено даром, а ведь так точно произведены были все

расчеты. Разочарование исследователя было, однако, преждевременно, и Картер смог убедиться, что наука никогда не обманывает. Он велел своим рабочим феллахам на всякий случай заглянуть под груду щебня у входа в пустую могилу Рамзеса VI. На ней стояли хижины каменотесов, работавших здесь при фараонах. Картер не хотел их разрушать, потому что они были очень интересным памятником отдаленных времен.

Утром 4 ноября его поразила вдруг необычайная тишина,— феллахи бросили работу и столпились у груды щебня.

— Что там такое?

— Ступеньки. Лестница. Иди скорей, смотри сам,—звали феллахи.

Картер подошел, мало доверяя пылкому воображению своих арабов.

Но под щебнем, и совсем неглубоко, виднелась действительно ступенька. За ней видны следующие...

Картер снял точный план расположения хижин рабочих, приказал их снести и копать дальше. Трудно представить себе, сколько выдержки надо было иметь ему, чтобы размеренно, спокойно вести свое обследование, чтобы не разбросать лихорадочно щебень, чтобы открыть скорее всю лестницу.

Вот, наконец, она очищена, ступени идут вниз, а внизу — дверь. Пока видна только часть ее деревянной поверхности. Она выбелена известкой, и по этому слою оттиснута большая печать, отлично известная по другим погребениям, печать жрецов царского «города мертвых».

Могила не повреждена, в нее, очевидно, никто не проникал после погребения. Картер прорезал небольшое отверстие в двери, ввел туда переносную электрическую лампочку, — там начинается ход к могиле, и он наглухо забит песком и щебнем. Картер немного разочарован, потому что на двери он нашел печать не Тутанхамона, а жрецов «города мертвых».

— Увидим дальше, решает он и, приостановив работу, шлет Карнарвону телеграмму: «Наконец в долине сделано

чудесное открытие. Найдена гробница с нетронутыми печатями. До вашего приезда все снова засыпано.»

Прошло три недели. Карнарвон прислал телеграмму о выезде, 24 ноября они были снова в «Долине».

Когда вся поверхность двери была очищена, пониже печатей жрецов некрополя оказались печати с именем Тутанхамона. Сфотографировали их, списали, потом осторожно сняли, чтобы не повредить. Разобрали песок и щебень, скопившиеся в коридоре за дверью. Работать приходилось осторожно, так как поминутно попадались разные вещи, глиняные сосуды, какие-то мелочи, меха, в которых таскали воду для того, чтобы замуровать дверь известкой.

26 ноября открылась в глубину входа вторая дверь. Снова на ней те же печати — жрецов некрополя и Тутанхамона. У исследователей появилось подозрение, что грабители в этот склеп проникали, но, вероятно, вскоре после смерти Тутанхамона, и что потом жрецы привели опять все в порядок.

Снова прорезали в двери маленькое отверстие. Картер засунул туда свечу и заглянул. Пахнуло горячим воздухом, три тысячи лет не сменявшимся в наглухо закрытом помещении; могила точно дохнула на Картера. Пламя свечи рванулось, замигало и поднялось снова ровным язычком. Из всех углов склепа на Картера глянули головы странных животных, украшавших великолепные ложа, статуи и золото, всюду сияющее, сверкающее золото.

— Видите вы что-нибудь? — спросил дрожащим от волнения голосом Карнарвон.

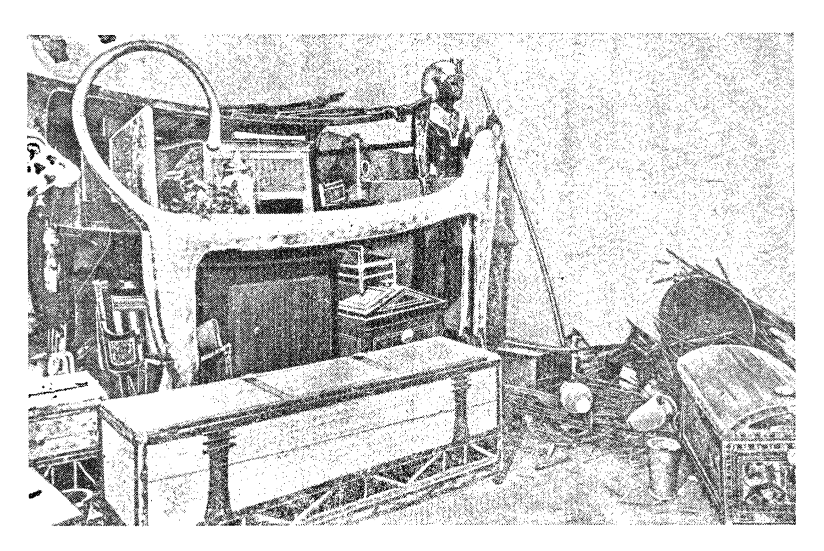
— Да, дивные вещи, — ответил потрясенный необычайным зрелищем Картер.

Отверстие расширили, ввели электрическую лампу.

Картер описывает странное чувство, которое охватило их, когда они заглянули опять в склеп. Три тысячи лет тому назад ушли отсюда последними те, кто провожал тело Тутанхамона в гробницу. Исследователи дышат тем же воздухом, которым дышали провожавшие три тысячи лет тому

назад. И все кругом полно жизни, той еще стародавней жизни. Вот у дверей стоит сосуд с остатками известки для обмазки дверей, вот лампочка, покрытая копотью. На пороге брошена гирлянда цветов, на обмазке двери отпечатались пальцы.

Радость открытия, лихорадка ожидания, непреоборимое любопытство и стремление скорее-скорее снять печати, от-

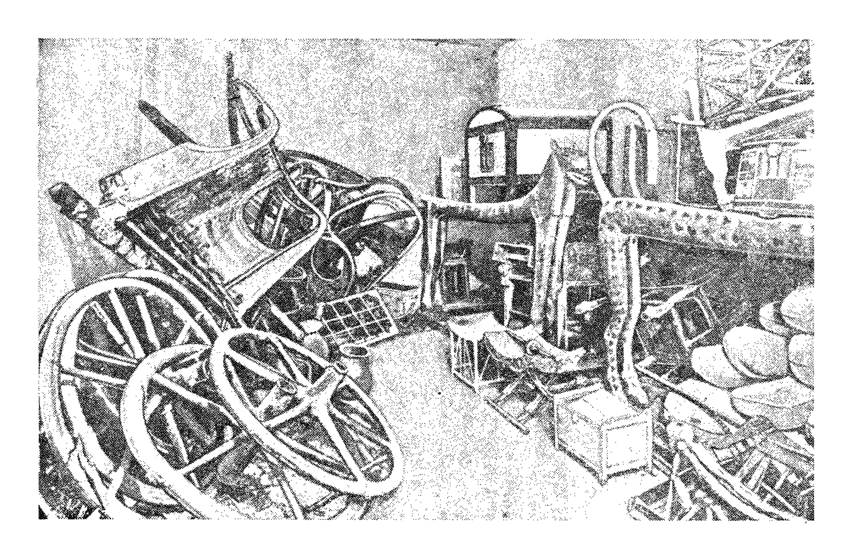
Кладовая в гробнице Тутанхамона.

крыть крышки сосудов, ящиков, посмотреть, что там хранилось столько тысячелетий!

А работать надо медленно, очень медленно. Печати на двери надо сперва тщательно описать, сфотографировать, снять или вырезать их так осторожно, чтобы не повредить. Шаг за шагом можно только проникать в гробницу. Каждая вещица, прежде чем ее взять, должна быть сфотографирована, чтобы знать точно, как она лежала, что было около нее. Мало того, — каждая вещь должна быть точно занумерована, описана подробно. Надо удостовериться, что она не рассыплется под пальцами исследователя, если он возьмет

ее в руки, надо подвергнуть ее такой обработке, пропитать такими составами, чтобы этого не случилось.

Невероятно кропотлива работа современного археолога, знающего, как много могут ему сказать мельчайшие подробности погребения, на которые прежде не обращали внимания. Так работать, как делал это когда-то Бельцони, с точки зрения современной науки, значит портить вещи.

Кладовая в гробнице Тутанхамона.

Немудрено поэтому, что работа могла итти только очень медленно. К февралю следующего года археологи успели только несколько разобрать вещи первой комнаты так, чтобы можно было пройти к видневшейся в конце ее второй замурованной двери. При этом они обнаружили, что под одним из стоявших здесь домов находилась прямоугольная дыра у самого пола. Она вела в соседнюю небольшую кладовую, тоже битком набитую вещами.

Картер и Карнарвон разобрали каменную кладку в конце первой комнаты, которой был заложен вход, где по их предположениям должен был храниться саркофаг молодого

фараона. Вспомним попутно, что они работали здесь не при свете факелов, как пришлось это делать Бельцони и Шамполльону в гробнице Сети I, а при ярком электрическом свете.

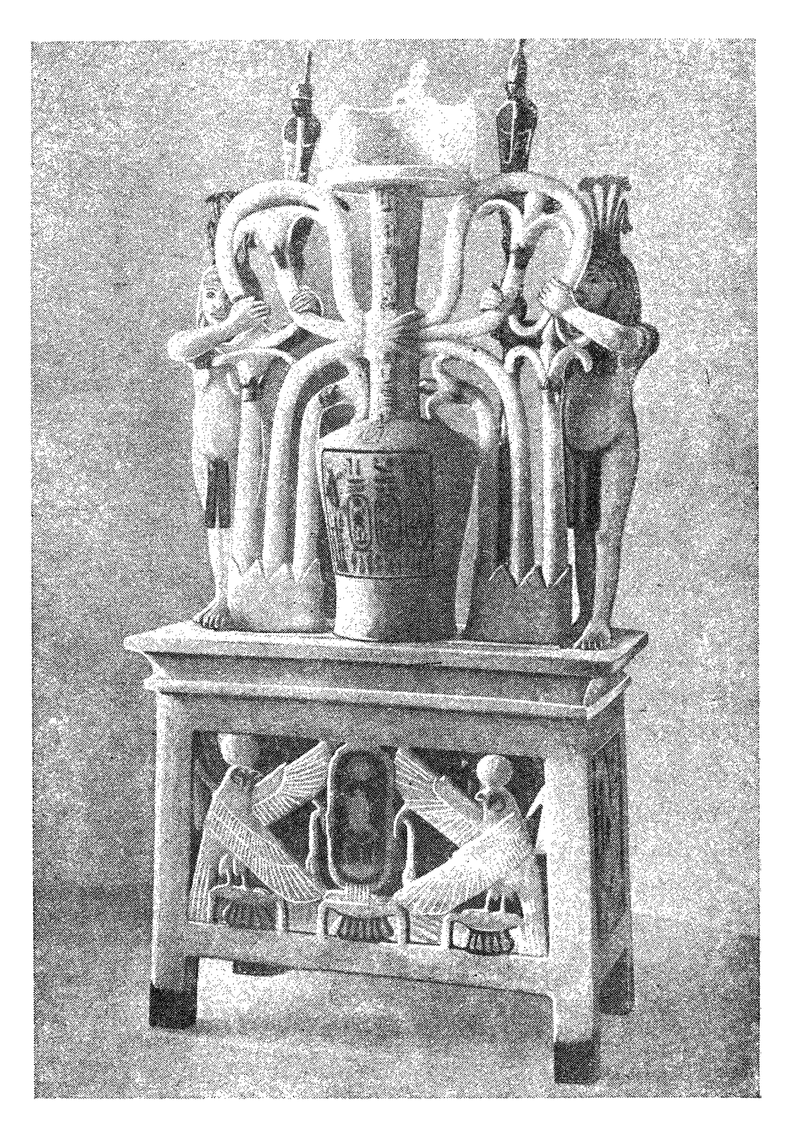
Разобрали стену, и перед ними засверкало золотой поверхностью странное сооружение, сплошная золотая стена, выложенная плитками голубого фаянса, цвета бирюзы. Между золотой стеной и стеной этого склепа — узкое пространство всего в полтора метра ширины. Спустились осторожно, так как пол этой второй комнаты был несколько ниже уровня пола первой комнаты. Осторожно обошли кругом все сооружение. Оказалось, что это ящик гигантских размеров, заполняющий почти всю комнату. Он был сложен из отдельных панелей, — иначе эту громаду было бы не протащить в узкий проход подземелья.

С одной стороны ящика оказались дверцы, заложенные бронзовым засовом и запечатанные печатью Тутанхамона. Сняли осторожно печати, осторожно раскрутили веревку, обматывавшую засов, и вот через три тысячи лет в тишине склепа снова заскрипели дверцы, закрытые и запечатанные жрецами царского некрополя.

Под первым ящиком оказался второй, немного поменьше, тоже закрытый дверцами. Его не стали открывать, а прошли в боковую дверь склепа, ведшую в четвертую и последнюю комнатку, где стояли самые ценные вещи.

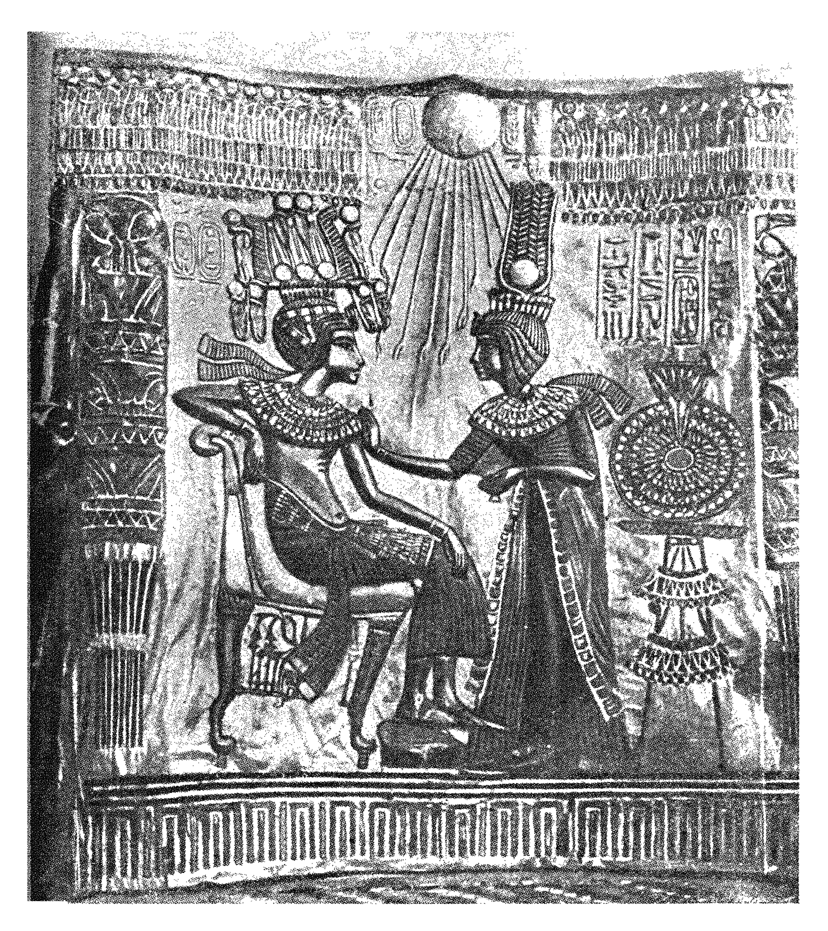
Ничего не было тронуто в этих комнатах с места. Картер и Карнарвон удостоверились, что огромные ящики были ничем иным, как внешними саркофагами мумии молодого фараона. Разбирать их не было времени, — кончался сезон раскопок, из пустыни порывами налетал хамсин, крутя столбы пыли. Напряженная работа давала себя знать усталостью. Найденная царская могила была снова закрыта, запечатана до нового сезона осенью, после разлива реки, когда станет прохладнее. К могиле была приставлена военная охрана.

Кончились месяцы засухи и разлива и снова начались работы в гробнице Тутанхамона. Как много сил и времени

Сосуд для благовоний из гробницы Тутанхамона.

и украшениями царя были надписи, содержащие перечисление вещей, их краткую опись. Оказалось, что опись не всегда соответствовала тому, что на самом деле в ящике

Спинка золотого тронного кресла Тутанхамона.

лежало. Да и засунуты вещи были как попало, наспех. На полу валялось несколько золотых украшений, точно оброненных нечаянно. Заглянули в маленькую кладовую рядом с этой первой комнатой, — там все было перерыто,

разбросано. В первой комнате на ящике нашли небрежно брошенный кусок полотна, на конце которого был завязан узел. Сняли с него фотографию на месте, описали, занумеровали, а затем осторожно развязали узел. Там оказалось восемь тяжелых золотых перстней.

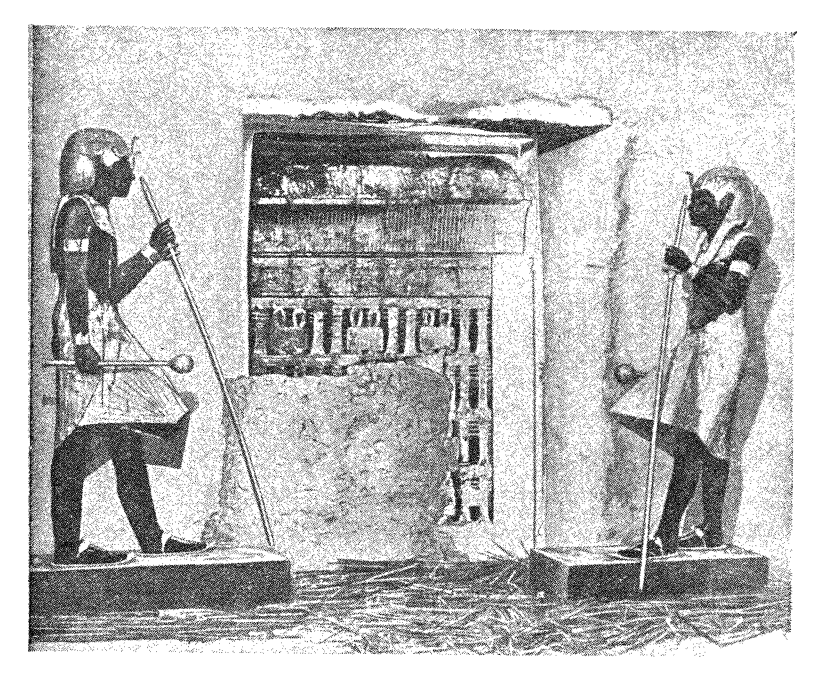
Все стало ясно ученым! Тутанхамона похоронили. Прошло немного времени, и воры проникли в могилу. Их, вероятно, выследили. Но на этот раз им удалось убежать, побросав краденые вещи. Гробничная стража и жрецы вошли в склеп, привели в порядок разбросанные в первой комнате вещи, посовали их кое-как в ящики, — авось фараон на том свете разберется в них сам, затем могилу закрыли, замуровали, лестницу засыпали щебнем и о могиле забыли, казалось, навсегда.

Кому, действительно, мог быть интересен фараон, правивший шесть лет по указке фиванских жрецов, рано умерший и за свою короткую жизнь не сделавший ровно ничего, что могло бы заставить помнить его имя. Вспомнили о нем только археологи, знавшие некоторые памятники с его именем. Особенно интересен был тяжелый, золотой перстень-печать с его именем, купленный уже давно одним из американских музеев у феллахов. Может быть и шевельнулась теперь у археологов догадка, не один ли это из тех перстней, часть которых, восемь штук, была небрежно брошена на ящик в первой комнате гробницы, не был ли он все-таки вынесен ворами и не докатился ли он через века до американского музея? Кто знает?

Так много было вещей, так торопились археологи работать, составлять описи, инвентари вещей, что в один прекрасный день они в опись вещей Тутанхамона нечаянно внесли пиджак Картера!

Самым интересным и самым хлопотливым делом было, конечно, обследование второй комнаты и вскрытие саркофагов. Их пришлось разнять снова на панели и выносить по частям. Первый и второй ящики, вставленные друг в друга, были так огромны, что в пустом пространстве между их стен-

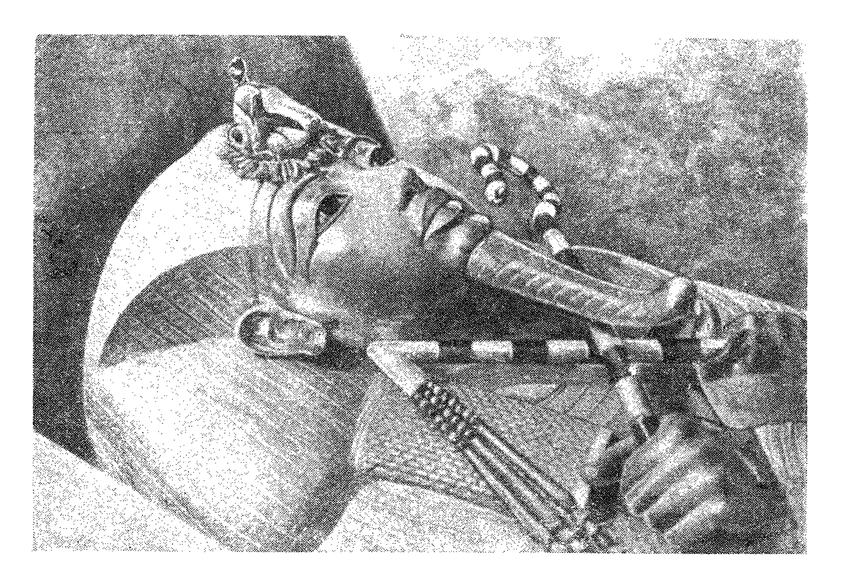
ками найдено было много вещей. Рядом с гробом лежали два золотых опахала из страусовых перьев на длинном древке. Там же стоял чудесный, большой сосуд из белого алебастра в форме колокольчика, обращенного широкой частью кверху. В нем были еще остатки масла, и ученые решили, что это — лампа. Опустили в сосуд электрическую лампочку, желто-

Вход в комнату с саркофагом Тутанхамона. По сторонам двери — его статуи.

ватый алебастр засквозил, и на стенках его проступили цветные рисунки, в обыкновенное время незаметные. Лампа состояла из двух сосудов, вставленных друг в друга. На поверхности внутреннего были вырезаны изображения, раскрашенные яркими красками. Когда лампа горела, когда зажигали фитиль, плавающий в душистом масле, цветные рисунки становились видны.

Разобрали панели первого и второго гроба. Под ними оказался третий, тоже из дорогого, привозного дуба, покрытого позолотой. Сняли и этот ящик. Под ним стоял гигантский гроб из розового гранита. А под крышкой гранитного гроба исследователи увидели золоченое ложе и на ложе этом саркофаг в форме спеленутой мумии, сверкавший золотом и вкладками из цветных камней. Головка богини — коршуна Нехебт и богини — змеи Буто [15] украшали по-

Верхняя часть второго саркофага Тутанхамона.

вязку царя на лбу. На этих головках висел крошечный веночек из голубых лепестков лотоса, сшитый ниткой, вроде тех веночков, которые делают современные дети, втыкая друг в друга цветочки сирени. Кто знает, может быть, вдова Тутанхамона, по возрасту еще совсем девочка, прощаясь последней с телом умершего, повесила ему на лоб свой последний подарок.

В первом саркофаге был вставлен второй, так же, как и первый, обшитый кованым, чеканным золотым листом. Вы-

тащили серебряные шипы, которыми была прибита крышка, подняли ее и увидели третий гроб, сверкавший золотом, полированной поверхностью и великолепными вкладками из цветных камней. Трудно было работать. Температура в гробнице не опускалась ниже 28° Реомюра, стояла страшная духота, места в комнате было мало, с трудом можно было повернуться.

А вынести саркофаг, продолжать работать на воздухе, невозможно. Восемь человек не смогли поднять саркофаг, тем более вынести его из помещения. Попробовали вынуть третий саркофаг из второго. Невозможно! Помимо огромной тяжести, он еще точно влип во второй. При погребении на него вылили не менее двух ведер душистого масла. За три тысячи лет оно превратилось в густую, липкую, вязкую массу, крепко и приятно благоухающую.

Археологи пошли на риск. С помощью системы блоков оба саркофага перевернули лицом вниз. Внутренний гроб обложили оловянным листом, плавящимся только при 520° Цельсия; внешний гроб обернули мокрыми тряпками, чтобы не загорелись дерево и смолы, подтянули огромную тяжесть обоих саркофагов на леса и подставили под них сильные парафиновые лампы. Через несколько часов смолы размягчились, и тогда нижнюю часть второго саркофага сняли с третьего, как футляр. Обмыли саркофаг уксусным спиртом. Открыли крышку и поняли, почему он так невероятно тяжел, почему при длине в 1 метр 85 сантиметров он весит не менее 4 $^1/_2$ центнеров.

Саркофаг этот необычайно художественно сделан из чистого золота, и если судить о его ценности только по весу, а не по его редкой художественности, то золота в нем — на наши деньги на 500 тысяч золотых рублей.

Мумия, лежавшая в этом золотом гробу, была покрыта еще маской, тоже золотой с цветными вкладками из камней и стекла, такой же необычайно художественной работы. Она представляет огромную ценность, потому что является точным портретом покойного фараона. Золотая стоимость

ее «невелика» по сравнению с золотым саркофагом, — всего 50 тысяч золотых рублей!

Вскрытия мумии ждали с нетерпением как ученые, так и просто любопытные. Хорошо ли она сохранилась? Как выглядел Тутанхамон на самом деле? Нельзя ли установить, отчего он умер?

Портретная голова Тутанхамона. Юный фараон поднимает голову из цветка лотоса, как солнечный бог Ра, который, по египетскому представлению, возник из цветка, выросшего из вод океана при сотворении мира.

Развертывать ее оказалось труднее, чем можно было ожидать. Душистые масла проникли и в золотой гроб, так что мумия была буквально погружена в них. Голова лежала выше, масло не коснулось ее, и это хорошо, потому что бинты на теле и самая мумия слиплись и почернели. Пришлось бинты не развертывать, а срезать большими кусками. На мумии было огромное количество золотых украшений и амулетов. На голове фараона была одета диадема — повязка из золота и сердолика. Великолепные ожерелья покрывали грудь, на ногах были золотые, кованые сандалии, на пальцах рук и ног были одеты золотые футляры.

Но самое любопытное было, что среди всего этого сверкания золота и цветных камней самое почетное место занимали три предмета. Под головой лежал амулет в форме подставочки для головы, заменяющей подушку. Амулет этот был выкован из железа. На руке был одет широкий железный браслет, украшенный цветными камнями, на пальце красовался железный перстень.

Вавилонский царь Бурнабуриаш писал как-то Аменхотепу III, отцу Эхнатона: «Брат мой, золота в твоей стране столько же, сколько песка». Зато железо здесь было в те времена еще так редко, что его ценили дороже золота.

Сняли бинты, мягкой кистью смахнули с лица мумии тонкую пыль пелены, лежавшей на теле, и перед археологами предстал Тутанхамон, которого они так долго искали.

Тутанхамон в виде юного солнечного бога Гора, поражающего злого бога Сета, врага Осириса, отца Гора. Обожествленный царь стоит в ладье из стеблей папируса. Деревянная статуэтка.

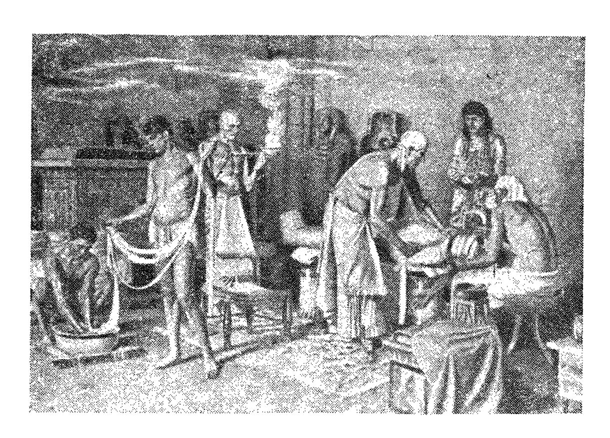
Кто хочет узнать подробно от самих исследователей ход их работы, может прочесть их книжку, одну из самых увлекательных повестей последнего времени. * Нам же остается сказать только несколько слов еще о самом Тутанхамоне. Он был очень еще молод в момент смерти, — не более 18 лет, говорят ученые, осмотревшие внимательно его мумию. Очень худощавый, он не производил впечатления здорового человека. Но причины смерти установить не удалось.

---

* О раскопках в гробнице Тутанхамона можно подробно прочесть в книге Картер-Мейе — Тутанхамон, гробница египетского фараона. Гос. издательство. 1927 г.

Зато можно, хотя и приблизительно только, сказать, в какое время года он умер: гроб его был украшен гирляндой васильков, а васильки в Египте цветут примерно между серединой марта и концом апреля; значит, Тутанхамон умер в эти именно месяцы или немного раньше.

Что стало с молодой вдовой его, мы не знаем. Последнее вещественное воспоминание о ней — веночек из голубых лепестков на лбу саркофага.

Бальзамирование тела Тутанхамона. По картине художника Матания.

Вот с какой невероятной роскошью хоронили в Египте фараонов в эпоху Нового царства за 1500—1000 лет до нашей эры.

А ведь гробница Тутанхамона не принадлежала еще к самым богатым. Ее, может быть, устраивали даже наспех, как думают ученые, потому что росписи в ней сделаны только на стенах комнаты с саркофагом и сделаны плохо. Что же было в гробницах Сети I, фараона следующей, XIX, династии, или Рамзеса III, фараона XX династии, если и теперь еще мы удивляемся их огромным размерам, бесконечным анфиладам коридоров, лестниц и комнат, великолепно расписанных, украшенных рельефами большой художественной ценности?! Месяцы нужны были, чтобы перенести в них все

дары, все заупокойные жертвы, чтобы устроить все для приема золотого гроба с мумией.

Какая разница с погребением какого-нибудь бедного ремесленика, может быть, одного из тех, которые своими руками высекали рельефы на стенах этих царских гробниц. Тело бедняка не вскрывают, его только посыпают сверху солями, чтобы предохранить от тления. Вместо тонких, как лучший батист, полотняных бинтов, его наспех завертывают в кусок грубого холста. Дерево — дорого, саркофага бедняку не полагается. В самом лучшем случае ему под спину подсовывают небольшую доску из дешевого дерева сикоморы, грубо обрезанную в форме саркофага, но непременно с надписью, упоминающей его имя и перечисляющей все дары, которые ему желают получить на том свете: тысячи быков, гусей, хлебов и сосудов пива, тысячи свертков полотна, тысячи «вещей всяких прекрасных и чистых, которыми живут боги».

Необычайно богаты были погребения фараонов Нового царства, а храмы, выстроенные ими, до сих пор поражают нас своими размерами. Колонны Карнакского храма, например, сложены из огромных гранитных барабанов. Целым лесом прямых стволов подымаются они, раскидываясь наверху гранитными капителями в форме метелки цветущего папируса. Говорят, на такой капители может поместиться сто человек. Статуи Рамзеса II, украшающие вход в Абу-Симбельский храм, имеют 20 метров в вышину и высечены из целой скалы.

Как велики были богатства жрецов бога Амона фиванского и других храмов, об этом нам уже рассказал так называемый «большой папирус Харрис».

Фараоны XIX династии, Сети I и его сын, Рамзес II, вели удачные войны, и Рамзес II даже заключил договор с царем хеттов, народа, осевшего в Малой Азии. Египет стал от хеттов получать железо, которое еще при Тутанхамоне за какие-нибудь 60 лет до того было так редко, что из него делали только браслеты и кольца.

Попрежнему египетские суда бороздили Средиземное море, вывозя из Библа дань подвластных Египту князьков: кедровое дерево, кедровое масло для бальзамировки, слитки серебра, бронзу, синюю ляпис-лазурь — дорогой камень, вывозившийся через Месопотамию из далеких гор Афганистана.

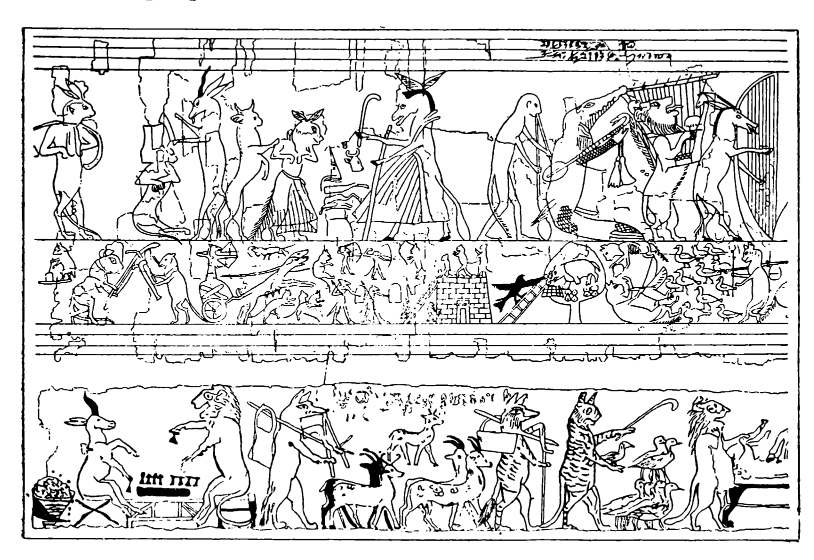
Рамзес III победоносно сражался с ливийцами и отразил нашествие «народов моря». [16]

Казалось, власть фараонов при деятельной поддержке жрецов и войска взлетела так высоко, как никогда. Но заглянем опять в папирусы, посмотрим, подтверждают ли они блестящее состояние страны.

VII. КОНЕЦ МОГУЩЕСТВА ФАРАОНОВ.

Рисунки Туринского папируса. Рассказ Уну-Амона, посла египетского фараона.

Вот перед нами длинная лента Туринского папируса. Надписи сильно повреждены. Зато рисунки тушью сохранились прекрасно.

Карикатура Туринского папируса.

Вверху осел, наряженный в платье египетского вельможи, складчатым передником торчащее вперед, опираясь на высокий посох и размахивая жезлом, орет на кошку. Кошка, стоя на задних лапках, покорно сложив передние на груди, склоняется почтительно перед грозным ослом. Сзади кошку

подталкивает бык, притащивший ее на суд осла. От ужаса бедная кошка даже хвост взъерошила. Рядом с этой сценой другая. Осел распевает, наигрывая копытами на большой арфе; лев, аккомпанируя себе на лютне, даже голову закинул, выводя высокую ноту; крокодил жеманно тренькает на мандолине, гриф которой украшен кисточками, точно у какой-нибудь придворной музыкантши; обезьяна играет на длинной двойной флейте. Настоящий оркестр, какой устраивается в богатых домах и во дворце царей.

Внизу мыши осаждают кошачью крепость. Мышиный царь несется на колеснице, запряженной борзыми собаками. Кошки так и валятся под «копытами» этих борзых коней. Точь в точь, как на великолепных рельефах на стенах храмов, где победоносный фараон осаждает враждебные крепости, мчась в колеснице, запряженной конями.

С правой стороны папируса кошки пасут уток: селезень храбро налетает на одну из кошек, а она от страха упала на спину и дрыгает всеми четырьмя лапками в воздухе.

И еще ниже повторяются те же сцены: кошка пасет гусей, а шакалы, играя на флейте, с пастушьей сумкой за плечами, гонят в поле коз с козлятами.

Но самые интересные изображения справа и слева этой нижней части папируса: старый, обтрепанный лев, сидя на табурете, играет в шашки с газелью. С другой стороны тот же лев с облезлой гривой воет горестно над трупом газели, лежащей на смертном ложе.

И такие сцены мог увидеть каждый в росписях храмов, дворцов и царских гробниц: царь играет в шашки с одной из своих жен, а Эхнатона мы уже видели рыдающим у смертного ложа своей дочери.

Когда в Каирском музее развернули мумию Рамзеса III, всем бросилось в глаза поразительное сходство его профиля с профилем облезлого льва на Туринском папирусе. С чем же мы здесь имеем дело? Что здесь изображено? Да ведь это карикатура, злая сатира на все управление фараона, на него самого! Ослы судят, шакалы и кошки «пасут» безза-

щитных уток и козлят. А при дворе под музыку крокодилов и пенье ослов облезлый старый лев, Рамзес III, играет в шашки.

Вспомним большого сфинкса с лицом фараона Хефрена и туловищем мощного льва, взглянем хотя бы на ленинградских сфинксов, с таким же мощным львиным телом и головой Аменхотепа III. Рамзес III изображен на туринском папирусе тоже львом, но каким? Над фараоном смеются, смеются над его управлением, над его победоносными походами, над пирами и концертами при дворе, даже горе старого фараона ни в ком не возбуждает сочувствия. Фараоны носят еще древний титул, «сын солнца, бог благой», но в их божественность никто больше не верит, и лучшее этому доказательство — ограбление царских могил.

А как относятся к фараонам и жрецам в подвластных когда-то Египту странах? На этот вопрос ответим словами египтянина Уну-Амона. Папирус с его отчетом о путешествии в Библ за кедром хранится в Московском музее изобразительных искусств.

Для священной лодки бога Амона фиванского понадобилось дерево кедра. В былое время это делалось просто: снаряжался корабль в гавань Библ, [17] отдавалось приказание князькам, подвластным фараону, они вырубали потребное количество дерева и с низкими поклонами и льстивыми письмами слали эту дань фараонам и верховным жрецам Амона.

При Рамзесе XII корабли больше не ходят в Библ за данью, и князьки сирийские не боятся больше появления на их земле египетских войск. Времена переменились. Рамзес XII именуется фараоном, но всеми делами ведает Хрихор, верховный жрец бога Амона. На севере, в Дельте, правит Несубанебдед, не желающий подчиняться ни Рамзесу, ни Хрихору, — в Египте нет больше единства. Кедровое дерево для барки Амона придется купить, а сто́ит оно дорого, а у фараона и его соправителя-жреца нехватает средств заплатить за него, — подати в царскую казну поступают туго, и сокровищница храма Амона тоже опустела.

Хрихор снаряжает в путь «начальника приемной залы» Уну-Амона. Золота и серебра он ему дает мало, но зато отправляет с ним статую «Амона Путевого», — авось в благодарность за то, что само божество посетило их, сирийские князьки сжалятся и пришлют кедра.

И вот отправились Уну-Амон, «начальник приемной залы Амона Карнакского» и сам Амон, царь богов, в далекий Библ попрошайничать у бывших подданных фараона.

По дороге, в одной из гаваней, где он остановился, Уну-Амона ограбили. С приключениями он добрался, наконец, до Библа, но, не ожидая хорошего приема, сперва отыскал укромное место, запрятал в нем статую своего «великого бога», Амона Путевого и мешечек с серебром, который он насильно отобрал по дороге у какого-то туземца в возмещение ограбленных у него самого денег.

Князь Библа встретил знатного египетского посла неласково. Он даже не допустил его к себе, а просто прислал ему сказать. «Убирайся вон из моей гавани!»

Три недели прожил Уну-Амон здесь, и каждый день князь Библа твердил ему через своих посланных одно и то же: «Убирайся вон из моей гавани!»

Египетского посла выручила из его тяжелого положения болезнь одного из приближенных князька Библа. В припадке помешательства он стал требовать, чтобы позвали Уну-Амона, посла бога Амона.

На другой день, осмотрев еще раз тайник, где он прятал статую Амона, посол поднялся на холм, где стоял дворец князя. Уну-Амон не оставил нам описания его, — вряд ли знатного египтянина, привыкшего у себя на родине к роскоши дворцов фараона, могла удивить обстановка дома какого-то захудалого сирийского князька. Его поразила только своей красотой картина, которая открылась перед ним, когда он вошел в залу, где его ожидал князь. Он сидел, облокотясь спиной на большое окно залы, и позади него синие валы великого Сирийского моря вставали, неслись к берегу и разбивались о скалы, взлетая белой пеной.

— Да будет к тебе милостив Амон, — вежливо приветствовал князя посол фараона и жрецов.

Князь ответил вопросом:

— Сколько времени прошло с тех пор, как ты покинул жилище Амона?

— Пять полных месяцев прошло с тех пор.

— Правду ли ты говоришь? И где же у тебя письмо Амона, письмо верховного жреца, — продолжал спрашивать князь. С каким поручением явился ты сюда?

— Я приехал за деревом для великой, великолепной ладьи Амона-Ра, царя богов. Отец твой давал его, дед твой поступал так же, и то же самое сделаешь ты.

— О, да, — отвечал князь, — они делали это, действительно, и если ты дашь что-нибудь за это, и я поступлю так же. Да, они выполняли такие поручения, но ведь и фараон присылал тогда шесть кораблей, груженных египетскими товарами, и товары эти складывали в их амбары.

Князь Библа показал Уну-Амону все записи, с перечислением слитков серебра, которые прислал фараон его отцу и деду; ведь фараон был крупнейшим торговцем Египта.

— Если бы царь Египта был господином моего имущества, а я был бы его слугой, он не посылал бы серебро и золото, говоря: «Исполни поручение Амона». Не было вовсе царским подарком то, что фараон присылал моему отцу, это была плата за дерево. Я же — не слуга твой и не слуга жреца, пославшего тебя. Стоит мне крикнуть в горы Ливана, и небо откроется, и деревья очутятся сами собой здесь и лягут на берегу моря. Но где у тебя паруса, чтобы донести корабли твои с деревом в Египет? Дай мне веревки, чтоб связать деревья, которые я должен срубить.

Князь Библа наотрез отказался делать что-либо даром. Прошли те времена, когда Египет мог на такую дерзость ответить войной. А князь еще насмешливо подчеркнул бедность посла, — за деревом приехал, а даже веревок не привез вязать его!

Торгуется князек. Уну-Амон посылает в Египет отчаянное письмо, просит прислать требуемую плату. В Египте с трудом набрали.

золота	4	сосуда
серебра .	5	сосудов
одеяний из царского полотна	10	штук
тонкого папируса.	500	свитков
бычачьих шкур	500	штук
веревок.	500	мешков
чечевицы	20	»
рыбы	20	корзин

Получив этот «подарок», князь пригнал 300 человек и 300 волов, поставил над ними надсмотрщиков, чтобы рубили они деревья...

Мы не знаем, доставил ли Уну-Амон в конце концов драгоценный груз в Фивы. Ему пришлось пережить еще немало приключений, но о том, как он вернулся, папирус не рассказывает, — его конец поврежден.

Для нас, однако, достаточно и сказанного. Наступал конец тысячелетней истории «страны пирамид». С Египтом больше не считались соседи; он разваливался опять на Юг и Север, враждовавшие между собой, как было когда-то в начале египетской истории; фараоны и жрецы разоряли страну; население голодало, доведенное до отчаяния эксплоатацией, бросало работу; в разных местах вспыхивали восстания. Все чаще стали повторяться грабежи, всяческие преступления.

Прошло немного столетий, и Египет был завоеван без особенного труда персами, а в 325 году до нашей эры Александр Македонский, разбив персов, получил от них вместе со всеми прочими завоеванными землями и Египет.

По его имени был назван основанный им город Александрия, с которого началось наше путешествие по древней стране пирамид.

●

КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА.

Древнейший Египет.	до 3200 г. до н. э.
Время первых двух династий и борьба за объединение Египта, фараоны Менес, Нармер и др.	ок. 3200 г. до н. э.
Древнее царство.	ок. 2740—2270 г. до н. э.
III династия — фараон Джосер, строитель ступенчатой пирамиды.	
IV династия — фараоны, строители пирамид Снефру, Хуфу (Хеопс), Хафра (Хефрен) и Менкера (Микерин).	ок. 2684—2560 г до н. э.
V династия — фараоны Сахура, Неферкара и др., строители Абусирских пирамид.	ок. 2560—2420 г. до н. э.
VI династия — фараоны Пиопи I, Пиопи II и др.	ок. 2420—2270 г. до н. э.
Переходное время.	
Падение династии фараонов, восстание угнетенных, распадение Египта на отдельные княжества, вторжение иноземцев. Новая династия (IX—X) в городе Гераклеополе.	ок. 2270—2060 г. до н. э.
Среднее царство.	ок. 2060—1750 г. до н. э
XI династия — фараоны Ментухотепы, строители пирамиды в Дер-Эль-Бахри.	
XII династия — фараоны Аменемхеты и Сенусерты: время нового расцвета страны.	2000—1788 г. до н. э.
XIII династия — ослабление Египта. Нашествие гиксосов, чужеземцы в Дельте.	ок. 1750—1580 г. до н. э.

Борьба фиванских фараонов с гиксосами; Секененра.	
Новое царство.	1580—1100 г. до н. э.
XVIII династия — фараоны Тутмосы I—IV, Аменхотепы I—III, Эхнатон. Тутанхамон.	1580—1350 г. до н. э.
XIX династия — Рамессиды; фараоны Сети I, Рамзес II, Рамзес III и др.	1319—1085 г. до н. э.
Позднее время.	1085—525 г. до н. э.
Постепенный распад Египта. Ливийская и Эфиопская династии. Последний расцвет Египта при Саисской династии.	
Персидское завоевание.	525 г. до н. э.
Завоевание Александра Македонского.	332 г. до н. э.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] **Тулон** — военная гавань на юге Франции.

[2] **Мамлюки** — гвардия арабов-правителей Египта. Слово «мамлюк» означает «раб». В средние века арабы, тогдашние правители Египта, воспитывали при своем дворе детей-рабов, готовя их для военного дела; вырастая, они поступали в отряды гвардии. В 1250 г нашей эры во время войны Египта с французским королем Людовиком IX один из начальников мамлюкских отрядов убил султана и захватил в свои руки власть. Мамлюки правили Египтом самостоятельно почти триста лет. В 1517 г. Египет был завоеван турками, но мамлюки остаются наместниками, и на население страны легла двойная тяжесть: подати и налоги наместники стали взимать в двойном размере — для себя и для турецкого султана.

[3] **Обелиски** в древнем Египте украшали обычно входы в храм; они имели форму прямоугольной, высокой колонны, суживающейся кверху и увенчанной небольшой пирамидой, и ставились обыкновенно по обеим сторонам главных ворот.

[4] **Арабисты** — ученые, занимающиеся изучением арабского языка.

[5] **Мемфисский бог Птах** считался в Египте покровителем и изобретателем ремесла и искусства; его изображают иногда сидящим за гончарным станком, на котором он лепит мир в форме яйца.

[6] **Саркофаг** — гроб, в котором хранится мумия. Саркофаги делались из дерева, камня, из проклеенных слоев холста и расписывались яркими изображениями богов и т. п.

[7] **Амон** — верховное божество города Фив, откуда родом были фараоны Нового царства.

[8] **Исида** — одно из главнейших египетских божеств, почитавшихся во всей стране: считалась женою Осириса, бога земного плодородия, и матерью Гора, юного бога солнца.

[9] **Рельефом** называют выпуклые изображения на стене или на какой-нибудь другой плоскости.

[10] **Сехмет** почиталась в Египте, как жена Птаха, мемфисского бога; она была богиней войны, пустыни, палящего солнца пустыни. С ее именем связан миф о попытке богов истребить род людской.

[11] Следует помнить, что в древности по болотистым берегам Нила

росли густые заросли особого вида тростника, т. наз. **папируса**, из сердцевины которого приготовляли **папирус** — бумагу, на которой писали в древности.

[12] **Грифон** — фантастическое животное с головой хищной птицы и телом льва.

[13] **Ра** — бог солнца; почитался в древнем царстве в городе Гелиополе, откуда родом были фараоны V династии, в пирамидах которых найдены «тексты пирамид».

[14] **Элефантина** — современный Ассуан, местность около первых порогов Нила; южная граница Египта.

[15] **Нехебт** и **Буто** — богини Верхнего и Нижнего Египта; их изображение имел право носить только фараон.

[16] **«Народы моря»** явились с островов и побережий Эгейского моря, были вытеснены из Египта Рамзесом III; часть их под именем «филистимлян» осела на побережье Палестины, в названии которой еще звучит имя филистимлян.

[17] Город **Библ** находится на побережье Финикии.

СОДЕРЖАНИЕ.

№ ....

ЦЕНА ....